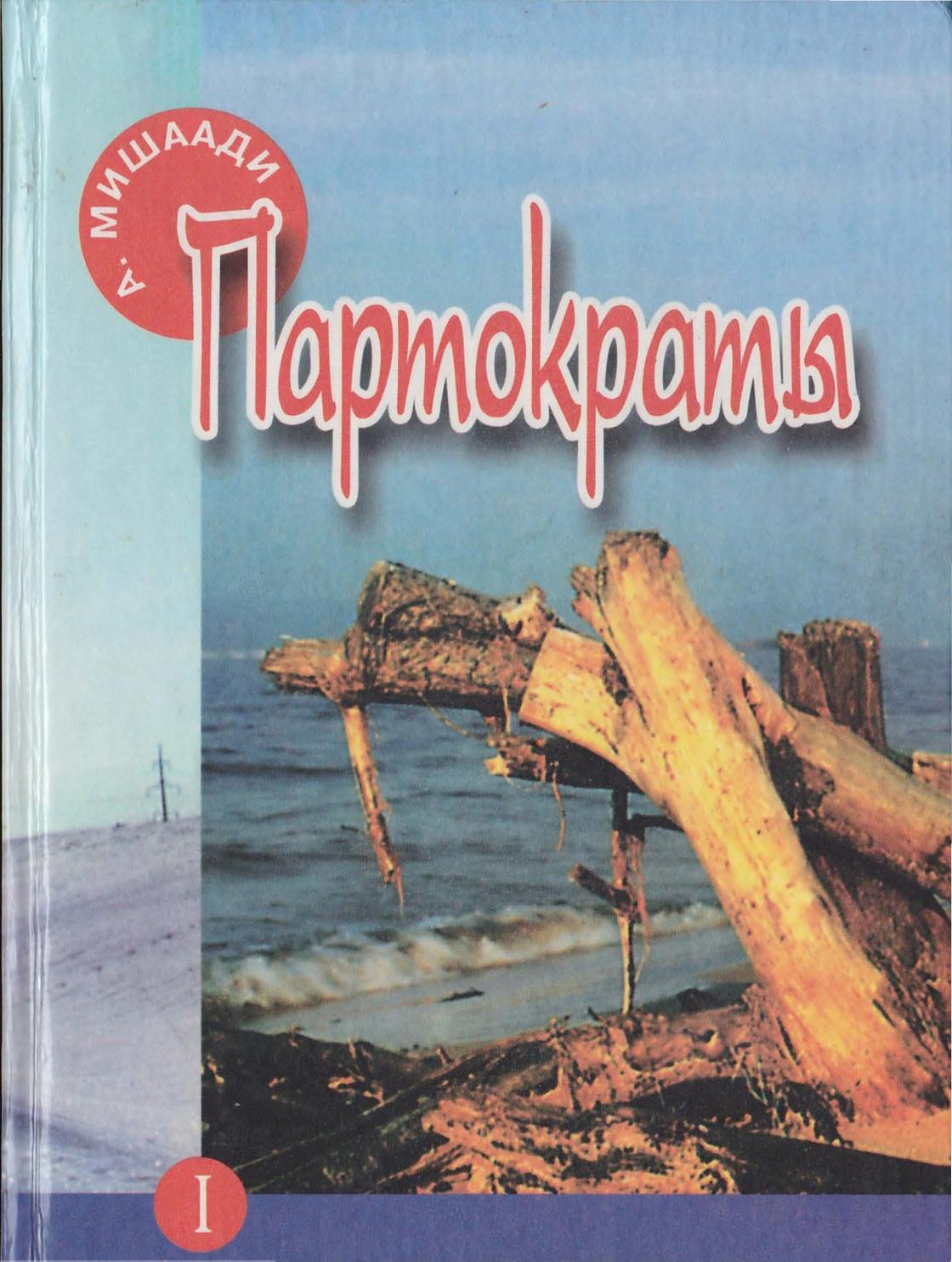

МИШААДИ
А.

Партократы

I

АЛЕКСАНДР МИШААДИ

НА ИЗЛОМЕ

ПАРТОКРАТЫ

г. Ульяновск
“Печатный двор”
2001 год

ББК 63.3 –2
Б 73

Александр Мишаади
Б 73 “Партократы” – Ульяновск :ГУП “Областная типография”
“Печатный двор”, 2001. – 208 с.

Автор книги – педагог, журналист, краевед, партийный работник. Окончил Яковлевскую школу, Ульяновский ордена “Знак Почета” педагогический институт имени И. Н. Ульянова, Горьковскую Высшую партийную школу. Работал учителем, директором школы, секретарем райкома КПСС, заместителем редактора газеты “Ульяновская правда”, зав. сектором печати и телевидения Ульяновского обкома партии. Его перу принадлежат книги “Важное звено перестройки”, “Возрождение”, “Это начиналось так”, “Село на Московском тракте”, “Восхождение”.

ISBN

© А. Мишаади, 2001
© Областная типография
“Печатный двор”

НА ИЗЛОМЕ

Книга первая

“Смутно проносилось в его уме, что во всех отступничествах, которых он был свидетелем, кроется не одно личное предательство...”

М. Е. Салтыков-Щедрин

ДРУЗЬЯ

Час назад прошел ливневый дождь, и весь город наполнился журчаньем ручейков. Вадим Петрович Аверкин невольно остановил взгляд на небольшой луже и долго следил за тем, как одинокий лист, неведь откуда пригнанный сюда, отчаянно силился выйти из замкнутого круга. Ветер порывисто давил на него то сверху, то сбоку, крутя и вертя его и не давая вырваться на простор небольшого потока, который набирал разбег на обочине дороги высотной улицы и с рокочущим шумом спешил в Свяягу. Бабье лето уже на исходе, и осенняя пора напоминала краски левитановских картин. Разноцветные деревья постепенно меняли облик города, и только прощальные курчавые облака неподвижно висели в голубом просторе, напоминая прекрасные дни ушедшего лета.

Вадим Петрович посмотрел на часы и быстрыми шагами двинулся к Дому активиста. До начала дискуссии оставалось меньше часа.

Зал, ставший за годы перестройки местом отчаянных дебатов, полон народу. Сюда пришли члены политического клуба, интеллигенция города, партийные и советские чиновники. Вадим Петрович окинул аудиторию. Сделав несколько шагов, остановился. Знакомых много, но никто из них знака не подавал. Наконец-то увидел Геннадия Ивановича Ларькова, махавшего ему рукой, показывая, что место для него свободно.

Поздоровались. В зале царила тишина, хотя свободных мест почти не было. “Тишина перед бурей”, – промелькнуло в голове Аверкина, и он никак не мог отвязаться от назойливой мысли. Может, потому, что даже в верхнем эшелоне власти не было уже единства. Звали к консолидации, а в практических делах постоянно назревали конфликтные ситуации. Причину понять не трудно – идет борьба. Сложней объяснить позицию тех, кто стоит у руля. Вадим Петрович не помнит ни одного выступления хозяина партийного дома, чтобы тот не напоминал о единстве. Но почему-то запомнил, что консолидация может основываться только на принципиальной базе. “Мы не враги”, – часто повторяли одни. “У нас одна программа”, – твердили другие. Вадим Петрович тоже часто задавался вопросом, – действительно, стремимся к одной цели, а ведем себя словно враги. Потом понял, что ошибался. Тайна политических разногласий заключалась в подходах. Говорим правильные лозунги, а делаем вопреки здравому смыслу.

Зал вдруг зашевелился. Аверкин слегка встряхнулся и устремил взор на дверь, откуда должны появиться ведущие встречи. И тут произошло неожиданное. Не успел подняться к столу президиума первый секретарь Василий Семенович Корчаков, как из задних рядов выскочил молодой человек и заявил: “Дискуссия предложена социально-правовой комиссией политклуба, которая доверила быть ведущим Григорию Васильевичу Пупникову!” Зал загудел. Василий Семенович, нет сомнений, предусмотрел ситуацию и поднял правую руку, в которой держал областную газету. Не торопясь, развернул ее и, окинув зал, начал читать словно учитель, который давал первый урок в

жизни: "По плечу или нет сегодня партийным организациям роль политического авангарда? – снова окинул зал и, убедившись в его надежности, продолжил. – Если нет, то почему? Этот вопрос будет обсуждаться 21 сентября на встрече, организуемой горкомом партии..." Последние слова подчеркнул с пафосом и не менее торжественно спросил: "Следует ли дальше читать?" "Не-е-ет!" "Все понятно!" – посыпались со всех сторон голоса. Вадим Петрович посмотрел туда, где стоял молодой человек, но там его не оказалось. "Инцидент небольшой, но сегодня он характерен для нынешнего момента, – подумал Геннадий Иванович. – Партийные органы не хотят выпускать бразды правления даже в простых ситуациях, а неформальные объединения стремятся доказать, что они тоже сила и с ними следует считаться".

Слово предоставили Остапу Хазарову, автору статьи "Никто партию не заменит", нашумевшей на всю страну. Он уверенно занял место за трибуной, окинул взором аудиторию, затем посмотрел на свои записи. Начал, как всегда, издали, стараясь теоретическими выкладками обосновать положения статьи. Незаметно перешел к теме, которая должна раскрыть глаза тем, кто сомневался в его порядочности, кто считал его сторонником нажимного стиля. Бессонные ночи посвятил тому, как выползти из каверзного лабиринта. Демократию он не воспринимал, вернее, наоборот, – демократия не воспринимала его стиль. Для демократии он был отчимом и немало сил истратил на сглаживание "межпанельных швов", чтобы они выглядели незаметными. "Мою принципиальность все хорошо знают, – глуховатый, но слащавый голос его ласкает ухо, но мало кого может убедить в

искренности его слов. – Я всегда выступал и буду выступать против несправедливости”. При этом не забыл напомнить нашу мевшую историю с коттеджами.

“Да, в этом деле он проявил исключительную твердость, неожиданную даже для многих сослуживцев, знавших его по работе”, – подумал Геннадий Иванович. Но ларчик открывался просто. Приближались выборы. Подмоченная репутация нуждалась в подкрашивании. На заседании бюро по инициативе Хазарова была дана принципиальная оценка коттеджной лихорадке. Выводы однозначны – руководители пользуются привилегированным положением в обществе и вопреки нравственным нормам строят себе хоромы.

Конъюнктурщик всегда найдет способ реализации своих планов. Хазаров был великим мастером выбирать момент и жертву неуловимой тактики. По некоторым сведениям, он – в полном соответствии с правовыми и нравственными принципами – составил некий список, свидетельствующий о его чрезвычайно высоких требованиях к руководящей элите. В него попал и директор научно-исследовательского института Георгий Владимирович Рыжов. Хазаров усиленно искал повода, чтобы накинуть на его шею аркан. Случай недолго заставил себя ждать. На предвыборном собрании сотрудники института выдвинули кандидатом в народные депутаты России местного церковного владыку. Руководство научного учреждения пригласили в партийный дом. Хазаров великолепно владел секретами нажимного стиля, и разговор получился резкий и недоброжелательный. Партийный чиновник от удовольствия потирал руки. Но тут начался непредвиденный ажиотаж. Когда, казалось, жар-птица находилась в его руках, сотрудники начали атаку на

самого партийного босса. Коса нашла на камень. В тот же вечер собрался актив института, куда пригласили властителя партийной думы. Собрание проходило бурно, и оно явилось началом конца партийной карьеры Хазарова.

... До Вадима Петровича доносились обрывки его речи. Оратор перечислял длинный ряд моральных качеств, которые должны убедить сидящих в зале, что за трибуной стоит человек, на которого несправедливо клеветают. Но Аверкин не мог слушать его без иронии, ибо знал его слишком хорошо. Ему известны были его завуалированная политика, интриганский характер. «О политической физиономии человека надо судить не по его речам, не по его биению себя в грудь и проливанью крокодиловых слез», – невольно пришли в голову чьи-то слова. Но кому бы они ни принадлежали, точно характеризовали Остапа Гурьевича. Он обладал тонким нюхом, чутко улавливал политические колебания. И умел защищать свою шкуру.

Вадим Петрович силился вытянуть нить, ведущую в психологический лабиринт человека, пригретого могучей рукой Юрия Саксонова. Возглавляя какой-то отдел в партийном доме, Хазаров в свое время словно за уши тянул бывшего начальника цеха по служебной лестнице и довел его до второго лица в округе. На этом политическая карьера Саксонова не остановилась. Заняв после Георгия Ильича Клобина политическое кресло обкомовского лидера, он вдруг вспомнил, что есть умная русская пословица, которая гласит: «Долг платежом красен». Настал черед проявлять заботу о Хазарове.

Воспитанный в духе застойных времен, Саксонов обходил демократические рогатки, как лесной зверь

обходит коварно расставленные охотничьи ловушки. Хотя по стране административная система трещала по всем швам, в волжском крае безраздельно господствовали старые стереотипы. Особенно уродливы были методы в кадровой политике. Все делалось тайно, внезапно, с большим искусством. Новый партийный кабинет формировали под замком, демократию держали – под тройным. На зависть тайной полиции. Неясность порождала колоссальную разногласию. Слухи никем и ничем не опровергались. Когда начались выборы на отчетно-выборной конференции, кандидатуру Хазарова никто не отвергал и в то же время никто не знал, откуда и по чьей воле всплыла его кандидатура. Не принято. Зал еще аплодировал, а Остап Хазаров уже занял место рядом с хозяином, как кот занимает излюбленное место после вкусного обеда. “Вырос словно гриб после обильного дождя”, – подумал тогда Аверкин.

И вот Хазаров снова на трибуне. Встреча с автором статьи “Никто партию не заменит” организована его сторонниками. Речь смазана будто особою мазью, чтобы не скрипела. Сделав небольшую паузу, он снова – который уже раз! – вернулся к одному и тому же вопросу:

– Представим себе, что шестая статья из конституции вычеркнута. Кто возьмет роль авангарда в обществе? Какая партия или какой орган может управлять страной? Нет силы, способной держать на привязи наше общество. Начнется анархия и произвол. Советы народных депутатов всегда были лишь на второй ступени лестницы, и у них нет никакого опыта в управлении государством. Считать авангардом общества профессиональные союзы – и смешно, и грешно.

Хазаров истратил еще минут двадцать, чтобы доказать, что коммунистическая партия является в нынешней ситуации единственной силой, способной управлять страной. Не будет ее – крах неминуем! Все превратится в прах. Зал слушал оратора без выкриков и реплик. Лишь после того, как он сошел с трибуны, по залу прошел легкий шумок.

– Прошу слова! – снова прозвучал голос молодого человека.

Не дожидаясь, когда ему разрешат подняться на трибуну, быстрыми шагами прошел по центральному проходу. Это был один из лидеров демократического движения Александр Васильевич Серегин. Приятная наружность, стройный вид, правильные черты лица придавали его натуре некую интеллигентность. Широкая эрудиция, а главное – ненависть к партноменклатуре снискали ему популярность. Он был из тех, кому однажды было отказано в Белом доме, как называли местные демократы партийный дом на площади Ленина. Однажды и ...навсегда. Произошло это неожиданно для самовлюбленного молодого человека. Когда Александр Васильевич через солидных людей установил связь с чиновниками из аппарата, он зримо представлял, как будет подниматься по мраморным ступенькам на третий этаж, где в левом крыле размещаются кабинеты идеологического отдела. Партийный дом открывал перед ним политическую карьеру, и в головокружительном взлете он нисколько не сомневался. Но неожиданный отказ словно топором обрубил его мечты. Не помогли ни эрудиция, ни связи. В партийном доме существовал особый кодекс подбора кадров. Молодой интеллигент был дважды разведен, а в партийном аппарате превалировала другая мораль

– пусть живет как угодно, но только с женой. Ценили не столько политические качества и эрудицию, сколько личную исполнительность и преданность, граничащую с холуйством. Молодой человек не подходил ни по одному критерию. Но перестройка выкинула наверх подобных Серегину людей, которые преуспели в критике существующего строя и в полемике никому не уступали.

Александр Васильевич стоял уже на трибуне, а председательствующий только еще объявлял, что слово предоставляется Серегину.

– Кого он представляет – скажет сам, – заключил ведущий и сел на место.

– Товарищи и господа! – ровным голосом начал молодой человек, и зал ответил ему тихим гулом. – Нет, я не ошибся. В зале сидят и товарищи, и господа. Я представляю тех, кто хочет изменить командно-административную систему нашего общества. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что коммунистическая партия в течение многих десятилетий насаждала нам систему страха и обмана. Мы хотим свободу! Мы хотим, чтобы не было той привязи, о которой говорил тут автор статьи “Партию никто не заменит”. Привязь, которая, как шлагбаум, стоит на пути к свободе и демократии. Я имею в виду коммунистическую партию. Я согласен с автором статьи – если не будет руководящей и направляющей силы, то не будет такого органа, который держал бы общество на привязи. Нам не нужна никакая веревка!

Серегин посмотрел на первые ряды, и несколько молодчиков как по команде вскочили с мест и стали скандировать:

– Правильно!

– Нам нужна свобода, а не веревка!

Демократы специально создавали так называемые группы поддержки, которые занимали места в первых рядах и в нужный момент дружно поддерживали своего оратора возгласами.

– Слышите, что говорит народ? – обратился Серегин к президиуму и испытующе посмотрел на Хазарова. – Людям нужна свобода, а не привязь!

– Их вы называете народом? – вспыхнул Хазаров. – Народ там – на фермах и колхозных полях, у станков и доменных печей!

– Тише, товарищи, тише, – успокаивал председательствующий, видя, как разгораются страсти. – Продолжайте, товарищ... Извините, господин Серегин.

Дискуссия продолжалась долго. Ораторы на трибуне сменяли друг друга, а страсти не утихали. Каждый отстаивал свои взгляды и был прав. “Может, надо развязать, а не рубить командно-административный узел?” – задавал себе вопрос Вадим Петрович, но ответа на находил. Интуиция подсказывала ему, что приближается время непростых испытаний, но не знал, чем закончится новая страница нашей биографии, начатая верхними эшелонами власти. Ему импонировал порыв масс, стремление к свободе, но понимал, что абсолютной свободы никогда не было и не будет. Не надо глубоко знать учение марксизма, чтобы понять азбучную истину, выстраданную историей человечества. “Не надо слишком мудрствовать”, – ругал себя Аверкин и старался понять свое время. Оно диктовало законы, присущие данной эпохе – значит, так надо. Оно всколыхнуло массы – значит, так оно и должно быть. Он тоже варился в партийном котле и видел несправедливости жизни. В районе судьбу решал один

человек, хотя, казалось, что он обладает мизерной властью. Он помилует, он наградит – все в его руках. Критиковать лидера не принято, разве только в политической литературе. Но он, партийный чиновник и опытный аппаратчик Вадим Аверкин, никогда не чувствовал давления. Всегда был свободен в решении вопросов, входящих в его компетенцию. Оперативно решал дела, но никогда не ломал дров. Внимательно изучал кадры, требовал, критиковал, но когда надо – защищал их от любого нападкa, от кого бы он не исходил.

...Зал бурно среагировал на чью-то реплику. Вадим Петрович вышел из короткого оцепенения и оглянулся по сторонам.

– Что случилось? – недоуменно спросил Геннадия Ивановича, но тот сидел, скрестив руки на груди, и не шелохнулся.

Дискуссия закончилась неожиданно. Никаких решений и резолюций – пусть каждый сам для себя делает выводы и домыслит, если, конечно, хочет.

Они спустились по широким мраморным ступенькам, ведущим к трамвайной линии, и Геннадий Иванович предложил пройти пешком. Слева осталась гимназия, где учился юный Ульянов. Свернули направо и вышли на улицу Ленина. На башне дома Гончарова часы пробили восемь. Аверкин любил бой старинных часов. Восстановили их несколько лет назад. Говорят, копия тех, что были во времена великого писателя..

– Что за шум возник в зале? – раздирало любопытство Вадима Петровича. – Что случилось?

– Ерунда. Ничего интересного.

– А все же...

Геннадий Иванович любил подтрунивать над другом.

Знал, что Вадим Петрович все равно не уймется. Поэтому делал вид, будто поднятый в аудитории вопрос не представляет для него никакого интереса, хотя знал, что любой сюжет, пусть даже малюсенький, имеющий отношение к личности партийного босса, вызывает в душе Аверкина неподдельное любопытство. На сей раз он не стал тянуть резину и равнодушно выплеснул:

– Молодой интеллигент, как ты его величаешь, назвал Хазарова евреем. Тут и загудел зал, как встревоженный улей.

В сообщении друга Аверкин ничего нового не услышал, ибо давно знал эту историю, но не мог понять, почему надо менять национальность. Вот он, рожденный с молоком матери чувашом, никогда не думал менять национальную принадлежность. Но всю жизнь старался подняться до русской культуры, постоянно чувствовал ответственность за свои действия, ибо каждый промах или ошибка, как он считал, могут оказать отрицательное влияние на всю нацию.

Аверкин не менее равнодушно, чем его друг, спросил:

– Как среагировал на реплику Хазаров?

– Побледнел, как эта луна на небе, – поднял голову Геннадий Иванович. – Скулы вздулись, как у жабы, глаза под бровями – что абрикосовые косточки.

Сделали еще несколько шагов и вышли на Гончаровскую улицу. Паузу снова нарушил Вадим Петрович:

– А ведь молодой интеллигент прав, – выдавил он фразу, суть которой спутник не сразу уловил. Когда усек, словно вышел из оцепенения.

– Неужто правда? – остановился в недоумении и вынул из кармана сигареты. – Откуда тебе известны такие подробности?

– Может, зайдём в кафе и там продолжим наш разговор? – предложил Вадим Петрович и, не дожидаясь ответа, двинулся к двери, откуда шел приятный запах вечерней стряпни.

Хотя кафе на главной улице города называлось “Минутка”, посетители задерживались в нем подолгу. Кормили тут не лучше, чем в других питейных заведениях, но... разрешали курить и спорить.

Сели за маленький столик. Вадим Петрович попробовал надёжность стула, сделанного в старинном стиле с орнаментом на спине. Геннадий Иванович скосил глаза на соседний столик – нет ли знакомых лиц.

– Что закажете?

Стройная официантка с пышными каштановыми волосами, с черными, идущими веером ресницами, протянула меню и вынула из правого карманчика записную книжку. Ручка с капиллярным стержнем заплесала в ее тонкой руке.

Ларьков силился прочесть названия незнакомых блюд. Выбрал попроще, – сосиски с картофельным пюре и холодную закуску. Когда официантка приняла заказ, добавил:

– И триста грамм столичной.

Был повод и...настроение. И не только дискуссия в Доме активиста. “Если человек совершает в жизни хоть одну подлость, вторая обязательно будет ждать очереди”, – подумал Аверкин, и в это время друг аккуратно положил руку на его плечо:

– Подумать только... еврей. То-то слишком умный.

– Ум должен служить нравственности. Иначе он принесет обществу много горя.

Ларьков не понял, к чему эти мысли друга. Снял руку и таинственно спросил:

– Откуда тебе известно, что он...

Теперь уже Вадим Петрович проявил равнодушие и остался неподвижным.

Принесли водку. Ларьков налил в рюмки, что-то хотел сказать, но воздержался.

– За что выпьем? – в упор посмотрел на него Вадим Петрович, и по лицу его пробежала незаметная волна.

– Конечно, за демократию, – сказал Геннадий Иванович и медленно опустошил рюмку.

Вадим Петрович последовал его примеру и поставил рюмку рядом с граненым стаканом, откуда торчали аккуратно сложенные салфетки. Потом, не поднимая головы, будто самому себе, сказал:

– Все хотят демократии, но никто не хочет понять, что демократии не было, нет и никогда не будет.

У Геннадия Ивановича, как лепестки, расширились глаза:

– Если ее нет, то зачем за нее воевать? – оглянулся назад, но официантка не появилась. – Каждый раз такая мука: водка тут как тут, а закуски жди не меньше часа.

– И ты не в состоянии разгадать тайну поведения официанток?

– Ей богу, не знаю.

– Наполняй рюмки, и мы вполне созреем для правильного умозаключения.

Водка заспешила в рюмки.

– Однажды я был свидетелем одной любопытной сцены, – начал таинственно Аверкин. – Зашел как-то в солидный ресторан и занял место за столом, где

сидел юноша. Пока ждал официантку, мой сосед по столу изрядно опьянел, а через несколько минут окончательно отключился. Подошла официантка со вторым блюдом, которого так и не дождался юноша, посмотрела на него брезгливо и выцедила: “Каждый день одна и та же картина”. Аккуратно забрала графинчик с недопитой водкой и удалилась. Подошли тут же два здоровяка и, бесцеремонно подняв юношу, вывели на улицу.

– Значит...

– Верно. Ждут, пока не дойдешь до кондиции. Без закуски водка быстро овладевает твоими мозгами. Тогда легко можно тебя и обчистить.

Ларьков с сомнением посмотрел на рюмку, подумав, насколько опасно содержимое в ней вещество, а Вадим Петрович встал и, мурлыча себе под нос: “Чтобы с нами это не повторилось”, быстро скрылся за буфетом. Геннадий Иванович проводил его безмолвным взглядом.

Ларьков был редактором политического журнала обкома партии “Панорама”. Он раньше, чем другие журналисты, понял, что наступило время плюрализма. Воспитывался в семье, где главной ценностью считался труд. Честность и трудолюбие помогли ему выйти в люди. Гордился, что был сыном батальонного комиссара, без вести пропавшего на фронтах Отечественной войны.

– Вот теперь можно и по второй.

Аверкин стоял у стола, держа тарелки с мясным салатом. Задумчивый взгляд друга не снял с его лица улыбки. Скоро заиграли вилки, но непростое любопытство к небольшому инциденту, разыгравшемуся в Доме активиста, не прошло. Каждый думал о том,

как начать разговор. Долго жевали и молча смотрели друг на друга. Аверкин понимал, что слово за ним.

– Мне поведал о том один знакомый, – с усилием начал Аверкин прерванный разговор и испытующе посмотрел на друга. – В настоящее время он работает в каком-то управлении и часто заходит ко мне отвести душу.

Из рук Ларькова выпала вилка. Он отодвинул от себя тарелку. Слегка придвинул стул, на скрип которого невольно обратили внимание за соседним столом. Аверкин сделал паузу и посмотрел вокруг:

– Так вот. В то время Остап Хазаров заведовал особым отделом обкома, и вся документация на кадровых работников находилась в его ведении. Однажды он пришел в секретный отдел, который, как я уже сказал, находился в его руках, и попросил дело на себя. На пару дней. По предписанию вынос документов за пределы кабинета не разрешался, но он сумел убедить, что через два дня вернет все бумаги в целостности и сохранности. Начальнику секретного отдела ничего не оставалось, как подчиниться настоятельному требованию шефа.

– Неужели...

Вадим Петрович не дал ему высказаться.

– Через два дня – точно в срок – Хазаров приносит личное дело в секретный сектор и кладет на стол. Ни благодарности, ни извинения. Кладет на стол и уходит. Человека, сидевшего тогда в кресле секретного ведомства, распирает от любопытства. Он запирает кабинет и начинает листать личное дело. Все бумаги на месте, только личная карточка переписана на чистый бланк. “К чему бы это?” – думает секретник и заново начинает прощупывать каждую букву. Пробежал

один раз – ничего крамольного не нашел. Во второй раз еще усерднее стал двигать глазами. И тут-то наткнулся на тайну, которая до сих пор остается тайной.

Стул под Ларьковым засвистел.

Наступила долгая пауза. Принесли наконец вторые блюда, и друзья как по команде принялись за сосиски. Изредка поглядывали друг на друга, но ни слова по поводу сенсации.

Подошел к столу средних лет мужчина, невысокого роста, с лысиной на макушке, в очках с черной оправой.

– Извините, – начал он с умоляющим видом. – Извините... Я слышал ваш разговор о политике, а я большой любитель спорить. С женой мы постоянно спорим, но я никак не могу ее убедить, что политика существует не для женщин. Не примете ли вы меня в свою компанию?

В руке он держал бутылку “Гуляй, душа!” Друзья внимательно посмотрели на незнакомца и отложили вилки.

– Занято! – строго ответил Геннадий Иванович, но Вадим Петрович вымолвил:

– Мы плохие спорщики, и тема наша вряд ли может вас заинтересовать.

– Я интересуюсь всем, о чем спорят, – моментально среагировал незнакомец и, не дожидаясь приглашения, сел на свободный стул. – Я человек, умеющий слушать и слышать, – внес корректировку он в свое поведение. – Когда жена начинает говорить, я, в частности, больше молчу. Однажды она говорит мне, что Горбачев – это изменник и предатель. Если надо, он продаст и партию, и родную мать. Я хотел было ей возразить, что, мол,

генсек – это истинный марксист, но она пустила в меня пустую бутылку. Я не смог ее удержать, и она, пролетев мимо ушей моих, врезалась в зеркало.

Друзья нерешительно переглянулись, но не перебили незнакомца. Тот понял ситуацию и тихо произнес:

– Извините, что перебил вас. Я человек тихий и могу слушать часами. – Извините.

Друзья посчитали, что диалог с незнакомцем закончен, и приступили к выяснению своих отношений.

– Но все же я отдаю должное автору статьи “Партию никто не заменит”, – начал Геннадий Иванович после недолгой паузы. – Он далек от демократии, но...

– Извините, – тут же вмешался в разговор незнакомец. – Моя жена говорит, что демократия – это разноликий хамелеон. Она меняет кожу в зависимости от того, какой власти служит. Я ей говорю, что демократия – это не животное, и она не имеет кожи. Извините, что перебил.

Друзья сдержанно и с пониманием отнеслись к незнакомцу и не стали его останавливать. Когда он закончил очередную речь, снова вернулись к прерванной дискуссии.

– Хазаров прав в том, что в стране сегодня нет силы, которая может заменить партию.

– Нельзя оценивать роль партии по тому, есть или нет силы, способной выполнять роль партии, – не унимался Аверкин. – В истории всегда были партии и движения, которые приходили на смену и справлялись с историческими миссиями неплохо.

– Извините, – снова вежливо перебил незнакомец Аверкина. – Партия – это ум, честь и совесть нашей эпохи, и ее никто не может заменить. Моя жена...

И тут незнакомец словно кость проглотил, – остановился на полуслове. Зрачки расширились, рот раскрыт, – Ларьков слегка приподнялся со стула, что заставило его не только замолчать, но и опустить голову: “Может, хватит нам читать лекцию насчет жены!”

Когда незнакомец стих, обратился к другу:

– Тогда в чем просчет Хазарова?

– Партия изжила себя негодным стилем работы, – спокойно ответил Аверкин. – Чтобы понять эту истину, не надо ходить по кремлевским кабинетам. Мы слышим голос народа. Когда командует один человек – справедливости не может быть. Все дела решаются по телефонному звонку. Кого судить, кого помиловать – решает районный князь.

– В таком случае нам неприемлема однопартийная система? Ведь в конечном счете все решается по велению одного человека – Генерального секретаря ЦК КПСС.

– Безусловно, однопартийная система не может обеспечить стране демократию. Нужна хотя бы двухпартийная система.

Геннадий Иванович слушал друга, чуть подавшись вперед. Ему не верилось, что такой партийный работник, как Аверкин, с отличием окончивший то ли академию, то партшколу, способен к ревизии учения. Попытки нападать на него, как известно, всегда оканчивались поражением. Взгляды и идеи оба они приобретали готовыми, как в магазине платье или импортный товар. Но в Аверкине неожиданно проснулся дух критики на существующий строй, и Геннадий Иванович не мог понять, как мозг такого человека может работать в другом направлении. То, что существует, он считал не только правильным, но и лучшим.

– А что думает на этот счет наш незнакомец? – вдруг повернул голову Геннадий Иванович в сторону человека, который черпал знания из дискуссии с супругой, но в данный момент мог оказать услугу и ему в споре за истину.

Незнакомец встрепелся, обрадованный, что в его советах тоже нуждаются.

– Моя жена часто повторяет, что в доме должен быть один хозяин, – задребезжал незнакомец, и тут друзья заметили, как пляшет в его руке рюмка. – Мы прожили с ней двадцать лет, но до сих пор спорим, кто главный в нашем доме. Она у меня цепкая, рассудительная, копейку на ветер не бросает. Надо целый день уговаривать, чтобы выпросить на бутылку.

– Что на это скажешь, дорогой друг?

– Двухпартийная система не помешает быть хозяином страны одному человеку. Но для этого нужны выборы. Всенародные, тайные, но обязательно альтернативные.

– Кстати, Хазаров поднимает и этот вопрос.

– Он видит в альтернативных выборах лишь отрицательные последствия и посему приходит к их отрицанию. Диалектика требует всестороннего изучения предмета.

– Альтернативность – явление прогрессивное, в чем убедиться не стоит труда. Она уже получила статус-кво и ощутимо расшатывает командную систему, расширяет границы демократии.

– Автор статьи прав в том, что в депутатский корпус пришли те, кто квалифицированнее ругал действительность, отчаяннее критиковал партию, кто больше обещал. Но не это определяет лицо наших

избранников. Подавляющее большинство из них люди, сердцем и душой болеющие за судьбу перестройки и честно отдающие себя делу обновления страны.

– Притом, надо учитывать, что это – первый опыт. Придет время – будет сломлена командная система, и народными депутатами станут истинные борцы за перестройку, избранные на альтернативной основе.

– Разделяю твою точку зрения, – поддерживает друга Аверкин, – но хазаровым не выгодно ломать командную систему. Отсюда и стремление защищать партию и ее волевой стиль. Видимость альтернативы всегда будет присутствовать в стиле работы партийной элиты. Гвоздь вопросов заключается в том, какие условия созданы для реализации альтернативных выборов.

– Что имеешь в виду?

– Допустим, будет выдвинуто несколько кандидатур. Власть будет внимательно изучать рейтинг каждого кандидата. Если кто-то представляет серьезную конкуренцию, то его всеми способами постараются исключить из игры.

– Тогда это будет грязная игра. Не демократия, а игра в демократию.

– Политика всегда, на всех этапах развития цивилизации была грязной игрой, а демократия начиналась и кончалась диктатурой.

– Вот-вот, – подхватил последнее слово незнакомец. – Главный диктатор – это моя жена. “Ваша демократия пригодна лишь на то, чтобы задницу залатать”, – говорит она мне, когда я заговорю о плю... плю...

– О плюрализме, – помог выйти из ситуации Геннадий Иванович.

– Вот-вот... о плюрализме, – еле выговорил незнакомец и посмотрел на часы. – Извините, но я вас

вынужден покинуть. Боюсь, что жена и так устроит дома плю... плю...

– Нам вас очень будет не хватать, – вымолвил Ларьков, и едва заметная улыбка пробежала по его лицу.

Незнакомец не понял иронии и, чуть шатаясь, двинулся к выходу.

– Что касается выборов, – сказал Аверкин, рассуждая с самим собой, – альтернативность существует лишь для отвода глаз, точнее – для оболванивания масс.

– Я не согласен. Демократия в парработе становится велением времени, – выплескивал слова Ларьков и был уверен, что прав. – Возьмем недавние выборы одного из обкомовских лидеров, которые прошли на альтернативной основе. Участвовали четыре кандидата, и тайным голосованием прошел Виктор Самойлин.

– Мне известен другой случай, – не сдавался Аверкин. – В Степной районной организации тоже включили в бюллетень для тайного голосования несколько претендентов. Так, мелочевку, а основной соперник остался за бортом. На него было такое давление, что вынужден был снять свою кандидатуру.

Снова наступила тишина. Друзья давно рассчитались за ужин, но спор продолжался. На секунду погас свет, извещавший о том, что до закрытия заведения остается десять минут.

– Официантка, еще одну бутылку! – крикнул кто-то за соседним столом, но на его крик никто не откликнулся.

ВИБРАЦИЯ

Вадима Петровича больше занимала перестройка в самой партии. Статья Остапа Хазарова натолкнула его на размышления, но не давала ответа ни на один вопрос. “Хазаровщина – олицетворение командной системы, которая верно служила партийной элите”, – убеждал он себя и в своей правоте не сомневался. Но чем больше рассуждал, тем больше уходил в лабиринт, откуда выбраться ему не под силу. “Нужен механизм перестройки в партии, – думал он и жалостливо смотрел на луну в холодном вечернем небе. – Без него мы так и будем марионетками иллюзий о партийной демократии. Такого механизма пока нет. Есть механизм, вмонтированный в командный стиль”. В подтверждение он находил десятки примеров. Только вчера прошло партийное собрание в аппарате обкома партии. Болтали о демократии, гласности, плюрализме, но открыто против устаревшего стиля никто не выступил, – все сидели в партийном котле и крепко-накрепко усвоили принцип “Не высывайся”. А принцип каждому гарантировал, хотя и медленное, но твердое продвижение по службе.

Ростки нового все же давали о себе знать. Несмотря на препятствия, внутрипартийная демократия расширяла свои границы. Она была похожа на цветок, пробивающийся из-под каменной глыбы. Развивалась не по инициативе партийных органов, а под давлением

широкой народной волны. Громко и на всех углах заговорили о гласности, – не чета хрущевским временам. Крой хоть на три буквы, но только не своего начальника. Где-то в общественной бане или в очередях, – валяй, сколько душе угодно. На собраниях – лучше молчать. Беды не наберешься. Так что партийную демократию чины пока держали на коротком поводке. Гласность – тоже.

Аверкин снова и снова сопоставляет статью “Партию никто не заменит” с практическими делами ее автора. Хазаров ратует за чистку партии. Красивая идея! Но ее будут проводить по команде партийной элиты. Боже мой, разве можно ожидать справедливой чистки в рамках волевой системы? Может, у Хазарова уже подготовлен даже список. “Черный” список, – кого в первую очередь нужно вышвырнуть из партии. Нет, нужна кардинальная перестройка в самой партии. Сомнений в ее необходимости ни у кого не должно быть. Если партия этого не поймет, ее ожидает печальная участь.

Общественная и политическая жизнь бурлила словно весенний паводок. Создавались политические клубы, кипели страсти на митингах. Газеты пестрели материалами о вольнодумстве. Опальный Ельцин демонстративно покинул коммунистический съезд, выбросив на стол президиума партийный билет.

Бурно проходили встречи и в местном политическом клубе. Создан он по инициативе левого крыла. Возглавляет инструктор идеологического отдела Даниил Соколов. Заглядывает и хозяин партийного дома Юрий Саксонов. Участвовал даже в дискуссии.

“Что заставляет его туда ходить?”

“А черт-де знает... Видимо, есть интерес”

“Какой интерес?”

“Откуда мне знать. Отвяжись. Зачем пристаешь по пустякам?”

Приближалась областная партийная конференция. Кажется, отчетная. Нет, отчетно-выборная. На заседании клуба наверняка будут обсуждать кандидатуру.

“Какую кандидатуру?”

“А черт-де знает...Видимо, на пост лидера”.

“Какого лидера?”

“Откуда мне знать. Слушай, – отвяжись. Нечего приставать по пустякам”

Осень постепенно уступала свои права суровому преддизмью. Хлынул холодный ноябрьский ливень, напитал иссохшую с весны землю. Ударил морозец, застеклил слоем льда Волгу. Это было вчера. Нынче по всей трамвайной линии запуржило снегом. Как длинная дорога, потянулась поземка.

Аверкин вошел в заднюю дверь и занял свободное место с левой стороны. За столом президиума сидят три человека и что-то обсуждают. Видимо, повестку дня. Нет, кажется, кому вести заседание. “Хорошо”, – сказал сидевший в середине молодой человек и встал, держа в левой руке лист бумаги. Ученый из института. Кажется, из педагогического. С удивительно выразительными глазами и умением держаться. Аверкин знает его по шахматным баталиям. Фамилия его Парфенов, зовут Владимир. Стойкий боец! Постоянно ищет в стане противника слабые места. Любит разыгрывать открытые дебюты, в которых чувствует себя как рыба в воде. Неожиданный комбинационный удар – и соперник поздравляет его с победой!

Аверкин впервые видел его в роли политика. Даже удивлен.

“Чему удивлен?”

“Густо говорит. Роль обкома в новых условиях не забыл. Ленина вспомнил. “Решение всех социально – экономических вопросов – через кадровую политику!” “Расстановка и воспитание кадров – главная задача партийной организации!” Густо и верно!”

“Так было во все времена в жизни партии”

“Было, но сейчас вкладывается смысл”

“Какой смысл?”

“Новый, конечно”

Аверкин спорит внутренне с самим собой. Выработалось. Хорошо это или плохо – судить не ему.

– Я предлагаю на пост первого секретаря обкома партии от левого крыла Даниила Ивановича Соколова.

“Так быстро? Куда он торопится? Еще не обсудили, каким требованиям должен отвечать лидер, а он уже предлагает”

“Да ну его – пусть предлагает”.

Тишина. Ведущий смотрит на зал. Соколов сидит рядом с ним. С правой стороны. Лицо его покрылось румянцем. Хороший признак. Слева сидит...Аверкин видит его в первый раз. Сидит строго и прямо. В тщательно отлаженном костюме и синей рубаше с воротничком, туго стягивающим полную шею. Галстук яркий. С полосками. Поправит манжеты с запонками и устремляет взгляд на аудиторию. Ведет себя свободно. Начертил что-то на блокноте – снова взор на зал. Забарабанил пальцами по столу и...тут его глаза встретились со взглядом Аверкина. Вот те на! Это же...

– Обоснуйте свои доводы! Мы его плохо знаем! – прерывает кто-то мысли Аверкина.

– Правильно ставит вопрос, товарищ!– поддерживает его женщина в норковой шапке. “Все еще сидит в ней,– вот пошли порядки”

– Пожалуйста,– произносит Парфенов и...прислушивается.

– Не тяни!

– Выложи все, что знаешь о нем!

– Пожалуйста,– лениво произносит оратор.– Соколов подготовлен теоретически. Кандидат наук. Скромен. Доступен в общении. Я считаю, что у партийного руля должны стоять такие люди.

Аверкин хорошо знал Даниила Ивановича. Не первый год варятся в партийном котле. Разбирается в марксистской диалектике. Выдержан и немногословен. Выступает конкретно и обоснованно. Но с ролью первого лица не справится. И не только потому, что не имеет опыта. Нужен кругозор и динамизм в работе. А он слегка инертен.

– Если нет иных кандидатур, прекратим дискуссию и перейдем...

– Я хочу назвать кандидатуру.

Аверкин сидит, не поднимая головы. Что-то строчит в записной книжке, а точку ставить не торопится. Настороженность охватывает небольшой зал, где собрались единомышленники по левому крылу.

– Назовите. Мы внимательно слушаем вас,– не выдерживает паузу кто-то в заднем ряду.

Аверкин встает, поправляет галстук двумя руками.

– Моя кандидатура многим известна. Зовут его Юрий Волгин.

Сказал и сел. Зал пришел в движение. Загудел. Сначала тихо, потом – с нарастающей силой.

– Как вы смеете предлагать его кандидатуру! – как

будто спросонья закричал мужчина лет тридцати пяти с широкими скулами и пухлыми глазами. – Я с ним работаю не один год и знаю его характер не понаслышке. Не воспитан, грубиян! Ему не стоит и гроша, чтобы публично оскорбить человека. Ему не кресло давать, а...

“Вот тебе и демократия”. “А что?”. “Ничего. Просто размышляю”.

Вадим Петрович смотрит в окно. Кажется, начинается пурга. Снег жесткими крупинками ударяется о стекло. Так бьются ошалевшие от жары мухи. Пурга усиливается. Она уже неугомонно свирепствует по улицам и площадям города. В зале темновато. Словно сумерки спустились. “Ну и пусть. Зима она везде зима”.

Страсти накаляются. Они то утихают, то разгораются. Нейтральных нет. Никто не знает, как дальше вести дискуссию.

– Спорим мы дружно, но пусть человек обоснует свое предложение.

Снова тишина. Ждут.

Действительно, каждое предложение требует обоснования. Логика простая, но до нее местная цивилизация еще не дошла. Демократия входит в жизнь однобоко.

– Обоснование мое простое, – оборачивается от окна Аверкин. Встает. Поправляет галстук двумя руками. Смотрит на ведущего. Глаза, глаза-то какие! Аверкин продолжает. – Не спорю – культуры ему, быть может, не хватает. Да, вспыльчив. Но не мстителен. Скажет грубое слово, а через минуту уже забудет. Я знаю его тоже не понаслышке. У него много таких качеств, которых вы не найдете ни у одного руководителя. Работает, как вол, и требует отдачи всех сил от подчиненных. Знает людей,

их интересы, мгновенно реагирует на изменения обстановки. Практик до мозга костей. Не любит впустую рассуждать.

– А политикой занимается?

– У него политическое чутье развито не меньше, чем у французского дипломата Талейрана. Если начнутся смутные времена, он всегда будет на высоте.

– А я слышал, что политика его нисколько не интересует.

– Политика ради политики его никогда не интересовала. Если политикой считать наши говорильни, то он далек от такого ее трактования.

Споры могли продолжаться еще долго, если бы один из членов клуба не внес предложение, разрядившее обстановку. Кажется, это Леонид Круглов. Аверкин не обернулся. “Да, голос его. С тембром. Слегка гнусит”..

– Не нужно нам сегодня копыа ломать, – прорезал воздух его звучный голос. “Точно, он!” – Скоро состоится областная партийная конференция, где и решится вопрос – кому быть первым секретарем обкома. Я знаю Юрия Волгина. Пока он ничем себя не скомпрометировал и авторитет его среди населения довольно высок.

Через день Большой зал Ленинского Мемориала принимал делегатов партийной конференции. Пошли слухи, будто на пост первого лица будут претендовать не менее четырех человек. Может, даже пять. Приехали, говорят, москвичи, в недавнем прошлом уползавшие отсюда в столицу. Среди них Дмитрий Лукьянов и Владимир Борисов. “Зачем они уехали?” “Хрен их знает. Видимо, в поисках счастья” “Зачем возвращаются?” “Кому нужны...” “Договаривай!” “Зачем? Вместо точек сам можешь растолкать слова. “Умники”. “Дураки”. “Искатели алмазов”.

В фойе чинно прохаживаются партийные чины. Вот мимо вихрем промчался Владимир Зубков. За пазухой – толстенная папка. Медленно, но уверенно двигается по паркетному полу инструктор партийной комиссии Иван Юсупов. Каблуки со скрипом. “Верный пес, – думает о нем Артем Вихров и вспоминает дело Аверкина, в котором солидную роль сыграл этот партийный чиновник. – Если надо, продаст и родную мать, лишь бы не вытряхнули из партийного кресла”.

А дело-то было характерным для эпохи перестройки. Накануне зонального семинара журналистов Аверкину позвонил директор лито Сергей Сухов и сообщил, что в молодежной газете “Волжские зори” завтра выйдет статья, которая может всколыхнуть аппаратную верхушку. Заодно просил, чтобы никто не знал, что такая новость исходит от него,

– В таком случае, почему ты сообщаяешь мне, а не высшему начальству? – не без иронии спрашивает Вадим Петрович и еще сильнее прижимает телефонную трубку к уху. – Я ведь могу...

– Нет, ты не продашь. А им не доверяю. Все они болтуны, а мне не хочется купаться в грязи.

– Думаю, ты меня тоже не продашь.

– Да что ты, Вадим!. Как только язык у тебя поворачивается.

Аверкин положил трубку. “Он не хочет купаться в грязи, а кто-то должен. Интересно”. С Сергеем Суховым они учились в институте в одни годы. Парень как парень – не высовывался, не кичился. Был хорошим баскетболистом. Работая сотрудником журнала “Изюминка”, не напечатал ни одной солидной статьи, но умел оценивать тех, кто сотрудничал в партийном издании. Когда Вадим Петрович принес ему первый

материал, был слегка удивлен, – живет в провинции, а пишет толково. Потом Аверкин часто получал спецзаказы и никогда не подводил своего студенческого товарища.

Когда ушел с поста главный цензор Иван Михайлович Портнов, Сухов попросился на его место. Пост незаметный, зато меньше ответственности и больше свободного времени. Аверкин к тому времени изрядно поднялся по служебной лестнице и ведал областной прессой. “Я всю жизнь мечтал о таком кресле”, – признался он студенческому другу и поблагодарил за поддержку.

Но сейчас Сухов задал ему головоломку посложнее. Всю ночь думал Аверкин, какой шаг предпринять по заявлению завлито. Должность обязывала его как-то реагировать на острую статью, но не понимал, почему должен вмешиваться в дела газеты. Редактор поставлен, чтобы отвечать за свои деяния. В этом он убежден. Но что-то гложет в душе. Не спокойно. “Не видно света в конце тоннеля, – думает он. – Но коль дело примет крутой оборот, то сумею доказать, что перестройка началась не ради красного словца”. С такими мыслями он отправился в Сенгилей на встречу с журналистами.

Стояла теплая майская погода. Солнце чуточку полюбовалось утренней красой, задержалось на верхушке деревьев и стало карабкаться к зениту. Речной порт сиял весь в стекле. Построенный в начале шестидесятых годов после образования Куйбышевского водохранилища, он воплощал вершину современного архитектурного строения. Вадим Петрович часто спускался сюда в утренние часы и любил смотреть на волжские просторы. Отдых в минуты раздвоения души или нервного напряжения снимал накопившийся стресс.

В бухте, огражденной каменными глыбами, дюжина морских и речных судов выстроились словно на смотр. Прошли индусы в широких шелковых шароварах и длинных белых платьях, бессарабские румыны с вышитыми рукавами, африканцы с седеющими усами и черными глазами. Паломничество на землю, где родился один из великих мыслителей планеты, давно стало обыденным явлением в жизни волжан.

Аверкин подошел к седьмому причалу. Местный омик стоял, тихо покачиваясь на воде. Народу было мало, – летний сезон только начинался. Верхний салон встретил тишиной. Он занял место у окна и старался вздремнуть. Но сон только дразнил его.

Взревел мотор, и весь турбинный механизм пришел в движение. Убрали трос, убрали трап. Судно раскачалось, сделало крен на правую сторону и, оставляя глыбы волн, устремилось в открытое море. На перроне почти никого не было. Лишь молодая девушка застенчиво размахивала рукой да дежурная женщина с красной повязкой на рукаве безмолвно стояла у перил.

На палубе уже стояли любители красоты, когда Аверкин показался на проходе. Свежий ветер обнял его с ног до головы. Посмотрел вниз. К борту теплохода равномерно подкатываются волны и растворяются в речном потоке. Яркие солнечные лучи хлестко ударяют по волнам, и воды искрятся, как лунные камни. Недалеко от берега качаются рыбацкие лодочки. Омик хоть и тихоход, но обгоняет баржу, груженую галькой, песком и еще какими-то строительными материалами. Аверкин посмотрел на запад – в лучах утреннего солнца белоснежными волнами поднимается ввысь цемзаводской дым. Когда-то, в конце пятидесятых, он в составе студенческой бригады рыл там первый котлован. В

домашнем архиве до сих пор хранится грамота, врученная ему первым директором завода Хохлачевым Борисом Александровичем. Потом он стал Героем социалистического труда. Годы совместной работы убедили Аверкина, что Хохлачев – талантливый организатор не только цементного производства. Будучи госчиновником, Вадим Петрович часто проводил планерки по благоустройству Новогорска, на которых непременно присутствовал директор цемзавода. Говорил он хрипловатым голосом и медленно, но его предложения и советы всегда были решающими при принятии решений.

Постепенно вокруг цементного завода стали возвышаться его детеныши – железобетонный, шиферный, кровельный заводы, работающие на местном сырье. Цемзавод набирал силу, процветал, его рабочие получали не только большую зарплату, но и солидные премии. Он диктовал свои условия, и Аверкин не мог понять, как в социалистических производственных отношениях на одной территории могли появляться пасынки. Народ стихийно выражал свой протест, но к нему никто не прислушивался. Забастовки тогда не разрешались, а отдельные жалобы, пусть даже коллективные, аккуратно закрывались комиссиями местного значения. Слухи слухами, но когда они дошли до московских кабинетов, прибыла солидная комиссия. Вопрос стоял ребром – объединить все существующие производства в один узел и создать комбинат. Но Борис Александрович сумел убедить в преждевременности подобного решения, и комиссия покинула город, оставив вопрос открытым. Вернее будет сказано, что вопрос закрыли, ибо никогда больше он поднимался ни на каком уровне.

Вадим Петрович как-то уличил момент и подошел к Хохлачеву.

– Не пойму, – начал он без предисловий, – почему ты против объединения. Ведь такие масштабы, такие горизонты открываются! Один хозяин на весь узел...

– Если их объединить, то моего коллектива не станет, – сказал герой труда серьезно и закурил папиросу.

– Неужели разойдутся по другим квартирам?

– Нет, не разойдутся, но никто из моих рабочих премии получать не будет. Я хорошо знаю условия работы на соседних заводах и чем грозит объединение ради масштабов и горизонтов. Я хочу спокойно доработать до пенсии и уехать в столицу. Скажу по секрету, там для меня подготовлено место в одном из институтов, и я воспользуюсь предоставленным мне шансом.

Вадима Петровича ошеломила позиция директора. Думать о себе и...носить звезду героя считал он несовместимыми вещами.

...Прозвенел первый звонок. Делегаты конференции потянулись по широкой лестнице на второй этаж. Аверкин пристроился за грузным мужчиной, который поднимался, широко расставляя ноги. Сделал шаг в сторону и ускорил движение. На площадке вдруг встретил его Юрий Волгин и...с ходу: “Ну что, Вадим Петрович, будем воевать?”. “Воевать и побеждать!” – успел крикнуть Аверкин ему вслед.

Пресса всегда занимала в Большом зале правый боковой балкон. То ли специально он был построен для журналистов, то ли потом отведен для них – никому известно не было. В первом ряду там всегда сидел его предшественник Михаил Иванович Никитин. Рядом с ним занимал место собственный корреспондент газеты “Искра” Валерий Орлов и заменивший его Николай Сенин – чуть высокомерный, но всегда подтянутый и невозмутимый. Скромнен был Петр Григоренко, собкор

газеты “Сельская новь”. Талантлив Валентин Разбоев, представлявший газету “Вести”. Его короткие критические статьи взмахивали на гротеск и вызывали у читателя восхищение.

Аверкин не любил балкон – слишком обозримо то место. Устроился в левом ярусе и поднял голову вверх – к его удивлению, балкон был пуст. Традиционная церемония открытия и доклад начался. Содержание его Аверкина не интересовало. Он снова погрузился в воспоминания, в которых искал ответы на вопросы. Их накопилось много. Слишком много. Ночь после зонального семинара журналистов прошла спокойно. Настало утро. Надев белую рубашку в черную полоску, костюм биржевого цвета и черные ботинки, вышел на улицу и секунду задержался у подъезда. На деревьях появились почки и в воздухе запахло ароматом. День обещал быть солнечным. Он любил пеший маршрут от дома до обкома. Одно удовольствие, перейдя улицу Железной дивизии, медленно двигаться по широкому тротуару улицы Минаева. Лет двадцать назад тут стояли деревянные дома, а на углу ютился небольшой магазин. К столетию вождя и эту улицу преобразили неузнаваемо. Построили Дворец пионеров и детскую библиотеку, а на солнечной стороне устремились к небу многоэтажные дома.

Дойдя до площади “Тридцатилетия Победы”, Вадим Петрович повернул на главную улицу города – Гончаровскую. Справа остался обелиск воинам - ульяновцам, отдавшим жизнь за Родину. Отсюда открывается широкая панорама на волжские просторы.

До начала рабочего дня еще достаточно времени и можно посидеть на скамейке. Луч утреннего солнца плеснул Аверкину в глаза. В безмятежном небе без

умолку заливается жаворонок, изливая переливчатую трель. Женщины копошатся на черных грядках – время высадки цветов в городе настало. До клобинского правления вся аллея по главной улице была загорожена чугунными оградами. За короткое время новый лидер ликвидировал не только эти изгороди. “Стране нужен металл”, – часто повторял он и давал указание сносить лишние атрибуты в городе. Каждый правитель должен оставлять после себя след, иначе незачем садиться в кресло. Зато тут появились розы. Красиво!

Рабочий день для Аверкина начался в тревожном ожидании. Что-то часто стали открываться двери на третьем этаже. И закрываться – тоже. Инструкторы быстрыми шагами проходили мимо кабинета, где сидели Вадим Аверкин и Геннадий Ларьков. Ворвался Артем Вихров и по секрету сообщил, что вчера не затихали беседы у секретаря по идеологии. Приглашали даже редактора газеты “Волжские зори” Алексея Малявина, который, видимо, дал подписку о невыезде. “Третий раз вызывают на ковер! Уму непостижимо! – кричал он, поднимаясь по мраморным ступенькам. – Настоящее судилище!” Артем Вихров подражает бесподобно. Голос, интонация, жесты, – точка в точку.

Чем закончилась воспитательная работа – неизвестно. Говорят, зашла в тупик. Но это только слухи. Вихрову о том тоже не ведомо. Во всяком случае, редактор шагал твердо, и на лице читалось независимое выражение.

У Вадима Петровича появилось желание пойти к шефу и рассказать все по порядку. Но это значило признание вины, а он был уверен, что поступил честно и директивы не нарушал. Закон о печати, – тем более. “Ищут вора, а он-то под боком”, – улыбнулся он и стал копаться в бумагах.

Вчера, к концу дня, побывал в обкоме и директор

лито Сергей Сухов. Вошел, как и ходил, чуть сутулясь, и встал по стойке смирно.

– Что ж ты, дорогой мой, свои функции не выполняешь? – начала Валентина Александровна, стуча карандашом по столу.

– Я свои функции выполняю честно и добросовестно, – отчеканил чиновник по надзору за прессой и перенес центр тяжести на левую ногу.

– Почему не контролируешь содержание газеты? – еще строже спросила она. Карандаш медленно, но равномерно продолжал стучать по столу, издавая глухие звуки.

– Что в моих силах, я делаю все, чтобы предупредить выход крамольных материалов, – перенес центр тяжести на другую ногу Сухов.

– Почему не сообщил о готовящейся статье?

– Я сообщал, Валентина Александровна, и очень своевременно.

– Кому?

Сухов замялся. Взгляд устремил куда-то в угол. Потом в окно. Началась борьба с самим собой. Не ожидал цензор, что окажется в щепетильной ситуации. “Неужели аркан закидывают на мою шею? Возможно, если... Нет, не может быть. Он не откажется, что сигнал получен. Получен от меня и...своевременно”.

– Ну!

Сухов встrepенулся, выпрямился и чуть слышно выдавил: “Вадиму Петровичу”.

Карандаш повис в воздухе. Глаза стали круглыми, как два шарика из нержавеющей стали. Валентина Александровна отвела взгляд от цензора. Растопырила пальцы – карандаш упал на стол, издав неприятный звук. Перевела дыхание и четко произнесла:

– Можешь идти.

...Эпизоды не такой уж давней биографии шли у Аверкина вереницей. Но тут раздался гром аплодисментов. В третьем ряду правого яруса стоял москвич Дмитрий Лукьянов. Он заслужил одобрения зала своим кратким выступлением. Сообщил, что снимает свою кандидатуру на пост первого секретаря, так как хочет сосредоточить силы в центральном органе партии. Примеру коллеги последовал и Владимир Борисов. В списке осталось два кандидата. Председательствующий посмотрел на Хазарова. Тот сидел за столом президиума и что-то строчил.

– Итак, в списке для тайного голосования осталось...

Не успел закончить. Остап Гурьевич поднял голову:

– Прошу слова!

Зал не среагировал на его просьбу ни малейшим движением. Хазаров собрал бумаги и пошел к трибуне.

– Товарищи! – начал он сипловатым голосом, посмотрел на зал, на президиум и легким движением плеча подался чуть вперед. – Товарищи! Все мы сейчас являемся свидетелями такого периода в развитии страны и партии, когда демократия становится нормой нашей жизни. Я глубоко уважаю Юрия Федоровича Волгина, его талант организатора и практика, но оставлять его кандидатуру в списке для тайного голосования в гордом одиночестве противоречит законам демократии. Поэтому я не беру самоотвода, а оставляю свою кандидатуру на суд делегатов партийной конференции.

Он сделал небольшую паузу и добавил: “Снимать свою кандидатуру – это проявление малодушия. Я был и остаюсь верным ленинцем, для которого судьба партии и народа не звучит пустым звуком”.

Он настолько был привязан к изящным выражениям, что черпал их из самых разных источников. Особенно любил употреблять слова, только что вычитанные в

газетах. Никогда не забывал подчеркивать свое величие, свою преданность партии и считал, что только такой подход способен поднимать его политический рейтинг.

Речь секретаря обкома не понравилась Юрию Волгину. Хотя рейтинг одного из партийных боссов за последнее время изрядно потрепался, от него можно ожидать любых сюрпризов. Коварство его не знало предела. Для достижения своих целей перешагнет даже через трупы. Связи со многими делегатами конференции он мог использовать и в этой ситуации, в чем сомневаться не приходилось. Их дружба то сжималась как пружина, то растягивалась как резина. Временами она готова была оборваться. Питая друг к другу внутреннюю неприязнь, они все же не могли обходиться друг без друга.

Работая в партийном доме, Остап Гурьевич использовал любую ситуацию, чтобы подчеркнуть свое превосходство над председателем облисполкома. Однажды закрутил даже дело против Волгина. Кажется, за нарушение жилищного кодекса. Велел подготовить вопрос. Лишь решительный протест членов партийного бюро охладил его пыл, и он ограничился разговором со своим закадычным другом. В то время разрыв был настолько серьезным, что обходили друг друга на расстоянии. Редко здоровались. Даже при встрече на улице.

Партийная конференция свела их снова за один стол. В душе Хазарова разыгралось самолюбие, и он стремился к восстановлению престижа, который почему-то в последнее время был с ним не в ладах.

Объявили перерыв. Аверкин не покинул своего места. Он снова погрузился в воспоминания. Когда человек дает волю воспоминаниям, он получает большое

облегчение. Но воспоминание воспоминанию – рознь. Где-то он читал, что жизнь – не те дни, которые прошли, а те, которые запомнились. Аверкину вовек не забыть дни, которые разыгрались в партийном доме. Но разве это облегчение? Разве это – жизнь? Нет уж, дорогой литератор или кандидат наук, а может быть, даже академик, афоризм твой чем-то грешит.

В тот вечер, когда у секретаря по идеологии побывал цензор местного значения, в квартире Аверкина раздался телефонный звонок.

– Слушаю, – сказал хозяин и услышал знакомый голос.

Предисловий не было. Аверкин был готов к такому разговору, – его он ждал третьи сутки.

– Оказывается, Вадим Петрович, ты знал, что готовится статья в газете “Волжские зори”, но молчал. Почему?

– На этот вопрос одним словом не ответишь, – старался выдержать ситуацию Вадим Петрович.

– Хорошо. Жду тебя утром у себя.

Она положила трубку, и Аверкин представил ее состояние. Он уважал Валентину Александровну за ее открытую позицию, независимые суждения, но жалел, что она работала словно в тисках. Загнали ее в угол и...мордуют. И все потому, что в идеологическом отделе слишком много развелось вольнодумцев. И они подводят ее, сажают в лужу. Ах, Аверкин! И ты вместе с ними! Любо смотреть на орготдел или партийную комиссию, – работают себе, будто их и на свете нет.

...Аплодисменты снова отвлекли его от воспоминаний. Председатель счетной комиссии объявил результаты голосования. Явный перевес в пользу Юрия Волгина не удивил Вадима Петровича. Восторженно приветствовал он своего кумира, когда тот подошел к столу и занял место первого лица области.

СХВАТКА

Валентина Александровна не знала, с чего начать разговор. В душе она понимала, что сектор печати обкома не должен стать козлом отпущения в ситуации, которую выплеснула перестройка. Она несколько раз прочитала статью, в которой как набат звучал голос молодого человека, протестующего против системы. Она сама как винтик сидела в системе, реально чувствовала как трещат кресла в партийных кабинетах, но не находила сил противостоять надвигающейся грозе.

– Садитесь, – сказала она вежливо; стараясь скрыть внутреннее волнение. – Неужели трудно было взять трубку и позвонить, Вадим Петрович? Зачем поставил меня под удар?

Подошла к окну – так делала всегда, когда предстоял серьезный разговор. В свои пятьдесят лет она не потеряла женской прелести – в больших карих глазах светились блески молодости, а в пышных белокурых локонах не было седины. Она ждала реакции Вадима Петровича, а он сидел неподвижно, словно пригвоздили к креслу. Сидел, устремив глаза на свежие газеты и журналы, скопившиеся на столе. Аверкин знал как ответить, но молчал. Молчал потому, что хотел сначала услышать голос идеологического лидера – она-то уж должна понимать, в какое время мы живем и какие последствия ожидают нас, если будем раздувать

историю, в которой виновницей является сама жизнь.

– Я тебя пригласила официально,– наконец-то не выдержала гнетущую паузу Аксакова и, повернувшись, отошла от окна.– Ты же понимаешь, в какое положение поставил нас своей независимой позицией. Меня на каждом заседании склоняют по всем падежам. Только из-за таких вольнодумцев, как ты – высокомерных, чванливых, я попала в опалу. Иногда кажется, будто на меня надвигается гроза.

Вадиму Петровичу было известно, кто больше всех буйствовал и хотел задавить вольнодумца. В прошлый раз Валентина Александровна с некоторым сарказмом произнесла его имя, на что Аверкин ответил: “Трус он! Если бы не был трусом, поговорил бы со мной наедине”. Тогда Аксакова встретила желание своего вассала молчанием.

– Валентина Александровна,– нарушил тишину Аверкин ровным тоном.– Вы, конечно, ждете от меня только правду.

– Правду и только одну правду! – всколыхнулась она, словно в душном кабинете подул свежий ветер.– Мы с тобой всегда были открытыми и никогда друг друга не подводили.

Перевела дыхание и добавила с присущей ей энергией: “До сей поры, Вадим Петрович, до сей поры”.

– Так вот. Если сказать правду,– Вадим Петрович встал из-за стола и повернулся лицом к Валентине Александровне. Их глаза встретились. И тут шеф поняла, сколь мучителен, но выразителен его взгляд.– Если сказать правду, то своим поступком я спас вас от большой неприятности.

Валентина Александровна сначала побледнела, потом легкая улыбка, как кошка, пробежала по ее лицу.

– Подумай, что ты плетешь!– крикнула она. Но крик напоминал глас вопиющего в пустыне.

Она не сомневалась, что отстаивает серьезные партийные принципы, которые не подлежат ни ревизии, ни обсуждению. Они испытаны десятилетиями, испытаны всеми, кто занимал ее кресло до нее, испытаны многолетним опытом, передававшимся по эстафете из рук в руки. Она не позволит какому-то деревенскому мужику, пригретому партийным теплом, нагло и бесцеремонно топтать великие завоевания революции.

– Ты что, судья, чтобы спасти нас от наказания? Слишком много берешь на себя, товарищ Аверкин! Если бы ты вовремя среагировал и сообщил мне, то эта статья не увидела бы света – мы ее сняли бы в тот же миг и доказали, что партийные принципы по руководству средствами массовой информации никому не позволим нарушать.

– Я долго думал в тот вечер, как мне повести. Представил всю картину, что может произойти после моего звонка Вашему высочеству,– спокойно ответил Вадим Петрович.

Он часто употреблял в личных беседах выражение “Ваше высочество”,– вкладывая в него признание не только инстанции, но и превосходства ее интеллекта и обаяния. Но на сей раз оно прозвучало не кстати, хотя шеф не стала упрекать его за излишнюю фамильярность. Она подошла к креслу и, удобно заняв, облокотилась двумя руками на стол.

Вадим Петрович встал из-за стола и пересел за деловой стол, за которым проводились все крупные встречи и аппаратные совещания. Сел подальше, чтобы видны были каждое ее движение, игра глаз, огорчение

и возмущение, лукавство и притворство – все способы и приемы, присущие женщине с властью в руке.

– Представим, что я вошел в ваш кабинет и низко поклонился, но не пал к вашим ногам.

– Не паясничай! Не время!

– Слушаюсь и повинуюсь. Вошел в ваш кабинет и стоя по стройке “смирно”, доложил: “Ваше сиятельство, разрешите доложить, что в молодежной газете завтра утром читатели прочтут скандальную статью “Вы мне враги”. В ней автор, неизвестный автор пишет о том, как ненавидит всех, кто создал в нашей жизни атмосферу принуждения и беззакония. Сообщает о том, что комсомол давно себя изжил и существует только на бумаге. Мой шеф срочно созывает идеологический консилиум для определения диагноза и принятия срочных мер. Не проходит и пяти минут, как в кабинете собирается возглавляемый вами отдел. Все бурно обсуждают ситуацию и осуждают автора анонимки. И тут подходит время для принятия конкретных мер. Единогласно сходятся на том, что срочно следует отправиться в типографию и снять компрометирующую публикацию.

Вадим Петрович вышел из-за стола, прошел к боковому столику, налил из хрустального графина в граненый стакан холодной воды и залпом выпил. Хотел еще налить, но передумал. Стакан занял привычное место, издав глуховатый звук.

– И тут начинается самая трудная проблема, так сказать, узел, развязать который никто не в состоянии.

Вадим Петрович понял, как трудно сосредоточиться шефу, понял по тому, как заскрипело кресло под ее пылающим телом, понял по ее усилиям удержаться в рамках приличного тона. Его суждения раскручивались

как по сценарию, составленному для серьезного отчета.

– Я подхожу к самому пику, к самому решающему шагу, который нужно предпринять, если мы хотим, как вы выражаетесь, отстаивать чистоту партийных принципов. Итак, Валентина Александровна, выслушав всех внимательно, ставит закономерный вопрос – кому отправляться в типографию. Сама она не пойдет, потому что она начальник. Завотделом не согласится, ибо тонко понимает ситуацию. Остается завсектором. Но я на эту авантюру тоже не пойду! Знаю, мне плохо и так, и сяк. В первом варианте меня сильно накажут, если не уволят за отказ подчиниться. Во втором варианте меня ожидает такая же участь, но остается время бороться.

Вадим Петрович сделал паузу и слегка задумался. Валентина Александровна уличила момент и спокойно спросила:

– Из твоего рассказа я не уразумела, как ты меня спасаешь.

– К этому я только подхожу, Ваше высочество, – отреагировал Аверкин не менее спокойно и снова налил в стакан воды. – Вы берете с собой своего первого помощника Евгения Николаевича и отправляетесь в типографию. Иного выхода у вас нет – или пан или пропал. Неудобная статья экспроприирована, вы ликуете. Но радость быстро оборачивается для вас печалью, и о последствиях в тот момент вы не в состоянии думать. Пиррова победа вскружит вам головы. На второй день, теперь уже редакция молодежной газеты собирает вокруг себя актив, кстати, без вас, чтобы обсудить, как вам воткнуть гвоздь...

– Нельзя ли выразаться покультурнее. Все же находитесь не на рынке.

– Если моя культура важнее, чем ситуация, могу говорить только изысканным языком. Боюсь, тогда не совсем правильно меня поймете. Так вот. Вас будут обвинять во всех грехах – что наступаете на свободу слова, что стиль ваш давно изжил и пора вам всем оставить партийные кресла. Вы забыли, что недавно вышло постановление о руководстве средствами массовой информации в современных условиях, где дается полное право редакциям в выборе формы и содержания газеты. Обстановка накаляется, общественное мнение настраивается против вас, наступает момент, когда критическая масса перескакивает установленную планку. И тут начинаются поиски виновника, который может спасти ситуацию. Ни первое, ни второе лицо не возьмут на себя ответственности за нарушение закона о печати. Они при любом варианте остаются ангелами на все времена. В этом еще одна трагедия командно-административной системы. Виновником станете вы, Валентина Александровна.

И тут она вспомнила вчерашний разговор с первым помощником Евгением Малининым, которому в отличие от других чиновников, может быть, единственному, присущи способность к самоанализу и, как отметил Аверкин, тонкое чутье. “Не может быть, чтобы в аппарате никто не знал о статье”, – сказала она доверительно и внимательно посмотрела ему в глаза. Евгений Николаевич не отвел взгляда, в котором постоянно вертелся страх, и не менее доверительно выложил: “Если найдется такой человек, то мы должны быть ему благодарны за то, что спас нас от больших неприятностей”.

Зрачки у Валентины Александровны расширились,

будто воткнули ей в бок шприц, но осторожно заметила: “Мне такой вариант в голову не приходил. Но все равно сейчас вопрос стоит по-другому – найти во что бы то ни стало виновника”. “Хотите сказать – стрелочника. Виновник известен. За содержание газеты отвечает редактор. Но он, чувствуется, останется в стороне”.

Валентина Александровна в душе была согласна с выводами помощника, но не в состоянии была перешагнуть через честолюбие. Система воспитала в ней иной подход к явлениям и событиям – оставаясь ореолом доброты и честности в глазах общественного мнения, она не могла брать на себя хотя бы часть ответственности. В ней постоянно боролись две противоположности – добро и зло. Она непрерывно твердила о чести, гражданском долге, совести, но когда возникали конкретные ситуации, забывала о ценностях. Они существовали для нее только в нужном измерении. Вчера, после беседы со своим помощником, она убедилась – если найдется человек, положивший на плаху свою голову, чтобы спасти их, то ему надо помочь. “Этого требует долг”, – сказала она вслух, но...при закрытых дверях. Сегодня это чувство ее покинуло, и она сухо произнесла:

– Идите, Вадим Петрович, к товарищу Саксонову. Он ждет тебя. И не забудь, пожалуйста, прихватить с собой объяснительную записку.

Первого секретаря он встретил в коридоре.

– Можно к вам, Юрий Ильич?– спросил Аверкин и удивился, что в голосе появилась дрожь.

– У тебя ко мне дело?– замедлил шаги первый и на ходу повернул голову, которая стала методично дергаться.

“Знает, а притворяется”, – подумал Аверкин и протянул лист бумаги:

– Вот моя объяснительная записка.

Юрий Ильич взял бумагу, подошел к окну и быстро пробежал по ней глазами.

– Хорошо, – сказал тихо и скрылся в кабинете.

Аверкин почувствовал облегчение, которое испытываешь только после мучительного пути, когда измотав силы, кувыркаешься на травушку-муравушку и тебя одолевает душистый аромат луговых цветов. Он продолжал стоять у окна и долго смотрел на площадь. И вдруг сердце его заплясало. Он понял, что испытания на мужество только начинаются, и в этой борьбе его задавят как букашку.

Первым в кабинет сектора печати пришел инструктор парткомиссии Иван Юсупов. На его улыбчивом лице всегда чувствовался холод отчуждения. Невысокого роста. Старался казаться вежливым. Но в культуре его поведения ярко красовалась какая-то мужицкая аляпистость. Аверкин называл его чекистом за чрезмерное умение прислуживаться. Он не видел души человека, руководствовался буквой устава, а не смыслом и содержанием главного партийного документа. Поэтому Вадим Петрович всегда держался с ним осторожно и официально. Даже за шахматной доской не позволял себе фамильярности или шутки. Иван Юсупов часто заходил к нему во время обеденного перерыва в кабинет, и они успевали разыграть не менее пяти-шести дебютов. Иван Демьянович считал себя важнецкой фигурой, и каждое поражение за шахматной доской сильно задевало его самолюбие. Аверкин особенно был внимательным в поединках с ним и

считал его человеком, случайно попавшим в партийный дом. Счет с каждым разом рос в пользу Аверкина, и партийный контролер уходил из кабинета, понуриив голову, но оставляя за собой право наказать противника в следующем поединке.

На сей раз Иван Юсупов вошел в кабинет с иной целью. Поздоровался за руку и сел на свободный стул.

– Мне нужно с тобой поговорить, Вадим Петрович, – сказал с присущей ему вежливостью и посмотрел на шкаф, где лежала шахматная доска.

– Я к вашим услугам, хотя объяснительную записку лично вручил хозяину.

– Знаю. Она у меня. Но мне надо знать подробности.

Инструктор парткомиссии посмотрел на инструктора печати.

– Чуть не забыл – меня ждут в обществе книголюбов, – почти воскликнул Ларьков и, вскочив со стула, направился к выходу. – Буду через час!

– Подробностей нет, – сказал Вадим Петрович, когда остались вдвоем. – По телефону получил сигнал о статье, но никому не сообщил.

– Почему?

– Потому что считал, что сигнал был только для меня.

– Мне хочется понять, чем продиктована твоя, мягко говоря, этакая позиция. Совершенно игнорировать ситуацию и ставить под удар товарищей по работе... Ты, как и я, коммунист... Ты совсем забыл, что имеются такие понятия, как честь и долг... Наконец, есть устав партии...

Вадим Петрович упорно молчал. Бессмысленно смотрел в окно – в голубом небе, как точки, висели

жаворонки, голоса которых врывались в открытую форточку. В душе его постепенно накапливался протест. До критической точки еще далеко. Но чувствовал, как учащается дыхание и неведомая сила давит на горло как стальным обручем. Как нагревается тело и тепло проходит к ногам. Слова инструктора стучали методично, как капли дождя по крыше дома. “Как плохо, что им дано право вершить судьбы людей”, – думал в это время Аверкин и, глубокие вдохи чередовались долгим молчанием. Возражать считал делом бесполезным, ибо понимал, что маховик стал раскручиваться, и в этом механизме Иван Юсупов представляет не более, чем винтик.

– Ну что, так и будем молчать? – стал выходить из себя инструктор парткомссии.

– Мне больше нечего добавить.

– Значит, признаете вину?

– Вы почему не идете к редактору газеты и не спрашиваете, почему он опубликовал антисоветскую статью? – не выдержал Аверкин и тут же пожалел, что вышел из себя. – Там вы получите, скажу откровенно, очень приятные и нужные ответы на ваши каверзные вопросы.

– Такого задания я пока не получил.

– Так я даю вам задание – идите туда и разбирайтесь.

– Это уж слишком, Вадим Петрович. Не хотите понять мое положение.

Встал лениво, постоял в размышлении и поплелся к выходу.

Прошло немного времени и в кабинет ворвался секретарь партячейки Петр Васильевич Лукьянин, который сообщил, что к концу рабочего дня состоится

заседание партийного бюро аппарата.

Они сидели чинно и ждали появления опального члена КПСС, которому будет предъявлено обвинение. Аверкин зашел без одной минуты до начала встречи и занял свободное место, оставленное специально для него. Готовность партлидера начать заседание ни у кого не вызывало сомнения – перед ним лежала повестка дня и решение.

– Вы все знаете, по какому вопросу мы собрались, – начал он после того, как встал со своего места и занял нужную позу. – Поэтому разрешите слово предоставить инструктору партийной комиссии товарищу Юсупову Ивану Демьяновичу.

Инструктор был краток. Он напомнил суть дела и прочитал объяснительную записку, на которой стояла виза “Обсудить на партийном собрании”.

– Есть предложение послушать товарища Аверкина, – прозвучал голос Веры Телешковой.

– Инструктор парткомиссии доложил без искажения фактов, – начал Вадим Петрович, опираясь правой рукой о спинку стула. – Добавить мне к его речи нечего.

Пауза длилась недолго.

– Чем вы руководствовались, товарищ Аверкин, когда отказались информировать начальство о грозящей катастрофе?

Вера Петровна посмотрела на Аверкина снисходительно – ироническим взглядом, как учитель на непослушного ученика. Она считала себя безгрешной и жила в рамках запрограммированного режима. Не допускала отклонений не только от норм партийной жизни, но и простых житейских правил. Нисколько не сомневалась в правильности поставленного вопроса. Не сомневалась и в том, что

ответ не сможет соответствовать принятому партийному трафарету. Но она плохо знала людей. Кстати, и Аверкина. Была уверена, что он допустил ошибку. Ей было невдомек, что Аверкин не боится ответственности. За двадцать лет партийной биографии он побывал в переделках, когда с него снимали не одну шкуру. Выговорам стало тесно в учетной карточке, но его не просили освободить партийное кресло. Был весь в движении, и бывший шеф окрестил его ломовой лошадыю.

– Грозящая катастрофа давно стучится в партийные кабинеты, и если в них будут сидеть такие работники, как Телешкова, то грозящая катастрофа очень скоро оставит на мраморных лестницах партийного дома одни темные пятна.

Лицо Телешковой побагровело. Будто нечаянно села на горячую сковороду. Грозно сдвинула брови и воскликнула:

– Видите, как он оправдывает свои принципы, как льет грязь на тех, кто до мозга костей преданно служит партии! Но ко мне грязь не прилипнет, товарищ Аверкин! Я чиста перед партией, а ты плюешь на ее принципы! Ты, ты!..

Тут она захлебнулась, как трактор, когда горючесмазочные материалы на исходе. Секретарь партячейки посмотрел на инструктора партийной комиссии, который сидел, блаженно вытянув ноги.

– Товарищи, прошу соблюдать партийную дисциплину и партийную этику. Личные оскорбления делу не помогут. Предмет обсуждения всем ясен и просьба в корректной форме высказать свое мнение.

Снова наступила пауза, которая на партийном языке означает нечто большее, чем в толковом словаре.

Сидящие в небольшом кабинете секретаря догадывались, что проект постановления заранее тщательно сверен парткомиссией, согласован с высшим эшелонам власти. Не менее четко представляли они и степень наказания человеку, отвечающему за печатную продукцию, хотя о конкретном наказании знали только двое: секретарь партиячейки и инструктор парткомиссии. Но они своего слова не скажут и останутся нейтральными людьми, хотя в начальный период перестройки нейтральная позиция еще не имела статуса - кво в партийной сфере. Только потом, когда в стране начнется большая смута, нейтральная позиция и способность к компромиссам будут считаться главными достоинствами не только политических деятелей, но и простых людей. Под этот принцип станут подводить самые неблагоприятные дела, превращая их в ореол важных государственных ценностей. В организме нынешних партийных чиновников клокотал дух гугенотов – никаких компромиссов, никаких скидок и поблажек. То, что сидело в глубине их душ – сочувствие, на поверхность не вырывалось. Стандарт в партийных отношениях не признавал мягкотелости. Один неподвижно глазел в окно, где бурлила неугомонная весна. Второй шевелил пальцами и строил какие-то непонятные фигуры. Третий не спускал глаз с инструктора парткомиссии, словно хотел вытащить из него степень наказания.

Встал Артем Вихров, и все облегченно вздохнули. Молодой, стройный и красивый работник аппарата, которому не исполнилось и тридцати, занимал пост, получивший название “независимый”. Таких должностей вообще-то не бывает. Но Вихров отвечая за национальные вопросы, которые в эпоху перестройки

стали обретать новый виток, напрямую выходил на секретаря по идеологии и редко посещал аппаратные совещания. Густые пышные волосы он обильно поливал лаком, и они плотно прилегали к голове. Черные, как смола, глаза излучали блеск подобно лазерным лучам. Выдержать его взгляда невозможно, и никто ему в глаза не смотрел. Но на сей раз все невольно подняли головы в его сторону.

– Товарищи!– начал он как-то таинственно, но в свойственной ему манере.– Не надо забывать, в какое время мы живем. Я бы хотел, чтобы Вадим Петрович обосновал свою позицию. Может быть, она не такая уж негодная, как кажется некоторым товарищам.

Он сел, вызвав некоторое смятение в умах членов бюро. “Этот человек знает то, что мне неизвестно”,– подумал один из них и заерзал на стуле. “Я тоже сейчас выступлю и скажу то, что думаю”,– пришло в голову другому, и он вскочил, будто его ударило током.

– Что с тобой?– удивился секретарь неожиданному жесту.

– Я хотел...Мне хочется добавить...

– Ну!– не выдержал “генсек”, как иногда называли секретаря его коллеги.

– Нет, я потом скажу,– и сел.

– Пожалуйста, Вадим Петрович, тебе слово,– обратился секретарь к Аверкину и стал что-то строчить в блокноте.

– Имеется партийный документ, на который почему-то никто не ссылается,– начал он спокойно и посмотрел на Артема Вихрова. Их глаза встретились, и Аверкин прочитал в его глазах незаметную улыбку, которая стоит, быть может, больше, чем любая лекция о дружбе.– Точное название этого документа “О

руководстве средствами массовой информации в современных условиях”. Так вот. В этой партийной хартии черными красками на белом листе бумаги выведено – вмешательство в дела редакций в условиях перестройки недопустимо.

Аверкину показалось – что перед ними сидят не члены бюро, а мраморные статуи. “Видимо, со мной не все в порядке,” – подумал он и даже дотронулся ладонью лба.

– Но дело не только в документе. Настали другие времена. Только вчера ко мне в кабинет ворвался человек с необыкновенным мандатом на редактора газеты “Красная стрела”. Его фамилия Костенко Геннадий Васильевич, работает слесарем механического завода. Направлен он с такой миссией решением митинга избирателей. Свою миссию он обосновал бесхитростно. Он сказал, что областная газета освещает события однобоко, а оппозиция хочет иметь в газете свою страницу. И он прав. Общественно-политических течений развелось много, а газета одна. Так что статья “Вы мне враги” – лишь первая ласточка.

– Скажи, Вадим Петрович, ты сам разделяешь точку зрения анонимного автора? – спросил Вихров.

– Нет, не разделяю.

– Видите, не разделяет, а прикрывает! – воскликнула Телешкова.

– Кого он прикрывает, товарищ Телешкова? – не выдержал партийный вожак и бросил карандаш на стол так небрежно, что он, ударившись о край стола, упал на пол и подкатился прямо к ногам Телешковой. – Дайте, наконец, разобраться в ситуации!

– Я давно ставлю вопрос о замене редактора в молодежной газете, – заговорил Аверкин уверенно. –

Они договорились до того, будто Леннон, как композитор, стоит на голову выше Чайковского. Такой подход к истории русской культуры не может воспитывать истинных патриотических чувств.

– Но тут ты не совсем прав, – слегка прищурил глаза Вихров. – Откуда нам известно, кто из них выше. Пусть молодежь поспорит.

– И я им говорил, что нельзя утверждать, а надо ставить вопрос в порядке дискуссии.

– Но это к делу не относится, – вдруг вмешался в разговор инструктор парткомиссии. – Предмет обсуждения конкретный – почему товарищ Аверкин не доложил по инстанции, как говорила Телешкова, о грозящей катастрофе.

Телешкова гордо подняла подбородок, поправила локоны и, вынув из сумочки зеркальце, внимательно посмотрела на брови. Поправила пальцами завиток, сплывшийся на лоб, провела по пшеничного цвета бровям и аккуратно сунула зеркало обратно.

– Почему не относится? Я понимаю, что проект постановления нетерпеливо ожидает своего часа в красной папке секретаря. Но мы решаем судьбу человека, который ничем себя не скомпрометировал. Наоборот, Аверкин является примером для некоторых аппаратчиков в борьбе за справедливость. Не будет излишним, если мы хоть чуточку научимся бороться с тем, что мешает нам на пути к демократии.

Стул под Телешковой неистово застонал.

– Тут мне партийная комиссия подсунула проект, – завертел в руке секретарь партячейки лист бумаги после того, как члены бюро решили прекратить прения. – Позвольте его вам зачитать.

– Причем тут партийная комиссия? – задержался на

стуле Юсупов и неодобрительно скопил глаза на секретаря.– Проект – итог общих усилий. Мы просто облегчили ваш труд.

– Спасибо,– не упустил момента воспользоваться неуместной репликой чиновника партийный вождь.– Постановление партийного бюро аппарата обкома КПСС “О завсектором печати тов. Аверкине В.П”.

Содержание постановления шло в стиле установившихся традиций – кратко и ясно изложив суть дела, точку ставила степень наказания.

“За нарушение принципов руководства средствами массовой информации и личную недисциплинированность завсектором обкома тов. Аверкину В.П. объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку”,– закончил чтение секретарь и посмотрел на членов бюро.

– За что такое наказание?– вскочил с места Артем Вихров и стал сверлить членов бюро взглядом.– Это же расправа! Хочу еще раз подчеркнуть...

– Товарищ Вихров, было принято решение о прекращении прений,– старался уговорить его контрольный комиссар, но Артем Викторович был неуправляем. Неистовал, словно его завели. Встал и демонстративно покинул кабинет, громко захлопнув дверь.

Партийное собрание назначили на второй день, и Аверкин не сомневался в его исходе. В коридоре его встретил заведующий идеологическим отделом. Узнав, чем закончилось заседание, тихо сказал: “Это – конец. За подобным наказанием обычно следует формулировка о несовместимости пребывания на посту”.

Вывод начальника еще больше всколыхнул душу

Аверкина. Сердце заплясало словно под него подложили костер. Никогда не думал Вадим Петрович, что его партийная карьера так бесславно оборвется. На тернистом пути были и пики славы, и минуты тревоги, но он всегда оставался самим собой – спокойным, уверенным, непоколебимым. Власть и слава его не испортили, а неудачи не выводили из равновесия. Годы учебы в партийной школе считал зенитом своей биографии. Окончил ее с отличием. Вернулся на прежнее место заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии. Вернулся обогащенным знаниями, возмужав политически и нравственно.

До сих пор помнит, как перед отъездом вошел в кабинет первого секретаря и оставил на столе шахматные часы, бутылку коньяка и записку с благодарностью за доброе к нему отношение. К концу рабочего дня первый вернулся из поездки по району и пригласил к себе.

– Шахматные часы приму, а вот бутылку возвращаю, – улыбнулся Геннадий Александрович, когда Аверкин неуверенно вошел в кабинет.

– Мне хочется, чтобы вы выпили за мои успехи в учебе, если, конечно, хотите, чтобы я не посрамил честь райкома.

– Не только хочу, но и надеюсь, что через два года ты снова вернешься в свой райком.

– Это еще один повод для тоста, – осмелел Аверкин. Геннадий Александрович вышел из-за стола.

– Ну и черт с тобой! – обнял по-отечески, хлопнул по спине, а когда Вадим Петрович подошел к двери, крикнул: “Ни пуха, ни пера!”

Аверкин повернулся, и лицо его озарилось улыбкой: “К черту!”

Бывали в жизни Аверкина и тревожные минуты, когда он ненавидел даже самого себя. Как-то в газете появился фельетон, в котором красочно и едко, как и положено в сатире, описывалась история с его шофером, использовавшим, якобы, государственную машину в личных целях. Повезет кого-нибудь в соседнее село – три рубля в кармане. В фельетоне автор не без сарказма рассказывал о том, как, живя в родном селе Снежинка, шофер повез в областной центр женщину и получил двадцать пять рублей. “Повез женщину – вполне возможно, – думал Аверкин, прочитав фельетон. – Я ушел в отпуск, а шофер держал машину дома, ибо у райкома в связи с недавним переводом райцентра в Свяжск, гаражей не было”. Но не думал Аверкин, что шофер способен использовать машину в корыстных целях. Считал его порядочным человеком и никогда не замечал за ним подобные грехи. Самый коварный удар в фельетоне таился в тонком намеке автора на то, что такие поездки входили в планы и вполне возможно, что часть денег шла в карман хозяину.

Пошли звонки. Кто с иронией, кто в шутку поздравлял его с появлением фельетона. Его оживленно обсуждали дома и от души смеялись. Жена снисходительно “жаловалась” детям, что отец, оказывается, имеет побочные доходы, но скрывает от семьи. Старшая дочь Наташа предлагает срочно идти в редакцию и добиться опровержения. Младшая Люба умоляюще просит: “Брось, папаня, эту работу и перейди в школу. Помнишь, как тебя любили ребяташки?”

– Успокойтесь, детки, – допивает чай Вадим Петрович и снимает салфетку. – Скажите, вы верите в мою честность?

Дочери снова бросаются ему на шею – какими они стали большими и рассудительными! Вадим Петрович не из камня сделан – доверие дочерей ему особенно чувствительно и дорого.

Отпуск кончился, настал первый рабочий день. Машина подъехала к подъезду ровно в шесть часов утра, – не забыл шофер расписания. И на том ему спасибо. Поздоровались сухо. Володя повернул ключик – мотор взревел.

Шли дни, а Вадима Петровича никто не беспокоил, будто не было никакого фельетона. Соплевающие, поездки в трудовые коллективы, прием граждан поглощали его с ног до головы. И только поздно вечером шофер привозил его домой. “Почему тянут, как резину? – думал он длинными ночами и не мог понять причину. – Отрезали бы один раз и делу конец. Нет более мучительной минуты, когда ждешь – не дождешься”.

Аверкин подыскал себе работу в школе и зашел к первому секретарю.

– Я не думаю, что есть веская причина оставить пост, – засверкал глазами Юрий Волгин, когда секретарь по идеологии изложил о намерении оставить партийную работу. – Факты проверены, и они не подтвердились. Фельетон можешь оставить себе на память. У меня нет желания отпускать тебя – мы с тобой сработались неплохо.

Прошел месяц, страсти улеглись, и Аверкин все же спросил шофера:

– Скажи, Володя, ты действительно отвез женщину в город?

Ответ последовал мгновенно:

– Конечно, отвез.

– И деньги получил?

– Получил. Целых двадцать пять рупий.

Аверкин замолчал. В нем кипел гнев. Шофер понял его состояние:

– Почему не спрашиваете, кого я конкретно отвез и кто написал жалобу?

И не дожидаясь реакции, продолжил:

– Отвез я свою родственницу. Она получила телеграмму, что серьезно больна сестра. Дождь, слякоть – еле выбрались из деревни. Поблагодарила от всего сердца и четвертак подсунула. Не отказался. Живут они прилично, не то что моя семья. А жалобу написал, кстати, тоже мой родственник – двоюродный или троюродный брат моей матери. Работает управляющим. Сволочь! Они сильно поссорились с моей матерью, и он решил отыграться на мне. Накатал грязь и думал, что меня снимут с работы. А обернулось на вас. Я прошу извинить меня.

Машина спустилась в Коровинский овраг, и шофер прибавил газу.

– Зови меня на ты, – улыбнулся Вадим Петрович и еще глубже спрятал подбородок в воротник. Начинался крутой и затяжной подъем.

Опровержение в газете не появилось – не принято. Считалось, что партийная газета не может ошибиться. Если бы оно появилось, то было бы ударом не по газете, а по авторитету обкома партии. Аверкин это понимал и...молчал. Он и не нуждался в поддержке газеты. “Душа моя чиста, – думал он, – а к чистой душе грязь не прилипнет”. Время заставило его пересмотреть моральные ценности и вносить туда свои выводы: “Пристанет. Еще как пристанет!”

...События давно минувших дней вернулись к нему в тот момент, когда над его головой подняли дамклов меч. Вадим Петрович открыл дверь в кабинет и поплелся к столу.

– Что так приуныл? – спросил его Геннадий Иванович, хотя прекрасно знал, что унывать есть от чего. Выдержав паузу, сказал: “А у нас гостья”.

Аверкин поднял голову – у окна сидела поэтесса Людмила Незабудкина, которая в последнее время частенько заглядывала в партийный кабинет.

– Очень приятно. Имеется сюжет для небольшого романа, – иронизировал Вадим Петрович и стал рыться в столе.

– Когда партийное собрание?

– Завтра, в конце рабочего дня.

Геннадий Иванович встал, подошел к столу шефа и стал стучать карандашом так, будто хотел разбудить в Аверкине уснувшие струны.

– Я думаю, к нему надо подготовиться основательно.

– Бесплезно, – выдавил из себя Вадим Петрович и закрыл ящик. – Вопрос решен окончательно и обсуждению не подлежит.

– Не думаю. Времена пришли другие, товарищ начальник. Пять лет назад любой мог сказать – конец. Тогда действовал один принцип – диктатура. Что скажет местный князь, так и будет.

Аверкин понимал, что друг хочет облегчить его участь, одобрить и вселить уверенность. Но считал, что он принимает усилия из личных к нему симпатий. Он, Ларьков, далек от здравого смысла и не видит дальше своего носа. Вадиму Петровичу изрядно надоели его напоминания о новом времени, о свободе

и демократии. “Никакой демократии нет, а есть диктатура одного человека”, – стучала в его голове навязчивая мысль.

– Я же тебе сказал, что бесполезно! Поэтому не хочу тратить силы на пустые писанины. Не будет на собрании никакого обсуждения. Проглотят и – все! – повысил он голос и нечаянно посмотрел на поэтессу.

Она сидела без движения, стройно, словно полевой цветок. Глаза большие, темно-карие, как две спелые черешни. Он хотел отвернуться, но глаза ее умоляли: “Подожди, не уходи, взгляни повнимательнее в их глубину и ты прочтешь в них клад тонких чувств”.

Геннадий Ларьков знал тонкости женской психологии как свои пять пальцев и мимо его взгляда не мог ускользнуть ни один штрих в поведении поэтессы.

– Чуть не забыл, – воскликнул он и приложил указательный палец ко лбу. – Я срочно должен идти, но я требую, нет – приказываю немедленно садиться за выступление. Речь должна быть логически неотразимой и убедительной. В этом наше спасение.

Так и сказал: “наше”, подчеркнув неразрывную нить, которая связывала их дружбу уже много лет. Не дожидаясь реакции, положил на стол ключ от кабинета:

– Вот ключ. Запритесь и начинайте обмозговать. Приду к двум часам, и посмотрим что и как...

Дверь кабинета захлопнулась, издав глухой звук.

– Мне тоже пора, – сказала поэтесса и пошла к выходу. – Проводи меня до двери.

Он лениво встал и пошел за ней. Она встала у двери. Он тоже остановился и протянул руку, чтобы открыть дверь. Не успел – она резко повернулась и произнесла:

– Не сдавайтесь. Я верю в ваше мужество.

ШАНТАЖ

Бывало, берешь в руки спелый арбуз, постучишь с двух сторон – звенит. Возьмешь зеленый – ладони липнут, а звука никакого. Тяжелый, но бестолковый. Так и голова. Мысли бродят, а связи нет. Да и невозможно связать их в один узел. Нужно время, чтобы они обрели систему. А еще – анализ и сопоставление фактов и событий.

Наиль стянул с себя одеяло, надел шлепанцы и вышел в коридор. Дежурная сестра сидела неподвижно. “Дремлет”, – подумал он и сноровил проскользнуть мимо нее незаметно. “Не спится?” – оживилась вдруг Вера Ивановна и потянулась так сильно, что послышался хруст. “К сожалению, да”, – сухо ответил больной и двинулся уже свободно.

За окном стояла глухая ночь. Осенний ветер гнул ветви оголевшего дерева. Гнул, но не ломал. Ветви снова и снова выпрямлялись. Ветер рассвирепел и не давал ни секунды покоя. Каскады его то и дело обрушивались с новой силой. Будто и не было более удобной мишени, чем молодые поросли.

“Как же так? – десятки раз задавал вопрос Наиль. – Меня обвиняют в том, будто я проигнорировал сессию райсовета. Кому выгодна двойная игра? Да, я не пошел на сессию. На то был серьезный мотив. Вернее, не мотив. Меня просто попросили, чтобы я не ходил. Звонил сам шеф”.

Рамазанов отлично помнит тот вечер. До мельчайших деталей. Как зазвонил телефон, как он прошел через зал, снял трубку и как услышал знакомый голос.

– Почему не надо?– недоумевал Наиль Валиевич.– Меня пока никто с должности не снимал. Я буду отстаивать свою позицию. Я...

– Мне понятно твое желание,– прервал в трубке знакомый голос. –Там все решено. Твое присутствие лишь осложнит дело.

Рамазанов оторвал ухо от трубки. В глазах помутнело. Он больше ничего не слышал, а когда приложился к трубке, порывистые гудки напоминали о том, что предстоит в эту ночь ответить еще на один извечный вопрос: что делать?

“Нет, этому не бывать! Никогда! – твердо заявил он вслух.– Да, мы допустили просчет. Не надо было выступать на пленуме райкома. Бой необходим был на конференции. Мы дали им опомниться, подтянуть к месту боевых действий силы из верхнего эшелона. Но мы правы – в этом я убежден. Завтра будет новое сражение, и сессия меня поддержит”.

Ему стало легко. Он продумал детально выступление. У него есть факты. Мысленно перечислил, кто его будет защищать и поддерживать. Их много. И они скажут свое слово.

Утро выдалось пасмурным. Наиль почувствовал легкое недомогание и боль в левом предплечье. Посмотрел на брюки, на тонкие и ровные складки и усмехнулся: мундир – не последний помощник в деле. Но здесь предстоит сражение. Люди замечают самое незначительное.. А здесь – народные депутаты. Жаль

что не придавал значения своей внешности раньше. Всегда думал, что для дела в конечном счете важна не форма, а сущность. Оно, быть может, и верно, но люди в первую очередь замечают внешние атрибуты, а потом уж...

– К телефону! Ты что, не слышишь звонка?– голос жены никогда не терял прелести, а сегодня, как ему показалось, звенел особенно торжественно. Хотя для оптимизма не было причины.

– Какое решение принял, Наиль Валиевич?

В телефонной трубке тот же голос, глуховатый, но ручейным рокотом, знакомый, но почему-то далекий и душеохлаждающий. Ему почудилось, что он постепенно попадает в ловушку. Чья-то неведомая сила заплетает сети, и он против своей воли отдает себя в плен. Наиль молчал. У него не было силы воли, чтобы с возмущением отвергнуть его просьбу. Нет, это была не просьба. Это было требование. Настоятельное, унижительное, коварное. Он не мог возразить, ибо очень ценил этого человека. За мужество, инициативу, человечность. Он молчал, ибо знал, что в трубке звучат не его слова. Знал, что все пути ведут в партийный дом на главной площади города. Там недавно с ним и его “фракцией”, как окрестили их тогда, вели длительную и назидательную беседу. Убедить их не сумели, но тон Наиль Валиевичу был понятен.

– Что ж ты молчишь? Ну и как мы с тобой решим?– ненавязчиво повторил шеф вопрос.

– Согласен,– безразлично пробормотал Рамазанов в ответ.

– Вот и хорошо! Время – лучший лекарь. Через пару дней я тебя вызову. Насчет работы.

Но Наиль последних слов уже не слышал. Трубка

упала на аппарат, известив о том, что человек не волен распоряжаться своей судьбой.

В тот вечер Наилю никто не звонил и не удосужился посещением. Он думал, что сессия закончилась поздно и никто не хотел его беспокоить. На второй день снова не последовало звонка, не скрипнула дверь. В подсознание подкралась тревога. Наиль не находил места. Дома никого не оказалось. Несколько раз подходил к телефону, тоскливо взирал на него, как на спасательный круг, поднимал трубку и медленно опускал на место. Что случилось? Почему никто не звонит и не наведывается? Если бы в эту секунду кто-то нажал на кнопку... Наиль Валиевич вздрогнул. Звонок? Нет, показалось... Второй, третий... С улицы чья-то рука настойчиво нажимает на кнопку. "Иду!" – кричит хозяин дома и бросается в сени. Спотыкается, но удерживается на ногах. Дрожащими руками снимает засов.

– Юрий Алексеевич! Дорогой! – дрожит голос Наиля Валиевича и он чувствует, как слабеет тело.

...Второй час он слушает рассказ друга Юрия Плотова. Отсутствие на сессии Рамазанова, как и предполагалось, не осталось незамеченным. Но никто не осмелился спросить вслух о причине его отсутствия. "Заболел, не иначе", – подумали его единомышленники. Ясность внес первый секретарь райкома партии. Он сообщил притихшему залу о том, что отказ Рамазанова принять участие в работе сессии еще одно неопровержимое доказательство непомерности амбиций тех, кто поднял руку на единство районной партийной организации.

– Это ложь! Неправда! – посыпалось с дальних рядов. Сберкассов многозначительно поднял правую руку.

– Мы его пригласили. Он добровольно отказался принять участие в работе сессии.

В зале воцарилась мертвая тишина.

– Неуважительное отношение к народным депутатам может допустить только тот, кто не чувствует ответственности за дела района, кто чрезмерные амбиции удовлетворяет в сумасшедших интригах.

Это звучало убедительно для аудитории. Первый умел оценивать не только ситуацию, но и создавать новую на свое усмотрение. Он уже праздновал победу над противниками. Спектакль удался. Действия его нравственно оправданы. Друзья от Рамазанова отрекутся. Колеблющихся не станет. Единство партийных рядов будет восстановлено. Вот она политика, достойная уважения!

– Своим отказом Рамазанов еще больше раскрыл несостоятельность действий, направленных против райкома партии и высшего органа советской власти в районе.

– Не против райкома, а против его лидера!

Но зал не прореагировал на реплику председателя комитета народного контроля Петра Владимировича Тимофеева.

....Больница дала Рамазанову время для анализа. Он наконец-то начинает понимать секреты политической борьбы, ее неумолимые законы. В этой борьбе возможны любые средства. Средства определяют люди, а люди бывают разные. Не надо бояться открытых противников, надо бояться коварства. О, сколько слышал он о коварстве и истинном товариществе! Наиль отчетливо сознавал свою наивность, которая формулировалась в кратком изречении: правда беспрепятственно прокладывает дорогу к победе. Оказывается, путь к победе тернист и мрачен, если даже правда у тебя в кармане.

Рамазанов вспомнил недавний разговор с Вадимом Аверкиным. “Вы допустили ошибку, – сказал твердо обкомовский чиновник. – Ни в коем случае нельзя было давать бой на пленуме. Вы напугали противника. Судьба решалась на партийной конференции и к ней надо было готовиться основательно, не выкладывая преждевременно козырные карты”.

Наиль Валиевич не слыл сильным стратегом, но обладал недюжинными способностями хитрого тактика. Марксистская диалектика отдалена от него не меньше, чем свет далекой звезды. Но жизнь приучала его постепенно к самоанализу. Рамазанову стало ясно: Сберкассов – враг коварный и настырный. Голыми руками его не возьмешь. Обладает особым даром входить в доверие высшему начальству, способен менять кожу, как хамелеон, в зависимости от обстановки.

И вдруг он сделал для себя еще одно открытие, бросившее его в жар. Мурашки пробежали по спине. Лоб покрылся потом. “Не может быть!” – бессильно повторял он и с грустью вглядывался в бушующую за окном осеннюю ночь.

Он вспомнил. Он где-то вычитал. Делал отчаянные усилия – где же мог вычитать. Может, кто-то рассказывал? Нет, нет. Своими глазами прощупывал строки. Это он точно. Но где, в какой газете?

...В разоблачении Троцкого Сталин не гнушался никакими средствами. Создал механизм, которому позавидует любой интриган. Десятилетиями в нас воспитывали ненависть к Троцкому. Если даже в троцкизме не разбирались, но в Троцком однозначно видели врага. Разве можно простить ему

бесчеловечность и отсутствие партийного долга, когда он после смерти Ильича не приехал даже на похороны? Вся страна провожает в последний путь вождя, а Троцкий, изолированный от внешнего мира, отдыхает на даче на юге страны.

Но в действительности дело обстояло иначе. Сталин распорядился выслать ему телеграмму только за несколько часов до похорон. Ни поездом, ни самолетом Троцкий не успевал к траурной процессии. Человек, высоко ценивший политические и моральные качества вождя, оказался во власти судьбы. Не думал тогда Троцкий, что придет время и этот факт будет использован против него для разоблачения его антиленинской политики.

Внезапная догадка, как молния, озарила его сознание. Лицо выражало и ужас, и недоумение. Наиль думал о том, как делается политика, как важно быть осторожным и осмотрительным в политической борьбе. Никогда не предполагал, что рядом могут находиться люди, для которых важнее революционные лозунги, личное благополучие и карьера, чем честность, правдивость, справедливость. Ему всегда казалось, что такие люди бывают только в книгах или в крайнем случае, в высших эшелонах власти.

Рамазанов сжал пальцы в кулак. Посмотрел в окно. При фонарном свете отчетливо видел, как свирепый ветер с невероятной силой гнул ветви. “Нет, ветер только гнет ветви, а не ломает, – подумал он и устало улыбнулся. – Они, эти ветви, гнутся до земли, но снова выпрямляются”.

КРУТЫЕ СТУПЕНЬКИ

В приемной председателя Степного райисполкома было душно, хотя форточка целый день держалась открытой. Владимир Петрович Еремеев все чаще стал заглядывать на часы – надо успеть на автобус, не то придется снова ночевать в гостинице. В прошлый раз измучила компания, которая до утра не давала спать. Был среди них мужик, неистово кричавший:

– Мы их задавим, как букашек!

Кого имел в виду, невозможно было понять.

... Дверь в кабинет открылась, и Владимир Петрович двинулся навстречу человеку, унылый вид которого слегка испортил ему настроение. Пропустил, держа ручку двери, и произнес:

– Можно, Наиль Валиевич?

– Можно! О, далекий гость! – изменил тон спикер местной власти на мажорный лад и показал место, которое должен занять человек с продолговатым лицом и вечно мигающими глазами. – Как там живет Цильнинка? Кстати, ваш вопрос решен положительно. Неужели не дошло до вас?

– Дошло, Наиль Валиевич, дошло. Спасибо. Приехал вот отблагодарить. Председатель колхоза рассвирепел, когда подсунули ему вашу записку, но дело сделал.

Вынул из котомки коробку конфет и положил на край стола.

– Я подарков не принимаю, – сказал сухо Наиль

Валиевич и посмотрел на коробку. – Уберите, пожалуйста. Лучше детям подарите. Конфеты... такой дефицит. И я знаю, с каким трудом ты их достал.

Наиль Валиевич не понял, как перешел на “ты”, но исправляться не стал.

– Сейчас все вещи представляют дефицит, но моя родственница работает завмагом и...

– Понимаю, – улыбнулся спикер, – но все же заберите. Ты лучше расскажи, как приняли в колхозе... Сберкасова. Он, кажется, провел в вашем коллективе собрание.

– К сожалению, я там не был. Отвлекли неотложные дела. Но мне рассказывал сосед. Приняли его...

Он посмотрел на Наиля Валиевича, стараясь понять, какой у него интерес к событию, которое всколыхнуло все село. Подождал немного, надеясь на его реакцию, и добавил: “Холодновато”.

– А как вел себя председатель сельского совета?

– Он болеет. Кстати, Сберкасов привез с собой врача. Вся деревня в восторге – такое внимание к человеку, что нет слов выразить благодарность...

– Внимание, говоришь! – оборвал его Наиль Валиевич и резко встал из-за стола. Отошел на несколько шагов в сторону, подошел к встроенному столу, за которым сидел гость, облокотился двумя руками и выцедил: “Не внимание, а настоящее издевательство и наглость!”

Владимир Петрович покраснел от неожиданности, быстро прибрал к рукам коробку конфет и бесшумно покинул кабинет.

Спикер устало свалился в кресло: “Наглость! Какая наглость!!!” Вспомнил недавнее совещание, на котором отсутствовал Алексей Прохорович Аверкин.

– Не больной, а симулянт! – заорал Сберкассов на весь зал, когда ему передали, что спикер из Цильнинки серьезно болен, и назидательно посмотрел на Рамазанова.

...Тучи вокруг Алексея Аверкина стали сгущаться внезапно. Ему трудно было понять причины столь резкого охлаждения к нему со стороны лидера районных коммунистов. На селе пользовался непререкаемым авторитетом, трудовая биография соткана не из романтических будней. Благополучно закончив Буинский ветеринарный техникум, получил назначение в далекое татарское село. Отдаленность от родного очага его не пугала. Новые места всегда хранят таинства: впереди – встречи с новыми людьми, проверка того, что дал тебе техникум.

Дома усиленно готовились к отправке. Дольше всех суетилась Дарья Васильевна, которая тщательно проверяла каждую пуговицу и аккуратно складывала вещи. Прохор Иванович был немногословен. На прощание крепко обнял сына и, не промолвив ни слова, хлопнул по плечу. Таков был характер отцовский – поведение его можно было понять без слов. Повозка давно скрылась за поворотом, а родители все стояли у калитки, словно сын может случайно вернуться назад.

Приезд молодого человека не остался незамеченным на селе. Аксакалов пугала его молодость, девушкам не давала покоя его стройная фигура и густая шевелюра. Но Алексей никогда не терял душевного равновесия и всецело отдался делу, которому должен служить честно, не жалея сил.

Первое крещение получил после того, как обосновался у аби. В соседнем селе захворала корова. Лошадь легкой рысью коротала семиверстное

расстояние, и у ветеринарного врача было достаточно времени любоваться просторами незнакомого края. Чем-то родным повеяло оттого, что он видел вокруг. Те же просторы полей, те же березы, что растут около его родного дома. Он полной грудью вдохнул утренний воздух и облегченно крикнул: “Ну, савраска, поскакали быстреей!”

Хозяева встретили его у ворот. Алексей Прохорович поздоровался и зашагал во двор походкой, в которой легко можно было угадать юношеский задор. Корова действительно чувствовала послеродовую слабость и нуждалась в помощи. Для молодого специалиста это было не новостью – на практике часто занимались подобными делами. Подготовил марганцовку, сделал раствор, помыл необходимые места и сделал успокаивающий укол. Все шло ладно, если не считать одного обстоятельства – за спиной он ощущал дыхание толпы. Сомнений не было – за его движениями следят местные жители, а может быть, и аксакалы. Уши, как радарные установки, улавливали голоса, разобраться в которых ему не стоило труда.

– Кого прислали? Пацана! – промолвил один на мягком татарском языке.

– Видимо, не нашли более солидного, – поддержал его второй.

– Не торопитесь, – вставил неторопливо третий. – Цыплят по осени считают.

Чем дальше – тем гуще. В выражениях не стеснялись. Алексей был готов повернуться и посмотреть им в глаза, но у него не хватало ни сил, ни смелости. “Пусть чешут языки, – подумал он, закончив процедуру. – В конце концов каждый имеет право поставить свой вердикт”. Ведь никто из них не знал,

что молодой ветеринар в совершенстве владеет татарским языком, прекрасно исполняет татарские песни и мелодии. Это уж потом он покорит их сердца своей общительностью, внимательным отношением к людям и честностью, мягким музыкальным тенором.

Алексей дал кое-какие советы и пошел к выходу. “Завтра к вечеру обязательно загляну”, – обещал он и попрощался с хозяевами.

Когда на второй день остановил лошадь у знакомого двора, уловил настроение жильцов. “Значит, все в порядке”, – подумал он и не стал испытывать их терпение. “Иссен месес”, – улыбнулся, слезая с тележки и заговорил на татарском языке. У хозяина глаза полезли на лоб, аби не могла скрыть восхищения. Старики не отпускали весь вечер, угощали, чем богаты.

За годы работы Алексей понял душу татарского народа, его гостеприимство, дружеское расположение к тем, кто делает добро. Завоевал столько друзей, авторитет настолько был велик, что минуты расставания были для него самым тяжелым испытанием в жизни.

Пришло время службы в армии. Алексей твердо решил не возвращаться к ветеринарной службе. Не потому, что не любил работу. Люди его понимали, за три года – ни одной жалобы. Но это мало интересовало районное начальство. Сводки, отчеты, цифры, вызовы в райцентр по пустякам, бесконечные совещания – вот что представляло предмет особой заботы в высших кругах, а людские интересы стояли на втором месте. Служба на флоте подошла к концу. Алексей, как говорится, идет с корабля на бал – сдает экзамены в пединститут и устраивается на работу в родную школу. Он – в гуще событий села, активный общественник.

Хрущевская оттепель расширила рамки демократии, на селе появляется экономический стимул для труда колхозников. Новая волна выдвинула новых лидеров. Люди не могли не заметить интеллигентного парня. Заметили его и в районных кругах. “Председателем так председателем”, – сказал он себе и погрузился в новое дело. Односельчане понимали его с полуслова. “Свой человек”, – говорили почти хором и этим было сказано все. Молодой лидер понимал, что личный пример должен стоять у руководителя на первом месте. Когда отдыхал – никто не знал. Вставал с первыми петухами, завтракал всегда стоя у русской печи и, накинув плащ, быстро скрывался за переулком. Колхоз “Слава” в те годы действительно оправдывал славное имя. Верхние строки в районных сводках говорили о расцвете колхозного села. Славу принесли люди, которые с полным доверием относились к своему лидеру.

В 1959 году началось укрупнение колхозов. Алексей Прохорович посчитал, что в новых условиях должен освободить пост председателя колхоза. Уж слишком пугали масштабность и огромные территории. По замыслу высшего эшелона, новый колхоз объединит три бывших села, расстояние между которыми достигало до двадцати километров. “Зачем такая ломка?” – задавал вопрос колхозный лидер, но ответа не находил. – Как можно эффективно управлять в таких условиях – уму не постижимо”.

Вошел в кабинет первого секретаря райкома и положил на стол заявление. Владимир Васильевич Курылев был в районе лидером уважаемым и признанным. Быстро пробежал по бумаге и вопросительно посмотрел на председателя. “Набирает

себе более высокий рейтинг”, – подумал первый и отложил лист в сторону. Для подобного вывода у него были веские основания. Колхоз идет в гору, авторитет непререкаем и держится не на подпорках, а исключительно на деловых и моральных качествах. И вдруг – заявление. Однако беседа ни к чему не привела. Решили продолжить разговор в другом месте. На второй день его принял второй секретарь обкома Вячеслав Полянсков. Умение вести беседу, высокая культура и интеллигентность одного из крупных областных начальников вызвали у Алексея Аверкина особые чувства симпатии, но дело дальше разговора не пошло.

– У меня завтра начинаются государственные экзамены, и я стану педагогом, а вы уговариваете меня оставаться председателем, – раскрыл наконец карту Алексей Прохорович и слегка покраснел.

– Это не преграда, – спокойно ответил второй. – У нас немало лидеров колхозного движения являются учителями и справляются с обязанностями неплохо.

Отказ неугомонного посетителя не обескуражил партийного начальника. Он привычным тоном резюмировал то, что составляло предмет его мышления и логики.

– Тогда пусть решают колхозники, им виднее, – закончил он беседу и протянул руку для прощания.

На собрание приехал председатель райисполкома Василий Николаевич Арефьев. Алексей Прохорович обрадовался встрече, – что ни говори, вместе учились, делили хлеб и соль пополам. Но старый товарищ приехал сюда с твердым намерением оставить его в прежней должности и не скрывал, что будет отстаивать

эту позицию до конца. Аверкин поставил условие – если его кандидатуру выдвинут, он покидает зал. Слово свое сдержал: назвали его фамилию – он поднялся из-за стола президиума и направился к выходу. Представитель райкома последовал за ним и, войдя в соседний кабинет, набрал номер телефона.

– Игнорирует, не подчиняется, демонстративно покинул зал, – эхом пронесли его слова по коридору через приоткрытую дверь.

Точку поставило бюро райкома партии.

– Буду жаловаться, – заявил возбужденный Алексей Аверкин, когда члены бюро единогласно проголосовали за строгий выговор.

– Никуда не рекомендую жаловаться, – улыбнулся первый секретарь. – Выговор на тебе будет висеть совсем недолго.

Что это – упрямство или жизненное кредо Алексея Аверкина? Конъюнктура, стремление покрасоваться или твердая жизненная позиция? Кузен его не понимал. Вадим Петрович внутренне его даже осуждал за то, что, как ему казалось, он часто и без причин менял место работы. Менял не потому, что не справлялся с должностью. Наоборот, все шло нормально, люди его понимали, результаты были налицо. Бывало, двоюродный брат ему завидует, как у него идут дела, а он заявляет: “Хочу перейти на другую работу”. “Сам хочешь или предлагают?” “Сам, конечно. Да и подустал немного”.

За годы трудовой деятельности сменил пять должностей, и кузену со временем стали ясны мотивы его поведения. Единственная и главная причина – ему неуютно в командной системе, когда каждый твой шаг находится под контролем. Он не мог, никогда не мог

проявить себя до конца, находился под каблуком высших чинов. Жаждал свободы в действиях – не давали. Тогда сам искал выход – менял работу, думая, что на новом месте будет меньше нервотрепки и давления. Проходило время – история повторялась, ибо вся система основана на команде. Но ни годы, ни трудности не сломили его волю. Ни успехи, ни авторитет не испортили его характера. Он остался верным главному нравственному принципу – жить честно, отдавая свои силы и энергию служению людям.

Сейчас у него в голове не укладывалось, как дожил до такой жизни, когда плюют в его душу, оскорбляют его чувства. Женщина – врач представилась вежливо, боясь, что внезапный приезд, чего раньше никогда не бывало, может вызвать недоумение или даже возмущение. Но спикер сельсовета был человеком воспитанным и никогда не позволял себе моральных издержек. Измерив давление и температуру, женщина – врач велела срочно собираться в путь – состояние серьезное и необходимо стационарное лечение.

– Да что Вы, Галина Васильевна, пройдет через пару дней. Не первый раз болеем, – улыбнулся через силы Алесей Прохорович и стал беспрерывно кашлять.

– Но женщина-врач была неумолима:

– Машина скорой помощи ждет у двора, – сказала категорично и направилась к выходу.

– Подождите, – протянул руку больной, не переставая кашлять, – Да ведь... и жены... нет дома.

– Оставьте записку. Я жду вас в машине.

...Сберкассов вышел из себя, когда узнал, что главврач направил в Цильнинку женщину-врача, которая ничего не смыслит в политике. Но было поздно.

СИТУАЦИЯ

В огромном фойе обкомовского здания Вадима Петровича останавливает профессор Фомин Николай Дмитриевич. Старой закалки коммунист. Доктор наук. Никогда не занимал партийных постов. Ленина знает от корки до корки. Студентам редко ставит отличные оценки, но уважает их суждения. Любит давать наставления, на что он вполне заслужил право.

– Надо, Вадим Петрович, строже спрашивать за казусы в молодежной газете, – медленно, но приятным тенором выкладывает он слова. – Наши журналисты договариваются до абсурда. Пишут о противостоянии отцов и детей. А мы всегда говорим о преемственности.

– Демократия, Николай Дмитриевич, демократия, – отшучивается Аверкин.

– Демократия тоже имеет границы. С ней шутки плохи, – не унимается ученый.

– Если уж серьезно, Николай Дмитриевич, – смотрит ему в глаза аппаратчик, – можно вопрос?

– Пожалуйста, – настораживается профессор.

– Вот вы около полувека в партии. Перед вами – целая эпоха. Вашей принципиальности все завидуют. Объясните, пожалуйста, почему не имеем нужных дивидендов? Не потому ли, что слишком суживали диалог?

Ученый морщится, но его сутулое тело не суетится.

– Ну, ну... Продолжайте.

– Все, Николай Дмитриевич. Больше вопросов нет.

На ходу застегивая пуговицы, Аверкин крепко жмет руку профессора. В его глазах – недоумение. “Птенец, – думает доктор наук. – Только вчера держал экзамен по истории партии, заискивал, утвердительно кивал головой, а сегодня вон как выпендривается. Демократия!”

Аверкин спешит на встречу с самим Юрием Саксоновым. В редакции газеты “Красная стрела”, наверное, уже собрались журналисты. Геннадий Ларьков точно там, – опаздывать не любит. С утра ушел по делам и обещал ждать в редакции.

Солнце недоверчиво выглянуло исподлобья серых туч и снова скрылось. Видимо, будет дождь. Легко спускаться по улице Кузнецова. Уклон на двадцать градусов. Может быть, пятнадцать. Вот и поворот на главную улицу. Надо же – везет нынче на ветеранов. Чуть не столкнулись лбами с Михаилом Васильевичем, человеком добродушным и мягким. Их встречи никогда не обходятся без серьезного диалога.

– Объясни мне, что творится вокруг, – начал Безруков в свойственной ему манере и вытащил из кармана газету. – Наш регион называют стоячим болотом. В голове не укладывается.

“Опять журналисты?”. “А что?” “Ничего. Будто нет других тем для разговора”.

Вадим Петрович берет газету и пробегает глазами то место, в которое ткнул пальцем ветеран: “У власти до сих находятся люди, не хотящие или не умеющие оторвать свои ботинки от милой сердцу административно-командной диктатуры”.

– Может быть, автор не так уж плохо думает?

– Ты так думаешь? – расширяет глаза Михаил Васильевич и втискивает газету за пазуху. – А мне

кажется, газеты на себя слишком много берут.

– Время такое пришло, дорогой мой, время, – улыбается Аверкин и дает понять, что его ждут неотложные дела.

Вадим Аверкин считал себя умеренным радикалом. Забегание вперед так же опасно, как и отставание. Был убежден в необходимости в корне менять стиль работы. Командно-нажимной расшатан. Но не сломлен. Устои его пока крепки. Многие кадры ищут пути сохранения административной системы. Местные власти – не исключение. До недавнего времени они еще надеялись на выгодный контракт с народом и сохранить свои кресла в неприкосновенности. Кресла расшатаны. И когда чиновники старой закалки поднимаются по мраморным ступенькам партийного здания, ставят ноги осторожно. Боятся, как бы стук от каблуков не всколыхнул окрест.

Партийные лидеры вовремя поймали точку отсчета и пошли в люди. Сами этого не замечая, они оказались в роли студентов, которые держат экзамен перед строгими профессорами. Экзаменатором оказался народ. Встречи с трудовыми коллективами, выступления на многолюдных митингах, пресс-конференции и брифинги стали обыденным явлением в партийной жизни.

Вадим Петрович сел рядом с Геннадием Ларьковым, который усиленно строчил в своем блокноте. Появление друга его не отвлекло. “Умные мысли приходят лишь один раз в десять лет, – как бы невзначай проронил он фразу и закрыл записную книжку. – Не помню, кому принадлежат слова, но сказано верно”.

– Могу уточнить. Умные мысли могут принадлежать только умным людям.

– Жаль.

– Почему?

– Не попадаю в их число.

Маленькая пауза.

– Теория твоя гнилая.

– Не моя, а...

– Не все ли равно. Скоро гениальные идеи нахлынут к тебе, как морские волны.

Ларьков настораживается. Он должен обязательно возразить – таков его характер.

– Чуть говоришь. И это факт.

– Причиной тому – тревожное время. Героическое время рождает героических людей, тревожное время – умные мысли.

Саксонова ждет целая кипа записок. Они разбросаны по столу. Редактор газеты их собирает и аккуратно кладет с краю. Юрий Ильич заходит незаметно, подходит к столу и за руку здоровается с Ромбовым. Потом делает полуоборот к аудитории: –Здравствуйте, товарищи!

Редактор сует ему вопросы. Саксонов пробегает их глазами и откладывает в сторону, оставляя последнюю записку. “Ельцин закупил за границей миллион шприцов. Что вы сделали конкретно для дела перестройки?”

“Выдержка и терпение, – успокаивает себя секретарь. – Как я ненавижу подобные выходки. Вопрос явно провокационный. Разве мог подобный тип в прежние времена поднимать свое...Но сейчас – выдержка и терпение. Ни голосом, ни движением не выдавать своего внутреннего состояния. Старые времена не вернешь”.

– Если вы оцениваете рейтинг умением доставать шприцы, то...они будут, – делает он паузу, и голова его начинает слегка раскачиваться, словно лодка при дуновении ветра. – Мы по линии наших ведущих предприятий заключили договор с зарубежной фирмой на их приобретение. Считайте это и моим вкладом. Но

я думаю, что функции первого лица намного шире и серьезнее, чем шприцы. Хотя в них очень нуждаемся.

Первая дуэль закончилась одним касанием в его пользу. Где-то в тайниках души он обретает уверенность. Голос его становится твердым, и он смелее смотрит в глаза журналистам. Берет вторую записку. Прочитал и отложил.

– Вот вы спрашиваете, почему при недостатке кормов надои неумолимо сползают вниз. Вопрос не совсем партийный, если подойти к нему с точки зрения роли партии в современных условиях. Но ответ на него будет вполне партийным. Я думаю, что главная причина в кадрах, которые еще не научились работать в условиях новых реформ.

– Говорите, кадры. Все это верно. Но на наши критические статьи...

– Слушай, не перебивай!

– А что?

– Все же начальство перед нами.

– Ничего. Пусть выскажется, – вмешивается в спор Юрий Ильич.

– Так вот. Критикуем руководителей, а реакция на критику отсутствует. Ответы не получаем. Обком, несмотря на наши просьбы, остается глухим.

И началось. Вспоминали имена и фамилии героев нашумевшей статьи “Цитадель”, фельетоны и острые публикации. В зале стоит гам и шум. Трудно разобраться – кто и о чем говорит.

– Надо говорить не о надоях и шприцах, а о стиле работы. Обком авторитетом не пользуется. Доверие к нему теряется.

Ашот Кабелянов говорит с большим акцентом. Невысокого роста. Длинные усы не вписываются в его

комплекцию. Пиджак цвета хаки. Почти до колен. Брюки непомерно широкие.

У Саксонова начинает ритмично дергаться голова. В острых ситуациях у него всегда прогрессирует болезнь. И никакие волевые усилия не помогают. Лицо его будто изваяно из мрамора. Волосы седые. Лысина все больше подбирается к макушке. Над глазами густые брови, защищающие от прямых взглядов. Бровеносец! Костюм и рубашку носит светлых тонов. При выступлениях держится скованно, будто извиняется за свои выражения, которые не отличаются ни изысканностью, ни правильными синтаксическими конструкциями. Журналисты встречают его ораторское искусство с некоторой настороженностью. Когда он говорит, опускают головы так низко, словно берут часть вины на себя за его не отстроганные слова.

Встреча продолжается уже больше часа. Саксонов сменил позу и встал полуоборотом к столу, держа в левой руке очки, которые изредка подносит к губам. Ему тяжело даются формулировки. Говорит длинно, а попасть в цель не всегда удается.

– Вот вы меня обвиняете, что я пошел в депутаты без альтернативных кандидатов, – закрывает он губы очками, сдерживая себя от волнения. – Но ведь все сделано в рамках закона. Разве можно меня в чем-то упрекать?

“Напрасно, Юрий Ильич, вводите журналистов в заблуждение. Напрасно! Они-то уж знают о закулисных махинациях. На то они и журналисты! И вам это доподлинно известно. Кандидатур было много, но лишь одна могла составить вам серьезную конкуренцию”.

“Да он же добровольно отказался от борьбы”.

“Не так-то скажи. От общественного мнения

невозможно что-либо скрыть, – другие времена настали. А вот методы остались от той поры”.

Ларьков смотрит на Саксонова и старается понять его душу. Кто он – трус или человек, осознавший суть перестройки, конъюнктурщик или стратег, мыслящий крупными категориями? Тогда, на партийном собрании, где обсуждали Аверкина, он не проронил ни единого слова. Вадим Петрович держал речь в течение получаса. Никто не перебивал. Когда кончилось собрание, коммунисты окружили опального журналиста.

“Выступал как Димитров на Нюрнбергском процессе”, – восхищался Николай Петрович Стрижкин, которому нельзя было упрекать в равнодушии к плюрализму, но умел держать язык на замке. Но тут, видимо, разволновался и не смог совладать своими чувствами.

“Обвинительный приговор командной системе, – резюмировал Артем Вихров и похлопал Аверкина по плечу. – Отныне кое-кому придется задумываться, что такое перестройка и какие цели она преследует”.

“Хазаровщина должна уступить место демократии. Диктатура устава партии и партийной этики станут законом партийной жизни”.

Сильно сказано. Молодец, Круглов!

Опальный журналист поверил в силу демократии и свободы. Только два из двухсот аппаратчиков проголосовали против постановления, в котором было записано: “Ограничиться обсуждением”. Даже сам шеф воздержался от голосования, что не осталось незамеченным аппаратными чиновниками.

Ветер перестройки оказал благотворное влияние на кадровую политику. На смену старой гвардии нахлынуло молодое поколение. Нет у него пока опыта. Компенсацию дает молодость, задор, нестандартное мышление. Старые

подходы подвергаются ревизии, негодные – отбрасываются, новые – отшлифовываются. Ситуация сложная и противоречивая. Неизбежны ошибки и просчеты. В такой обстановке важно не упустить главные ориентиры и ценности.

Вадим Петрович устало сел в кресло и вытянул ноги. Он любил домашний уют и монотонное тиканье стенных часов. Пятнадцать минут отдыха – его золотое правило, выработанное годами.

Дождь хлыстал в окно. Ветер на мгновение притихал, чтобы налетать с еще большей разъяренностью. К низким нахмурившимся облакам тянулись покрытые молодой листвой деревья. Ну и весна в этом году!

Аверкин перебирал в памяти события последних дней. Взял в руки свежий номер газеты “Искра”. Она менялась на глазах, но на многие вопросы не давала ответов. Молчала партийная верхушка. Молчал главный идеолог Александр Николаевич Яковлев. В стране идет процесс перемен, а он молчит. Правда, за всех чертыхается Михаил Горбачев, хотя есть события, нуждающиеся в оценке идеолога.

Но он будто в рот воды набрал. “Зачем шуметь, лишь бы дело делал”, – думал Вадим Аверкин и аккуратно подшивал номера газеты. Зато во весь голос заявляют о себе новые силы, критические умы, люди из демократического арсенала. Слово держат первенцы из народной гущи. Они не стесняются в выражениях и часто пускают стрелы в растрескавшуюся административную систему. Их устами легче и доходчивее донести до народного люда то, что невозможно пока открыто провозгласить. Натиску подвергаются события и имена, ушедшие в историю. Вот и в сегодняшнем номере газеты появилась статья цехового секретаря

одного из волжских заводов А. Петрова. “Душа болит” прочитал заголовок Вадим Петрович и пробежал по статье. “Никто из партработников брежневско-скочиловской закваски публично не признал своих ошибок”, – сетует автор, и невозможно не разделить его чувства, вызванные оттоком из партии рядовых ее членов. Скатертью дорога, если покидают приспособленцы и карьеристы. Но уходят те, кто нужен партии – смелые, честные, порядочные. Недавно подал заявление Борис Аксенов, который не терпел лжи и притворства, говорил начальству прямо и открыто, за что попадал в опалу и отмывал грязь невероятными усилиями. “Не могу стоять в партии, если у руля сидят такие чины, как...”, – говорил он вслух и перечислял имена. “Завалины приходят и уходят, а партия остается”, – отстаивал свою позицию Аверкин, но не находил убедительных доводов в свою пользу. Вопросы, вопросы, вопросы...

“Волгин достоин быть в рядах партии, а вот Хазарову не место в ее рядах, – бормочет себе под нос и скользит глазами по заголовкам. – Отвратительный тип, в котором за внешним лоском скрывается...”

– Тося, а Тось, посмотри-ка, твоему любимому писателю стукнуло девяносто лет!

Жена тихо отворяет дверь и входит в комнату.

– Что ты кричишь, как на пожаре, – звучит властный голос супруги, – Ну!

– Твоему любви .., – и застревает на полуслове – в руках жены книга “Русский лес”. “Значит, она уже знает о юбилее, – думает супруг. – А я тут хочу ее ошеломить новостью”.

– Когда будешь читать, постарайся понять, от чего в первую очередь остерегает великий мыслитель. Думаю,

его слова будут весомым аргументом в нашем споре.

Наставление строгое, граничащее с назиданием.

– Если мой мозг еще не оскудел, то постараюсь уловить, к чему призывает наш старейший писатель, – буркнул супруг и уткнулся в статью.

“Искать, идти к новым формам жизни и осваивать их приходится в ситуации очень непростой, в обществе, где накопилась уйма проблем, которые беспокоят людей, нарушают нормальный процесс жизни, печаливают и тревожат, – прочитал на одном дыхании Аверкин. – Но, решая эти вопросы, мы должны не забывать о главном направлении, которое выбрали, встав на путь перестройки”.

– Сказано весомо и точно! – воскликнул хозяин и высоко поднял газету.

– Ну и что же для себя уяснил, если не секрет? – таинственно улыбается Антонина Федоровна, двумя руками держа книгу на животе. – Какой главный вывод делает великий писатель?

– Главный вывод заключается в том, – запел муж необычным тоном, – что мы живем в непростое и сложное время. Оно требует постоянного поиска...

– Ничего ты не понял, дурачок мой, – подливает масло в огонь жена. – Не забывать о главном направлении, которое мы с вами выбрали.

– Ну да, не забывать о перестройке.

– Ничуть. Перестройка ваша у многих сидит уже в горле, как кость. Не забывать о социализме, о тех ценностях, которые завоеваны нашими отцами и дедами.

– Так это само собой разумеется. С социалистического пути мы никогда не свернем. Надо следить за выступлениями Михаила Горбачева, и у тебя не останется никакого сомнения, что социализм – наша главная цель.

– У вашего генсека одни голые слова. Надо быть слепым, чтобы не замечать, как меняются наши представления о чести и долге. Ох, чувствует мое сердце, что все это добром не кончится.

– “Соединить преимущества социализма с целями перестройки!”. Кому принадлежат эти слова? Горбачеву! “Ленинизм остается нашим знаменем!”. Кто сказал эти слова? Горбачев! Конечно, сталинские репрессии останутся в нашей биографии черными пятнами. Но имя Ленина никто не посмеет очернить – ни Солоухин, ни другие отступники!

– Ельцин тоже кричал о верности социализму, а Ленина называл величайшим человеком земли, а недавно выложил партийный билет. Но самое страшное – он бия себе в грудь, гутарит о том, что американские порядки ему по душе.

– Ельцин еще не власть. Его выбросила на поверхность пена перестройки, и лишь на волне недовольства он набирает дивиденды. Придет время – народ от него отвернется.

– Не так-то скажи. Если он придет к власти, ее он не выпустит из рук. Не надо забывать, что за ним стоит самая опасная держава.

– Ты слишком далеко стала заглядывать. Принеси-ка мне лучше чая, да не забывай, что завтра нас ждут в гости.

Чай он пил маленькими глотками, медленно, стараясь продлить удовольствие. Временами надолго задумывался. “Не можем разобраться в простых ситуациях, – укорял себя. – А каково было Ленину? Голод, холод, враги внутри, враги извне, а корабль вел правильно. А тут все ясно, а разобраться не в состоянии. Конечно, ради ценностей можно многим поступиться. Можно. Но лишь бы не затерялась красная гвоздика”.

Глава седьмая

КУМИР

Волгин знал – когда Хазаров исчерпает все ресурсы и закроется перед ним шлагбаум, придет к нему с поклоном. Непременно! И он его примет, определит ему теплое и доходное местечко в какой-нибудь коммерческой структуре или в банке. Чего греха таить – ему нравилась хазаровская помпезно-льстивая услужливость. “Лучшего пса не найдешь, – думал он, – будет служить верой и правдой”. Первый раунд закончился для него поражением – с треском проиграл дуэль. Начинается второй раунд.

Остап Хазаров шел на пленум в отвратительном состоянии. Тучи заволокли небо над Венцом. Упали первые капли дождя. Подул с моря ветер. Желтые листья хрустят под ногами. “Если проиграю и сегодня, то меня ждет полный крах в политической карьере”, – размышляет он по дороге и поднимает воротник.

Прошло два дня, как состоялась партийная конференция, а нынче собираются те, кто вошел в состав обкома партии. На повестке – кадровые вопросы. Вчера стало известно, что ушли в отставку секретари обкома Владимир Гурин и Валентина Аксакова. Значит, к руководству придут новые силы. Из старой гвардии лишь Хазаров не отказался от борьбы.

Он занял место в первом ряду. Кроме белого воротничка и красного галстука на нем призрачно виднелась печать официозности и предельной

собранности. Шутками не перебрасывался, как бывало раньше. Когда началась процедура, придал лицу нужное выражение. Он обладал важным преимуществом перед оппонентами – умением в нужное время приводить свои мысли в порядок. Проигрывать не привык. Но время не считалось с его амбициями и диктовало свои правила игры.

Его оппонент на пост второго секретаря обкома Василий Баландов был лидером иного плана. Отличался выдержкой и умением выжидать. Не блистает ораторским искусством, но в повседневной работе проявлял недюжинные качества организатора. Рыжие волосы не мешали ему вписаться в новую команду.

Обсуждать кандидатуры не стали. В зале повеяло знакомой атмосферой недавних времен.

- Знаем мы их, как свои пять пальцев!
- В одном котле варимся!
- Есть предложение перейти к выборам!

В старые времена на партийный пост претендовал один человек – иных правил система не допускала. Один кандидат, но испытанный. Один кандидат, но преданный. Один, но его рекомендовал сам хозяин, или чуть выше. Ныне атмосфера иная. Шеф делал вид, будто ему безразлично, за кого проголосуют обкомовцы, но внутренне симпатии лежали все же на стороне рыжеволосого чиновника. “Надо проучить самозванца. Уж больно много воображает о себе”. Это о Хазарове.

Лишь один кандидат не вызывал доверия у членов обкома. На пост главного идеолога. И когда Волгин огласил фамилию Маркина, зал загудел.

– До меня дошли слухи, что он поддерживает действия директоров, которые слишком много позволяют себе. Мне хочется узнать – достоверны эти сведения или нет.

Петр Велянов облегченно вздохнул и сел. Он чем-то напоминал народника. Небольшая головка неуютно сидела на его узких плечах. Тонкие черты лица и нос лучше походили избалованной любовными интригами женщине, чем члену обкома, возглавляющему акционерное общество с закрытым типом.

Сергей Маркин производил на публику неотразимое впечатление. Огромный, как у Сократа, лоб, большие черные глаза и великолепное владение речью рельефно выделяли его из среды тех, кого называли партийной элитой. Прошел комсомольскую школу. В обкоме партии занимал солидные посты. Его демократические взгляды действительно кое-кого раздражали. Он не стал злоупотреблять терпением членов обкома и открыто признался, что поддерживал и будет поддерживать любое демократическое начало, если оно поможет делу.

– Я поддерживаю не директоров, а их демократизм, – закончил он свою небольшую речь, наполненную неким философским содержанием.

Зал снова загудел. Волгин поднял правую руку:

– Страсти ни к чему. Будет тайное голосование, и каждый выразит свое отношение к кандидатам.

Ни одного вопроса – редактору газеты “Красная стрела”. Видимо, потому, что он никогда и никого не поддерживал, не осуждал, не выступал в прессе. Одним словом, жил по законам страуса, который, как известно, прячет голову под крыло, если возникнет какая-нибудь опасность. Но такая процедура ныне его не устраивала. Интуиция ему подсказывала – необходимо показаться публике. На растяжку не было времени, и Александр Иванович попросил слова.

– Я остаюсь преданным учению Ленина и всегда буду служить партии верой и правдой.

Вот и все! Кратко и ясно! Не имело значения, как он будет доказывать свою преданность партии в новых условиях, но нутром чувствовал атмосферу. В такой ситуации на чашу весов кладут все, даже слово. Пусть обещание выглядит избитым и старомодным, но произведет эффект.

Итоги тайного голосования не стали сенсацией – первыми помощниками Волгина обкомовцы избрали Василия Баландова и Александра Ромбова. В деятельности областной партийной организации начался новый этап, который требовал новых подходов к проблемам. Авторитет ее таял, как снег под весенним солнцем. Но народ к ней еще тянулся. По инерции.

У Аверкина открылось второе дыхание – судьба его снова свела с Юрием Волгиным, который научил его диалектике партийной работы. Десять лет прошло, как пригласил он его к себе в кабинет. Вадим Петрович прошел по широкой ковровой дорожке и остановился в нерешительности. В открытые настежь окна мягкими волнами врвался летний ветер и качал шторы. Юрий Федорович поднялся навстречу и, пригласив сесть за широкий стол, занял место напротив него.

– Хочу предложить тебе должность главного идеолога района, – начал разговор Волгин, и лицо его застыло в ожидании. Ждал реакцию.

Неожиданный поворот событий несколько всколыхнул внутреннее состояние Аверкина, щеки его покрылись розовым цветом, по ногам прошла теплая струя.

– Мне трудно понять ваше решение, – буркнул он себе под нос и посмотрел на бюст Ленина, который как-то не вписывался по своим размерам в кабинет. – Меня постоянно критикуют и вдруг...

– В том-то и гвоздь, – улыбнулся Волгин, и его глаза засверкали особым блеском – жгучим, многоликим. – Критики было много, но ты воспринимал ее правильно. Как и подобает истинному коммунисту.

Аверкин еще больше покраснел. Первый встал из-за стола и, сделав несколько шагов, остановился перед бюстом вождя.

– Право, я не заслужил похвалы, но вы придаете мне силу и уверенность. Отказать я не могу, ибо привык подчиняться. Если справлюсь...

И тоже вышел из-за стола.

“Как похож он на вождя, – подумал вдруг Аверкин и испугался своего открытия. – Лоб напоминает полированный шар. Та же лысина, та же короткая шея, которая соединяет крупную головушку с туловищем. Не хватает ему лишь усов”.

Волгин будто прочитал мысли нового назначенца и отошел от бюста.

– Справишься, – сказал скороговоркой. – Сомнений у меня никаких нет. Нам многим не хватает партийности и принципиальности. Но мы работяги, каждый день обогащаем своими действиями партийный опыт. Знания у тебя имеются. Ты, кажется, с отличием окончил партийную школу?

Аверкин нерешительно пожал плечами:

– Это было давно.

– А опыт обретишь в повседневных боях.

– Спасибо за доверие.

Волгин протянул руку:

– Через пару дней состоится пленум.

Он жажал двумя пальцами нос, что вошло в привычку, и, сев в кресло, склонился над жалобой, которую недавно вручили в обкоме партии. В левом углу стояла виза: “Для сведения”.

– Вадим Петрович, извини, – окликнул он и вышел из-за стола. Подошел к остановившемуся у двери Аверкину и протянул лист. – Тебе не знаком сей почерк?

Аверкин пробежал по корявым буквам глазами, не обратив внимания на крючки и заковырки. Он не сразу понял смысла просьбы. Перевел взгляд на Волгина, а затем снова на лист.

– Неужели жалоба?

– Некоторые овалы уж очень похожи...

Аверкин пожал плечами – жест, характерный лишь людям, которые не в состоянии ответить на вопрос положительно и находятся в состоянии раздвоения чувств. Но тут, как молния, озарила догадку. Аверкин придал решительный тон своему голосу и ответил:

– Я никогда не писал кляузы!

– Я далек от этой мысли. Я просто хотел узнать... ну и черт с ней, с жалобой. Анонимка! А они в счет не идут.

Он почти вырвал жалобу из рук Аверкина, кинул ее на стол и, взяв аккуратно сложенные листы, вернулся к нему.

– Посмотри, пожалуйста, в свободное время мой доклад на пленуме. Нужны политические выкладки. Разрешаю кромсать на свой лад – первый экземпляр оставил у себя.

Вадим Петрович свернул доклад в трубочку и переложил в левую руку:

– Что в моих силах – сделаю.

Волгин положил руку на его плечо и доверительно напомнил:

– Желательно, чтобы мои поручения ты держал в секрете.

Аверкин открыл дверь и вышел в приемную.

Секретарша провожала его безразличным взглядом.

Начались будничные дни. В дневнике идеолога появилась первая запись: “Первое июня 1980 года. Пригласили в райком партии и сказали, что буду секретарем. Ломаю голову – как могло случиться, что человека, в которого постоянно пускали критические стрелы и награждали выговорами, подняли по служебной лестнице. Хочется посмотреть на себя со стороны, но не знаю, как это делается. Работая зампредом, ни одно дело не доводил до конца, плавал, бултыхался в текучке и всегда боялся потерять в водовороте событий главную линию. Основной мой недостаток – боязнь обидеть людей, хотя многолетний опыт убеждает – когда требовательность и справедливость идут рука об руку, люди тебя понимают правильно. Проблем много, но главная из них – кадровая. Даже под дулом револьвера не буду торопиться в подборе и расстановке, ибо все зависит в конечном счете от кадров”.

Вадим Петрович еще раз посмотрел на список директоров школ. Зверев, Посконин, Лоснов, Мошнин, Кислинский. Какие имена! Жаль, что слабо пропагандируем их опыт. В чем их сила? Конечно, они замечательные организаторы педагогического труда. Сплоченные учительские коллективы – их заслуга. Но без них немислима и партийная работа. Они и пропагандисты, и лекторы, и первые помощники райкома партии.

В дверь постучали. В кабинет быстрыми шагами вошел Николай Синичкин. Лицо сияет как солнышко в безоблачном небе. Зубы мелкие, но ровные как у артистов кино. Он долго трясет руку коллеге.

– О-о-очень рад, что ты перебрался в этот дом, – не скрывает он своих чувств. – Давно ходили слухи. Но вот слухи стали явью. Очень рад!

Новый идеолог не менее рад. Синичкин вырос на его глазах, но взлет его не был усыпан розами. Работая директором школы, он попал в немилость местному начальству. Секретарь парткома жаловалась на непомерные его действия, которые, якобы, не стыковались с уставом партии – купил за счет государства старый дом и перевез его в ивашевский парк, недалеко от пруда. Казне обошлось это двух тысяч рублей. Жалобу передали в райисполком, и Аверкин выехал на место разобраться.

– Я живу в квартире, которая не отвечает никаким санитарным нормам, – оправдывается Николай Васильевич. – В двадцатиметровке живет моя семья из четырех человек. Дети пошли в школу. Им нужны условия.

– Вопрос с районо согласован?

– Согласован.

Посетили квартиру. Жена молчала. Потом выяснилось – муж не разрешил.

Волгин бегло пробежал по справке, подписанной Аверкиным, и поставил визу “Филькин ответ”. “Тов. Якубову! Прошу разобраться.” Когда нужно принимать нужное решение или повторно проверять жалобу, шеф поручал инструктору парткомиссии. Он-то знает, чего хочет хозяин!

Над директором школы стустились тучи. Он слег в больницу и написал заявление с просьбой освободить от занимаемой должности. Указал мотив – ухудшение здоровья. Лидер крутоярских коммунистов торопил события, зачастил в райком, но тут попросил аудиенцию у первого секретаря Аверкин.

– Синичкин – талантливый педагог и организатор, – стоял на своем Аверкин. – Прекрасный пропагандист и грамотный политик. Если вы узнаете его поближе, то, уверен, возьмете его к себе в аппарат.

– Нам нужны порядочные работники, а не хапуги.

– Какой же он хапуга, Юрий Федорович. Перевез старый изношенный дом за две тысячи рублей, а секретарю парткома за счет колхоза купили за десять тысяч.

Глаза первого секретаря вцепились в Аверкина:

– Откуда тебе известно?

– Совершенно случайно.

Наврал. Узнал от самого директора школы, который в эйфории проронил: “Им можно за десять тысяч приобрести хоромы, а мне и на своем горбу запрещают строить дом”.

Дело Синичкина постепенно угасло. Первый лично встретился с опальным директором. Аверкин в восторге – личные амбиции, если этого требовала справедливость, первое лицо прятало под сукно. Синичкин произвел на него впечатление. Скоро он возглавил в районе культуру, а через год получил кресло в партийном доме.

Волгин часто брал Аверкина на поездки. Черная “Волга” сутками колесила по району, и на заднем ее сидении шли дискуссии на жгучие темы.

– Тут долго не буду задерживаться, – говорил Волгин в минуты вдохновения или после пропущенной рюмки, что случалось за праздничным столом или в гостях у старшей сестры, воспитавшей его с детских лет.

Но шло время, а его не приглашали. Его хвалили в докладах и на страницах газет, район занимал верхние строки в областных сводках. Неимоверно возвышали, но боялись как огня. На пленумах, на совещаниях и семинарах его речи слушали с затаенным дыханием, но дальше этого дело не шло. Коллеги и друзья восхищенно хлопали в плечо, но осторожно оглядывались по

сторонам – как бы чего не вышло, как бы кто не заметил. Шеф стал для Аверкина кумиром. Неуемная энергия, привязанность к земле, умение работать с людьми, видеть главные направления в работе не были лозунгами. Он был примером неустанного поиска и трудолюбия, чутко улавливал изменения в политической атмосфере, трудности преодолевал с невероятным упорством. В дневнике Аверкина появляется запись: “Велика его сила нравственного влияния. Не просто по должности, а по внутреннему долгу он берет на себя больше, чем другие. Меняются формы борьбы, жизнь предъявляет новые требования к нему, но он неизменно остается в борьбе. Он всегда – боец. Место вожака не дает ему права на ослабление. Он знает, что спрос с него всегда выше, чем с других”.

О нем ходили легенды.

В неделю раз он чуть свет выезжал в какое-нибудь село. До прихода доярок ходил уже по ферме, знакомился со старожилками, осматривал санитарное состояние. Возил с собой кирзовые сапоги. Приедет на место – обувает. Однажды, только вступив в должность, приезжает в совхоз “Бирючевский”. На ферме молодой ветврач силится вытащить буренку, но никак не может. Тяжелые отелы – явление не редкое. Волгин подходит к нему и быстро входит в процедуру. Молодой специалист думает, что пришел кто-то из своих работников. Не оглядывается, не роняет слово, а только кричит. Вытащив теленка, оба сели на железобетонное корыто, лежавшее в перевернутом виде у входа в помещение. Глубоко вздохнули. Смотрит молодой специалист – человек-то незнакомый.

– Спасибо за помощь, – и предлагает сигарету. – Откуда будете?

– Я первый секретарь райкома партии, – представляется незнакомец.

У того глаза на лоб – не верит!

Он любит создавать нестандартные ситуации. В день открытого письма, которые прочно вошли в жизнь района, обязательно сделает большой круг, прежде чем попадет в то село, где намечена встреча. Приедет в соседнее селение, а там полным ходом идет подготовка. Кто косит бурьян, кто ремонтирует палисадник, кто чинит крышу конторского помещения. Оставив машину за околицей, подходит к магазину, а у входа стоит местный дед Щукарь с палочкой в руке да с таким сердитым взглядом, что не подступишься.

– Разреши, дедуля, войти в учреждение, надо кое-что купить, – с хитрой улыбкой обращается Волгин и принимает вид измученного странника.

– Не положено, мил человек, – отвечает серьезно дед и перегораживает путь палочкой.

– Что так строго? Неужели какого-то начальника ждете?

– Ждем самого хозяина, мил человек, – с видом человека, получившего важное задание, отчеканивает дед и смотрит вдоль улицы на окраину села.

Метаморфозы подобного рода были по душе районному начальнику.

В приемной разговаривали вполголоса. Инструктор с пышной шевелюрой отмечал тех, кто прибывал. Члены бюро время от времени поглядывали на часы – за пять минут их пригласят в кабинет, и они, заняв свои места, единогласно проголосуют за повестку дня. А пока они

ждут, как ждали в далекие времена русские князья в приемной татарского хана. Появление Аверкина не вызвало удивления – члены бюро знали о новом назначении задолго до перемещения в аппарат. Петр Сиротин, тяжело дыша, поднялся с места, и Аверкин понял, что хочет первым поздравить его с новой должностью.

– Давненько я предлагал твою кандидатуру, – не скрывал он своих чувств и медвежьей походкой передвигался по комнате.

Аверкин уважал его за ум и принципиальность. Вся трудовая биография его была связана с районом. Выступал мастерски, по-деловому и без лишних слов. Недавно принял вновь построенный совхоз “Тепличный” – крупное предприятие по производству овощей в зимних условиях.

Вышел Якубов и объявил, что члены бюро должны войти в кабинет. Аверкин пропустил вперед Петра Андреевича, который шел тяжело передвигаясь. Болезнь сильно подкосила его за последнее время, и ноги не слушались своего хозяина.

– Твое место, – показал Волгин на пустой стул, когда члены бюро заняли свои места. И тут же обратился к членам партийного органа. – Все вы знаете Вадима Петровича. Думаю, в представлении он не нуждается. Отныне он будет отвечать за идеологическую работу в районе.

Аверкин оглядел ряды. Слева с края, склонив голову над повесткой, сидел Синичкин. Он отвечал не только за прохождение вопросов, но и качество процедуры. Его аппарат похож на часовой механизм. Четкость и слаженность – основные требования к его работе. Заседание напоминало многоактный спектакль, где

артистами выступали не только члены партийной элиты, но и те, кто отчитывался и попадал в немилость за нарушение устава партии. Рядом с Синичкиным сидит самый тихий член – рабочий совхоза “Карлинский” Егор Васильев. Он никогда не заносит ни одной буквы, хотя подшитый из тетрадных листов блокнот лежит перед его глазами. Сидит прямо и тихо. Иногда кажется, что его привезли сюда на показ. Волгин частенько бросает фразу: “Что думает на этот счет рабочий класс?”. Рабочий человек отвечает: “Я думаю, решение правильное, и я проголосую за него”.

Аверкин перевел взгляд на его соседку. Раиса Алексеевна Иванова! Директор детского дома имени Александра Матросова, в котором воспитываются дети-сироты. Ох, как давно это было! Шла еще война, когда она перешагнула деревянный порог и...ужаснулась. Девять детей ютятся в небольшой комнате. Крыша худая. На территории непролазная грязь. “Нет”, – сказала она и пошла к выходу. Открыла дверь и услышала душераздирающий крик: “Тетенька, не уходи!”. Она застыла в оцепенении и не могла повернуться. Стыдно? Может быть. Но делает усилия и... сколько в их глазах грусти и мольбы! На второй же день поехала в облизполком. Говорят: “На станции есть и кирпич, и лес, и цемент. Можете организовать разгрузку?” “Могу!”, – был ответ. С тех пор прошло четверть века. Детский дом славится на всю страну. Космонавты, композиторы, артисты, писатели и поэты, военачальники, советские и партийные работники – гости ребят. В свои шестьдесят лет директор не знает усталости. Женщина – стрела! Аверкин ждет, когда Раиса Алексеевна поднимет свои большие глаза с черными густыми бровями.

Вот и сам профессор. Самый титулованный. Николай

Немчинов занимал столько общественных и политических постов, что хватило бы на добрый десяток. Самые престижные – член обкома партии и народный депутат областного значения. Эти посты были особенно ценимы, ибо не требовали никаких усилий. Он знал, когда протестовать и когда возмущаться. Всегда держал нос по ветру. Он нужен был власти как никто другой. На него можно положиться в любое время. Он умел изменять выражение лица в зависимости от значимости и масштабности обсуждаемого вопроса. Голосовал обдуманно, взвесив все стороны предмета, о котором шла речь. Когда появился на политической сцене, долго не мог выработать нужную походку. Часто наступал на свою же ногу, что причиняло ему большие неприятности. Был близоруким политиком и постоянно нуждался в поводыре, способном образумить его и направлять в правильное русло. При Волгине чувствовал себя как рыба в воде, но не любил, когда читали ему мораль. Она чувствительно задевала его честолюбие.

– Пригласите штрафников, – обратился Волгин к инструктору и положил перед собой список членов партии, которые нуждались в особом партийном надзоре.

– Бурлаков! – крикнул инструктор, открыв дверь. – Заходите!

Вошел человек лет сорока и остановился. Волосы слегка растрепаны. Под пиджаком – фланелевая рубаша в клеточку. Руки прячет то за спину, то выставляет на показ. Глаза напуганы и готовы выкатиться. Занял лобное место и глубоко вздохнул. Рядом с ним расположился вожак партийной ячейки.

– Слушается персональное дело...

Якубов произносит слова с нажимом, придавая им особое звучание. Даже в интонации чувствуется его

твердая воля и непримиримость к любому отклонению от партийного устава.

– Неужели так сильно тянет к зеленому змию? – задает первый вопрос профессор. Голос его такой же суровый, как и выражение лица.

– Так я же работаю без выходных, – извинительным тоном произносит Бурлаков. – С утра до вечера копаюсь на ферме.

– Если вы уважаете бюро, то нужно вставать, товарищ...

– Извините, – выдавливая из себя Булгаков, прикладывая к этому короткому слову столько усилий, что не знает, куда девать руки. Сначала неуклюже выставил их на стол, потом убрал и опустил по швам, спрятал за спину, но они снова вынырнули на стол – шершавые, мозолистые, натруженные, крупные.

– Вы думаете, мы не работаем? С утра до глубокого вечера не знаешь отдыха. Нет ни выходных, ни проходных, – почти слово в слово повторяет профессор мысли скотника, и члены бюро сочувственно смотрят на измученное лицо коллеги.

Пауза.

– Не молчите, товарищ Бурлаков. Решается ваша судьба, а вы молчите.

При этих словах он вздрагивает. “Судьба, судьба, судьба...” Он не понимает, чего хотят от него.

– Я почти дома не бываю. Целыми сутками вожусь в навозе.

– Мы вас не о работе спрашиваем. Мы хотим знать, когда вы перестанете выпивать в рабочее время?

Бурлаков боялся своих слов, которые могли у него вырваться в эту минуту и которые он потом будет вспоминать с большим сожалением и раскаянием.

Грамотой он не блестел, но в кругу скотников и доярок завертывал такие обороты, от которых бабы корчились в три погибели. Но тут совсем другая атмосфера. Тут люди солидные – власть! Но робость постепенно покидала его, как утренний туман растворяется в лучах восходящего солнца. Он сжал пальцы в кулак, а потом разжал. Как перед уборкой коровника, когда в руки брал лопату и начинал загребать навоз. Привычка!

– Извините, – четко произнес Бурлаков. – Может, ваш опыт мне поможет. Скажите... Не можете вы мне подсказать... Если нет у вас, как и у нас, ни выходных, ни проходных, то когда же вы употребляете... не знаю, как по вашему называется, но я скажу по-простому... порнуху?

Наступила неловкая тишина. Кто-то неосторожно хмыкнул. Кто-то сильно сдвинул стул.

– Он к тому же еще и нахал, – процедил сквозь зубы профессор. – Я предлагаю исключить его из партии. Он позорит имя коммуниста и не достоин быть в ее рядах.

Снова тишина. Тревожная. Каждый в эту минуту хочет высказать свое мнение, но никто не осмеливается. И тут слово просит Петр Андреевич Сиротин..

– Конечно, трудно оправдывать его пристрастие к спиртному, особенно, когда он злоупотребляет им в рабочее время. Но Бурлаков, как нам доложил секретарь партячейки, человек трудолюбивый и безотказный. Я призываю еще раз поверить человеку.

– В чем поверить ему? – вспыхивает профессор. – Он еще ни одного слова не сказал в свое оправдание, а мы ему – поверить. В партии должны быть люди искренние и честные, для которых не водка, а звание коммуниста должно быть на первом месте.

– И все же я предлагаю ограничиться выговором без

занесения в учетную карточку, – закончил свою речь Сиротин и грузно опустился на стул.

Персональные дела заканчивались быстро, если они не касались руководителей. Соглашались с решением первички, хотя некоторые моменты вызывали споры. Но тут Волгин слегка опустил вожжи, и Якубов не понимал, с чем связано столь неожиданное поведение хозяина.

– А как думает идеолог? – прищурил он глаза, и в глубине губ засверкала незаметная улыбка.

Аверкин опешил. “Так быстро?”, – успел подумать он и встал. Ручка с глухим звоном упала на байковую скатерть.

– Я думаю, – начал нерешительно, – что... И тут глаза его схлестнулись с пронзительным взором профессора: “Ну, малыш, выкладывай, что там у тебя на уме, но не забывай, что я сказал”. – Я думаю, что... замечания мы должны высказать и в адрес местного руководства. Дело в том... Мне кажется, что пора и животноводам давать выходные дни.

Тишину будто ударили кулаком. Тихие шепоты и переброски словами переходили в реплики и возгласы. Секретарь ячейки оправдывался, что нет рабочей силы и в скотники никто не идет. Сиротин доказывал, что настала пора основательно решать кадровые проблемы – построены комплексы, где нет ручного труда, открыты профилактории, буфеты и даже сауны. Дадим людям отдых, многие проблемы с нравственным состоянием коллектива будут сняты.

В дневнике Аверкина появилась новая запись: “Иногда ситуация требует компромисса с проявлением

определенного зла. Не всякая твердая позиция и активность могут принести благие результаты, как бы ни были благородны исходные намерения. Волгин имеет трезвый взгляд на вещи. Это – не равнодушие и не конформизм. Это – способ вмешательства, способ активности. Бывают ситуации, когда выбирать приходится не между добром и злом, а между большим и меньшим злом. История оставила уйму примеров, когда известные и малоизвестные люди, даже совсем безвестные, выбирали из двух зол меньшее и выигрывали не только во времени, но и ситуацию. Вернее будет сказано – побеждали в неравной борьбе. Мудрость заключается не в том, чтобы различать добро от зла. Для этого много ума не нужно. Сложнее втиснуться в ядро такого явления, как зло, расколоть его изнутри и заставить работать на добро. Волгин мастерски владеет искусством разрешения нравственных конфликтов”.

Просматривая дневниковые записи, Аверкин удивлялся штрихам, в которых раскрывался характер Юрия Волгина. Они были короткими, но емкими. Были в них и темные тона. Как же без них! Даже на солнце есть темные пятна, а он живой человек. Иногда задумывался – нет ли в его словах подхалимства и притворства. “Нет никакого притворства, – отвечал себе и продолжал писать, – ибо мысли и выводы принадлежали лишь ему одному, и он никогда не говорил о них вслух”.

ОБИДА

В предпраздничный день к дому, где жил редактор местной газеты, подкатила черная “Волга”. Жена выглянула в окно и не верила своим глазам: новенькая, словно вынырнула из заводских ворот. “Что за гости?” – подумала она и второпях пригладила седеющие волосы. Оглянулась и в дверях увидела шофера Димку, который не первый год возил самого Василия Порфирьевича Сберкасова.

– Я за Алексеем Ильичем, – отчеканил он словно на уроке и почесал в затылке. – Велено срочно явиться в райком партии.

– Что же случилось? – почувствовала неладное Лидия Алексеевна. – Черная “Волга”... Прямо к дому...

Алексей Ильич вышел из кухни. В одной руке держал на кончике вилочки соленый огурец, в другой – кусок хлеба. Проглотив содержимое во рту, рукавом утер губы и спросил:

– Кто приглашает?

– Первый. Срочное дело, видимо.

Редактор понял ситуацию мгновенно. В голове помутнело. “Все-таки изловили”, – промелькнуло в мыслях, а вслух сказал:

– Подожди на улице, сейчас выйду.

– Может, не надо, – уговаривала жена. – Они же тебя...

– Не могу не идти. Я же не болен. А выпил-то у себя дома.

Как всегда в предпраздничные дни, верстку газеты сегодня закончили рано. В час дня редактор читал последнюю полосу, полвторого назначили торжественное собрание сотрудников. Мужчины поздравляли женщин – первый весенний праздник, и в этом каждый предусматривает что-то символическое, начало всех начал. Веселье, шутки, пожелания творческих успехов.

Журналистская работа всегда была тяжелой, но Алексей Ильич не помнит, чтобы когда-либо так сильно давила моральная нагрузка. Редактор гордился, что сумел объединить журналистов в трудное время, когда газета нуждалась не только в профессионализме, но и в мужестве и решительности.

Посмотрел на часы: без пяти шестнадцать.

... Открыв дверь, Алексей Ильич остановился. В кабинете его ждало руководство района. Василий Порфирьевич грузно сидел за столом, блаженно вытянув обе руки.

– Та-а-ак, – вымолвил он тяжелым голосом.

В душном кабинете стояла тишина. Алексей Ильич почувствовал, как теряет равновесие. Делал отчаянные усилия, чтобы выдержать неравный бой, но не был к нему готов. Чувствовал себя обессиленным животным, попавшим в лапы волчьей стаи. Мольба – не подмога, раскаяние – не в счет. Он все понял, будто не десятилетия отделали его от того дня, когда он, молодой журналист, впервые перешагнул порог редакции. Один миг – вот водораздел между бытием и небытием, между злом и добром, между ценностью и инфляцией. Принципиальность – фикция, решительность – грош ей цена. Он понял все. Капкан сработал безотказно. Аркан на шею закинут.

Мелодичный стук карандашом привел его в чувство, и он, собравшись с силами, устремил взор на стол, за которым сидел человек, которого ненавидел. Ненависть эта появилась не сегодня и не вчера. Он помнит тот час, тот неприятный разговор, который состоялся после появления статьи “Грязное дело”. Первый тогда дал понять, что им вместе не сработаться.

– По какому вопросу пригласили? – выдавил он из себя и тут же обругал себя за невыдержанность. Выдержка – вот лучшее средство в неравной борьбе!

– Он еще спрашивает! – послышался знакомый голос в правом углу кабинета, и Алексей Ильич только сейчас заметил корреспондента газеты Петра Егоровича Крысина, который свободно вытянув ноги, сидел в кресле, которое обычно занимали представительные люди.

– Что от меня требуется?

Он почувствовал, как крепнет голос, как выпрямляются подкосившиеся ноги, как мутное видение постепенно рассеивается и лица людей, находящихся в кабинете, обретают зримые контуры.

– Что от меня требуется? – повторил он вопрос, дав понять, что не позволит обращаться с ним как с игрушкой.

– Может, без посторонней помощи отправитесь на экспертизу? – не скрывал своего удовольствия Вилкин, готовый праздновать победу. Долгие бессонные ночи провел заворотделом райкома за эти два года в волнении и злости. В публикациях – острых и лояльных, длинных и коротких – то и дело мелькала его крохотная фамилия. “Теперь ты у меня в руках, – не без таинственной злобы думал райкомовский чиновник. – Посмотрим, каким запахом пахнут твои выуженные принципы”.

– Обойдемся без экспертизы.

– Тогда предложите ему лист бумаги и пусть напишет, как мог дойти редактор газеты, член партийного бюро, до такого состояния. Позор!

Первый старался говорить ровно и убедительно, и в этом ему трудно было упрекнуть. Он умел делать, как ему казалось, важные политические выводы из самого незначительного факта.

Алексей Ильич подошел к столу, отодвинул стул и словно камень опустился на него. Придвинув бумагу ближе к себе, почуял сзади чье-то дыхание.

– Вам ручку?

Тот же голос, та же ирония в интонации. Не обернувшись, Романовский вытянул правую руку через левое плечо. Ручка, как волшебная палочка, очутилась меж двух пальцев. Редактор презрительно посмотрел на ручку и швырнул ее так, что, проскользнув по краю стола, она глухим шлепом ударилась о пол. Алексей Ильич резко встал, сдвинув стул, который еле удержался на задних ножках. Обшарил карманы брюк и пиджака, – ручки как назло не оказалось. На секунду стоял в растерянности и ровными шагами двинулся к выходу.

– Опомнитесь! – послышался вдогонку сипловатый голос.

В приемной никого не было. Он подошел к окну. Снег крупными хлопьями ложился на асфальтовую площадку перед зданием райкома и мгновенно превращался в дождевые капли, пополняя мелкие ручейки. Коммунальщики аккуратно обрезали ветви деревьев. Весна входила в свои права.

Двадцать лет проходил Алексей Романовский через первую приемную на заседания бюро, различные

встречи и совещания и только сейчас понял, как дорог ему этот скромный уголок, который знавал многие баталии партийной жизни. В ожидании своей участи тут сидела не одна сотня партийцев. Пришел черед и ему, редактору газеты местного значения, борцу за справедливость, никогда не думавшему, что судьба так нещадно посмеется и над ним.

Подошел к столу, открыл правый ящик и выбрал ручку, которая сочинит им то, в чем они так нуждаются. Нет, он не будет лукавить. Правда всегда была с ним при себе. Нет, не при себе, а в себе, в сердце.

Открыв дверь, ровными шагами подошел к лобному месту и, поудобнее заняв место, вывел твердым почерком "Объяснительная записка".

Редактору приписали все видимые и невидимые грехи и освободили от занимаемой должности. О трудоустройстве никто не помышлял. "Куда денется? – рассуждал Сберкассов. – Отдохнет немного и приползет". Но проходили дни и недели, а Романовский не появлялся. Удар для него оказался настолько чувствительным, что слег в постель. Жена умоляла обратиться к врачу, но Алексей Ильич окоченевшими пальцами брал глиняный бокал, подаренный ему журналистами в день ангела, и медленно глотал ароматный чай из лекарственных трав. Временами надолго задумывался над судьбой, оказавшейся к нему не столь милостивой.

...В тот год стояло жаркое лето, и огромные лопасти старой мельницы медленно вращались вокруг оси, издавая сухой скрип. Стояла она за околицей на местности, окруженной небольшими озерками, и изживала свой век. В соседних селах давно появились мельницы, работающие на электрической энергии, и,

видимо, чувствуя конец уходящей эпохи, местные мастера не готовили ей замену. Старый мельник Алексей Савельевич Седихменов, приглашенный сюда из Старых Алгашей, кряхтел не меньше, чем старая мельница, и, проводя шершавой рукой по белой бороде, ворчал себе под нос: “Крепка советская власть, а мельница все старая. Видимо, развалится она раньше, чем перестанут ходить мои дряхлые ноги”.

В летние дни, когда солнце зенитным огнем палило на землю, у него гостила внучка Лида, которая аккуратно приносила ему обед, приготовленный доброй хозяйшкой. Лида всегда бегала босиком, в легком сатиновом платье, с короткими косичками. Голубые бантики придавали ее глазам еще больше голубизны. Жили они у тетушки Дарьи в небольшом домике на окраине села. Лиду никогда не покидало хорошее настроение. Получив еду, завернутую в грубую фланелевую ткань, бойко выбегала на улицу и шла на мельницу. Мурлыча привычную мелодию, как козлик, прыгала с кочки на кочку, которыми усыпаны луга. Прыг-скок, прыг-скок, и вдруг перед ней словно из-под земли выросли широченные морские штаны и заслонили ей дорогу. Она застыла в недоумении, боясь поднять глаза на незнакомого человека.

– Куда торопится красавица? – пробасил грубоватый голос и заставил ее встать. Девушка резко подняла голову, и их глаза встретились. Решительный взгляд заставил его машинально убрать ногу. Хотел что-то сказать, но не успел, – девушка ловко перепрыгнула через кочку и пустилась бежать. Он любовался ее бегом, сопровождал взором до тех пор, пока не скрылась за поворотом. Ждал, когда оглянется – не дождался. Поправил бушлат, крепче сдвинул на

шевелюру бескозырку и медленно зашагал по ее тропе.

Старик встрепнулся, когда внучка вихрем ворвалась на мельницу и, бросив обед на стол, прошмыгнула по крутым ступенькам. “Какой же зверь ее напугал?” – подумал он и приоткрыл затемневшее от пыли окошко.

– Здравствуй, дед! – буркнул моряк и неловко снял бескозырку.

– Здравствуй, молодой человек! – промолвил старик, хлебнув горячих щей. – Какое дело привело сюда, если не секрет? Неужели хочешь наняться грузчиком?

– О, нет! У меня совсем другие планы, – пробурчал молодой человек, не сводя глаз с верхних стеллажей.

– Что ты все туда смотришь? – не без иронии спросил старый мельник и почесал затылок. – Там одни голуби живут.

– Мне и нужна голубка, – улыбнулся моряк и, нахлобучив бескозырку на голову, покинул мельницу.

Он встретил ее в тот же вечер. Она перевернула ему не только душу, но и жизнь. Впервые, после долгих мучений и раздумий, почувствовал он себя человеком. Нет, он не сын врага народа, и его отец – Илья Романовский – не враг народа. Освобождал Симбирск, а в мирное время своим горбом поднимал семью. Династия из тех, о ком говорят с большой теплотой и искренностью. Дом, где они жили, был пятистенный. Имели и корову, и лошадь. Все создано своим трудом. Но в период раскулачивания личный вклад в расчет не принимали – забрали все подчистую, а дом перенесли в центр села и передали под школу. Звучит солидно – детей учить. Прошел год, и экспроприацию признали незаконной. Справедливость восторжествовала, но назад ничего не вернули из того, что было нажито за долгие годы.

Детский характер впитывал все, что происходило, и выражал протест стихийно. Алексей помнит отца всегда со скрипкой, с которой тот никогда не расставался. Плотный, подтянутый, среднего роста, с казачьими усами, он, как магнит, притягивал к себе людей. Его приглашали на свадьбы и праздники, юбилеи и встречи. Его скрипка стонала и плакала, выводя задушевные мелодии. Он любил правду, в компании слыл неунывающим весельчаком, а в минуту затишья думал о том, что происходит вокруг. Боролись за правду, а она бродит где-то в потемках.

Был август... года. В тот день вся семья находилась в поле на уборке гороха. Когда лучи утреннего солнца проникли в комнату и словно прожектором осветили лицо, Алексей открыл глаза и почуял неладное. Прислушался – в доме кто-то тихо плакал.

Прошли годы, и мать часто вспоминала ту тревожную ночь, когда забрали отца. Пришли глубокой ночью, и милиционер, не успев переступить порог, крикнул:

– Оружие есть?!

– Откуда у меня такое добро? – спокойно ответил вопросом на вопрос Илья Гаврилович и полез в карман за самокруткой.

Обыскали все углы, перевернули всю избу, шарили в сарае, но ничего не нашли.

– Собирайся! – снова заорал милиционер и принял вид, не терпящий возражения.

– У меня все с собой, – твердо ответил отец и, попрощавшись с женой, двинулся к выходу. Увидев, как мать кинулась к детям, остановил: “Детей не буди, но пусть они знают – я ничем не запачкан и чист перед ними”.

Мать всю ночь не спала, рано утром собрала завтрак и отправилась в сельсовет. Но там отца уже не оказалось.

На руках матери осталось семеро детей. Кристина Семеновна оказалась женщиной волевой и мужественной, не пустила детей по миру и вывела их в люди. Настали трудные времена. Хлеб был на вес золота. Ели лебеду. В середине избушки к потолку был привязан холщовый мешочек с хлебными корочками, вокруг которого дети кружились как мухи вокруг меда. Наступало время ужина, и мать аккуратно вытаскивала оттуда хрустящие хлебные корочки и подавала на стол.

...Илья Гаврилович не признал себя виновным. В 1956 году его реабилитировали. Сын мечтал о времени, когда будет перелистывать протоколы допроса и узнает об отце правду. Долгожданное время пришло лишь в годы перестройки. Сын с трепетным волнением читал пожелтевшие страницы, и глаза застилала соленая слеза горечи и обиды. О, боже! Предали-то его свои, односельчане!

Мысль о возвращении отца никого и никогда не покидала. Но сейчас, сидя за маленьким столом архива, Алексей понял, – отец не дотянул до Соловецких островов. Ему дали десять лет, а это значило, как объяснил потом работник госбезопасности – расстрел. Он уверен – его расстреляли на окраине областного центра, в Соловьевом овраге, где постигла участь многих “врагов народа”.

Сельчане понимали горе многодетной семьи и по-разному относились к аресту. Алексей испытывал косые взгляды, но никто и никогда не говорил ему, что он – сын врага народа. Десятилетнему подростку от

этого легче не было, он постоянно испытывал необъяснимое чувство тревоги. В споры не ввязывался, возражать не смел.

Подошел сороковой год. Успешно окончив семилетку, Алексей поступает в Яковлевскую учительскую школу. Старший брат Георгий только что получил диплом и как бы передал эстафету младшему. Алексей проучился несколько месяцев и вернулся домой – ввели плату за обучение. Родственники собрали с миру по нитке и снова снарядили паренька в училище. Война вовсю уже кипела на просторах страны, и ее дыхание было слышно в самих глухих уголках. Старшие братья давно воевали на фронте и писали матери теплые слова. Училище Алексею снова пришлось оставить – в сорок третьем его перевели в Самарский край, в небольшой поселок Толкай, а здания училища заняли моряки речного флота. Алексею впервые закружилась мысль быть военным моряком. Стройные, подтянутые – как на подбор!

А пока вернулся в родное село и стал зарабатывать на хлеб в колхозе. Пахал, сеял, возил зерно в закрома. Железнодорожной ветки не было, и хлеб возили в Ундоры, а оттуда его отправляли по Волге во все концы страны. Его старания и аккуратность не могли не заметить местные власти – скромный, исполнительный, умеет читать и писать. Ему предлагают заведование сельским агентством связи.

Весть о возвращении родного училища в Ульяновск быстро разносилась по чувашским селам. Директор Петр Михайлович Якимушкин лично беседовал с симпатичным парнем и зачислил его на последний курс. Вот и диплом в кармане. Молодой учитель держит в путь в Бюрганскую школу, где преподает историю.

Прошло три месяца, и Алексей Романовский – курсант объединенной школы военно-морского флота. Судьба к нему милостива – его мечта сбылась. Только одна загвоздка – курсанты рвались в бой, а их готовили совсем к другой миссии. Правда, не менее сложной и ответственной. Его зачисляют в группу, которая должна сопровождать немецкие трофейные корабли. Путь далек – Германия, Англия, Франция, Испания, Мальта, Турция и, конечно, Черное море. Вдали от родины еще больше испытываешь тягу к родным берегам. Красиво небо в морских просторах, в южных широтах оно сияет многоцветными радугами, но, как говорил поэт, нам дым отечества и сладок, и приятен. До сих пор перед взором стоит седоволосая женщина, которая пришла к ним на корабль в английском порту. Со слезами на глазах обнимала соотечественников и просила передать советским людям горячие поздравления от эмигрантов.

Кончился срок службы. По улицам родного села гуляла мартовская метель. Но моряк видывал почище деревенской пурги. Смело распахнул дверь, и мать оказалась в его объятиях. Алексей уже не тот тихий паренек, который боялся людских глаз. Окреп в плечах, возмужал и главное – характером стал тверд.

– Учиться и еще раз учиться, – сказал искренне матери, когда та украдкой спросила о житье-бытье. – Буду юристом. Людям нужна правда и защита.

В Казанский университет поступил без особого труда – знания крепкие. Тревожила лишь одна мысль – сын “врага народа”. “Неужели мимо пролетела?” – спрашивал себя, в каждое утро направляясь в студенческую аудиторию. Нет, не пролетело. В нашей системе муха не пролетит незаметно. Алексей постоянно ощущал

негласный надзор, но не давал повода, был осторожным и бдительным – жизнь научила. Сидели с одним парнем за одной партой – забрали. А его не трогали. На выпускном вечере к нему подошел черноглазый сокурсник и, отозвав в сторонку, предложил:

– Леша, быть может, пропустим напоследок по рюмке? Теперь все страшное позади. Дипломы-то в карманах.

– Готов пропустить с тобой и по две рюмки, – ответил Алексей.

– А я ведь твой негласный надзор, – улучив момент, промолвил вчерашний студент и наполнил рюмки вином.

– А я знал, – спокойно ответил Алексей и положил руку на его плечо. – Спасибо тебе. Никогда не забуду.

– И тебе спасибо, что не давал повода сочинить донос.

По-дружески обнялись и твердо обещали оставаться друзьями.

Но система готовила ему новое испытание. Диплом получил, а направление на работу не дали. Это значило, что двери в судебные и следственные органы для него закрыты. Пройдет еще целая пятилетка, пока XX съезд партии не развенчает трагедию сталинской эпохи и восстановит честные имена советских людей, погибших во времена репрессий. Долгожданное время пришло – ему предлагают должность помощника прокурора в родном районе. Алексей Ильич весь отдается работе, заканчивает Высшие курсы следователей, Высшую партийную школу, сдает кандидатский минимум. Ему предлагают прокурорскую должность, но районное руководство его не отпускает.

Имеется не менее престижное кресло – редактор районной газеты. Пост партийный, член бюро – сам себе хозяин. Двадцать пять лет тянул редакторскую лямку. Построил новое здание редакции, укрепил техническую базу, создал работоспособный творческий коллектив.

И вот – финал. Лежит он, Романовский Алексей Ильич, в постели, словно камушек, выброшенный морской волной на берег, и в невыносимых муках коротает дни и ночи. Иногда подходит к портрету отца, который висит на стене, и долго глядит уставшими глазами. Он ненавидит этот строй, который проставил на его пути столько барьеров, что преодолеть их невозможно. Еще больше ненавидит он чиновников, которые не стоят ломаного гроша, но воображают себя князьями. Он всю жизнь искал правды, но не нашел.

Однажды, когда одна дума наседала на другую, когда в открытую форточку подул холодный ветер и жесткие снежные хлопья стали как мухи ударяться об стекло, постучали в дверь.

– Открыто! – отозвался Романовский и положил бокал на журнальный столик.

– Уж слишком долго бодем, – улыбнулся Вадим Петрович, когда, сняв пиджак и норковую шапку, стал трясти усталую руку бывшего редактора местной газеты.

– Не бодем, а отдыхаем, – ответил искусственной улыбкой Алексей Ильич и облокотился на левую руку.

– Вижу, что отдыхаешь, иначе обратился бы к врачу.

– Врачи мне вряд ли помогут. История мне поставила совсем другой диагноз.

– А я к тебе по делу, – сказал Аверкин чуть таинственно и сел за круглый стол, на котором в беспорядке громоздились фотоснимки.

На кухне зашипел чайник, и Алексей Ильич поспешил туда.

– О деле потом поговорим, – прорвался голос хозяина через открытую дверь. – Сначала попьем чайку.

Аверкин стал разглядывать снимки. Вот он, Алексей Романовский, в молодые годы – густые волосы, приятная улыбка, ровные зубы. На обратной стороне надпись: “Казанский университет. 1959 год”. Подошел к стене. В большой раме на тебя смотрит мужчина лет сорока. Небольшие усики и уходящие ввысь брови напоминают какого-то артиста из кинофильма. Портрет сделан масляными красками.

– Брат Георгий нарисовал, – тихо заметил больной и поставил на стол рюмки.

Алексей Ильич оживился и, как показалось Аверкину, был рад встрече. Они вспоминали времена давно минувших дней, когда Алеша Романовский мечтал в летнее время наняться сторожем в колхозном саду. “Люблю природу, – не скрывал тогда он своих чувств. – Она придает силу и заставляет взглянуть на себя со стороны”. Еще думал он о том, как со своими друзьями будет караулить колхозных лошадей. Ночь. Луна. А они сидят у костра и чутко прислушаются к тишине. Но мечта так и осталась мечтой. Приходило лето, и студент Алеша Романовский оставался работать в городе. Разгружали баржу, пилили и кололи дрова и зарабатывали деньги. Пригодятся, когда начнется учебный год.

– У меня к тебе просьба, – сказал Аверкин, когда хозяин встал из-за столика и направился на кухню.

И он рассказал ему, по какому делу пришел к человеку, которого хорошо знал. Хозяин слушал без особого внимания, но не перебивал. Время от времени поднимал чашку, и, хлебнув два-три глотка, ставил на столик. Он о

чем-то думал. Но не о том, о чем вел речь гость. Вполне возможно, что Аверкину это только показалось.

– Я не могу согласиться на твоё предложение, – сказал в конце беседы Романовский и извинительно посмотрел на гостя.

– Не понимаю тебя, – произнес Аверкин. – Вопрос согласован с высшим начальством. Квартирой будешь обеспечен, а самое главное – вырвешься из грязной ямы, куда тебя запихали местные власти.

– Я не верю этой системе. Везде одна грязь – давление, цензура, телефонные звонки... Надоело. Нужны новые порядки.

– Национальная газета открывает перед тобой новые горизонты. Давления не будет. Это я обещаю. Но мое обещание не значит, что ты будешь злоупотреблять своим положением.

– Я никогда не превышал власть и не переходил границы. Но жизнь ставит новые задачи. А партия мне принесла много бед и страданий.

Аверкин задумался. Он не знал, как переломить ситуацию и убедить его в том, что на партию не следует обижаться. Изгибы и перегибы в ее истории связаны не с целями и задачами партии, а историческими условиями. Романовский будто понял его мысли и продолжил:

– Нельзя бесконечно ссылаться на время. Условия, кстати, тоже создаются правителями. На мою долю хватит испытаний, и я буду ждать лучших перемен.

Беседа оставила в душе Аверкина неприятный осадок. “Еще один порядочный человек покидает партию”, – подумал он по дороге на автовокзал. Посмотрел на часы, – до следующего рейса оставалось полчаса.

У ИСТОКОВ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Общественное мнение напоминало море, куда кидали все, что заржавело или пришло в негодность. Море их отмывало, бросало от берега к берегу, пока они не отшлифовывались как галька. У берегов политических страстей образовалась пена. Чем сильнее дули ветры, тем больше пены у берегов. Пена любила покоя и тишины, а тут временами бушевал ураган.

Васильков быстро поднялся на третий этаж. Он был похож на киноартиста Гафта не только внешне, – по тому, как покидали его голову волосы, – но и по характеру. Та же походка, тот же взгляд, та же интонация в голосе. Говорил четко, громко и никогда не терял главного смысла. Не высовывался, но дело делал основательно. Аверкину нравилась его манера – никакой примеси и комчванства.

– Я ведь почти не пишу, – зашкалил Валериан Федорович в свое оправдание еще в начале беседы, дабы знал партийный чиновник не только о его достоинствах, но и минусах и потому не предъявлял к нему необоснованных претензий.

– Знаю, что начинающий журналист. Но писать придется, хотя главная забота редактора – создание сплоченного творческого коллектива.

Аверкин за долгие годы партийной работы выработал некий кодекс для себя. Никогда не встречался с выдвигенцами, не изучив их деловые,

политические и моральные качества. Из различных источников он узнал, что Васильков, получив учительский коллектив, который раздирали бесконечные жалобы и раздоры, сумел увлечь его на конкретные дела. Никого не наказывал, никого не уволил, но раздоры прекратились как по мановению волшебной палочки.

– Какая база имеется для выпуска газеты? – спросил Васильков и машинально положил правую руку на портфель.

– Базы нет, – вытянул из себя Аверкин и поднял подбородок вверх, словно ему не хватало свежего воздуха, чтобы вдохнуть. – Готовится пленум, на котором будут обсуждать вопросы национального возрождения, как любят говорить сейчас новые силы. Мы должны выпустить к этому времени первые номера газет – и татарской, и чувашской. Мои хождения по инстанциям не дали результатов – никто не берет на себя ответственности, не обещает ни бумаги, ни средств. Ждут пленума.

– Я вас понимаю, – медленно проронил слова Васильков и внимательно посмотрел в глаза Аверкину. – Вы хотите выпустить газету на общественных началах и поставить их перед фактом.

– Верно поняли. Мой бывший шеф в районе Юрий Волгин поступал таким образом. Заложит фундамент под школу или больницу без какой-либо сметы и проектных документов, возведет стены, а потом привозит туда высшее начальство и говорит: “Ну, друзья, что на это скажете?!” Тем ничего не остается, как открыть финансирование. Если мы не поставим перед фактом, волокита будет длительной и нервной. Мы ничего не потеряем, а выигрыш стопроцентный.

Подошел к окну. По площади Ленина бушевала пурга. Голые ветви деревьев гнулись и выпрямлялись. Ветер неистово ворошил красные полотнища на флагштоках. Ульяновцы готовились к октябрьским праздникам. Вадим Петрович отошел от окна и продолжил:

– С директором Степной типографии разговор состоялся – он выделяет нам бумаги на два номера. Материалы почти готовы. Вы берете на себя всю рабочую кухню, а когда откроют финансирование, утвердим тебя редактором.

Открылась дверь и в кабинет вошел пожилой человек с пышными седыми волосами, стройный, с улыбающимися глазами. На груди – три ряда колодок от орденов и медалей. Темно-синий пиджак плотно прилегает к его почти богатырскому телу.

– Вот и сам лидер чувашского просветительского общества, – представил Аверкин вошедшего грузной походкой человека Василькову и добавил, обращаясь к ветерану: “А это наш редактор будущей чувашской газеты”.

– А мы с ним знакомы, – протянул руку ветеран. – Достоянная кандидатура.

– Иван Сергеевич, – вы, кажется, обещали статью для газеты?

– Она у меня в кармане, – сипловатый голос с приятным тембром. И стал шарить по карманам. – Вот, пожалуйста.

– А я подготовил обращение к читателям, – подошел Аверкин к столу и, открыв ящик, достал исписанный корявым почерком лист. – Тут имеются и другие материалы, но главный, конечно, обращение. Необходимо изложить наше видение на газету, – какая

она будет по содержанию и по другим параметрам.

– Я думаю, – слегка кашлянул Иван Сергеевич и вынул носовой платок. – Я думаю, что она должна носить четкий классовый характер и выражать линию обкома партии.

Аверкин не мог скрыть своего внутреннего состояния и в глубине его губ озарилась незаметная улыбка. Ему нравится старый солдат партии с его твердой позицией. За короткое время просветительское общество он превратил в чуть ли не в политическую организацию, и многие его действия стали неприемлемы для молодежи. Хотя политические вопросы на совещаниях и заседаниях не обсуждались, он, Кирюшкин, постоянно подчеркивал свою приверженность к партии коммунистов. Верность к ленинизму глубоко лежала в его сердце. Когда молодые лидеры упрекали его в том, что он является ветераном старой гвардии и старых убеждений, Иван Сергеевич немедленно реагировал: “А я горжусь этим званием!”

Время не расшатало его позицию.

– А как думает редактор? – обратился Вадим Петрович к Василькову и перевел взор на ветерана партии, – ему небезынтересно было, как среагирует на вопрос человек, в чьих жилах била одна политическая струя и иных мнений он не воспринимал.

Иван Сергеевич снова кашлянул – хм! хм! Но Васильков не торопился с ответом, хотя всю дорогу думал именно о направлении газеты. Ему хотелось услышать мнения со стороны, так сказать, из верхних источников, а тут вопрос адресовали ему. Он постучал кончиками пальцев в портфель, будто там таится какая-то сила и должна подсказать ему правильный ответ.

– Газета должна вырваться из тисков политики, – заговорил медленно Валериан Федорович, взвешивая каждое слово.– Наша газета сугубо национальная. Она должна в первую очередь поднимать национальные проблемы. Жизнь, быт, труд, язык, культура, биография чувашской диаспоры в нашем крае – вот изначальные темы. А политика... Подскажет время.

– Я не согласен, – сдвинулся с места Иван Сергеевич и перевел дыхание. – Обком нуждается в поддержке, партию атакуют со всех сторон. Да и... – снова перевел дыхание, – учредителем будет, бесспорно, обком.

Оба ждали реакции Аверкина, который стоял без движения и молчал. Интуиция ему подсказывала, что подход должен быть не стандартным. В отличие от прежних времен. Нельзя, невозможно, в эпоху плюрализма сомкнуть всю цепь на обкоме партии. Но в то же время понимал, что вне политики ни одна газета не может завоевать читательскую аудиторию.

– О направлении газеты поговорим отдельно, – подвел итог беседе Аверкин. – Выпустим первый номер, где, кстати, не будет ни политики, ни позиции. Посмотрим на реакцию читателя. Сам выход газеты будет уже событием. А это – главное.

– Какое название получит наша газета? – спросил Васильков и вынул из портфеля блокнот.

– Я предлагаю “Канаш”, что в переводе на русский означает “Совет”. Совет не в смысле политического органа, а как дружеское наставление.

Иван Сергеевич многозначительно посмотрел на товарищей.

– Как звучит, Валериан Федорович?

– Звучит как будто неплохо, хотя немного шипит.

– Когда будет макет?

– В понедельник.

Открылась дверь и в кабинет ворвалась целая группа.

– Вот и представители татарского народа, – обрадовался Вадим Петрович. – Они в одиночку не ходят. Уж очень дружный народ.

... Началась черновая работа. Подготовка к выходу чувашской газеты шла без каких-либо трений. Специалисты по набору были на месте, машинистки после рабочего дня печатали тексты будущих статей. А вот над выпуском татарской газеты пришлось потрудиться. Хотя журналистов с татарскими именами хоть пруд пруди, никто из них толком татарского языка не знал. Председатель татарского общества “Туган Тел” Ильдус Сафиуллин был похож в эти дни на заведенную пружину – за ним не успевали открываться и закрываться двери обкомовских кабинетов. Наконец, он привел Галимзяна Насырова, который еле перешагнул порог и, аккуратно положив трость в угол, грузно опустился на стул. Дышал тяжело.

– Я могу содействовать изданию газеты, но редактором не осилю, – выдавливая из себя слово за словом и бессильно опускает руки.

– Выдержит, – вступает в разговор Федор Галимов. – Я его хорошо знаю.

Аверкин усиленно искал кандидата на должность редактора и вспомнил скандальную историю в одной из районных газет. Острая статья, написанная в духе гоголевского стиля, взбудоражила тогда районное начальство. Попытки выдворить его из журналистской среды не увенчались успехом – правда восторжествовала. Имя журналиста Ирека Халимова запомнили читатели надолго.

– Будешь учиться редакторскому делу, – сказал ему Аверкин при всем татарском семействе, собравшемся в кабинете. – Вот твой учитель, Галимзян Насыров.

Аверкин посмотрел на Галимзян-абы, который сидел чуть сутулясь. Глаза крупные, голубые, но впалые, под которыми висели заметные мешочки. Насыров не ответил. Видимо, обдумывал первые шаги на порученном ему участке. Энтузиастов оказалось больше, чем пальцев на двух руках. Приходили, умоляли принять на работу, хотя некоторые из них никогда не прикасались к журналистскому перу. Аверкин тактично предлагал им обращаться к лидеру татарского общества или к редактору газеты.

Зашел Иршат Замалитдинов.

– Нет, нет, я не буду работать в редакции. Я – археолог. Зашел по одной лишь причине – высказать свое одобрение, – отчеканил он на чистом русском языке. – Начинаются поистине новые времена.

Потом стал прощаться и сказал на чистом чувашском языке: “Аван юл”.

Айрат Идрисов неистово добивается поддержки и претендует хотя бы на рядовую журналистскую должность.

– Советская власть закабалила наши нации. Мы потеряли свое лицо, и вот пришло время возрождения наций, – выплескивает он переполненные эмоции и уходит своими суждениями далеко вглубь истории.

– Я не подбираю кадры, – отмахивается Аверкин и слушает его без особого внимания. – Кадрами занимается ваше общество.

– Они меня не понимают, – не унимается Идрисов и еще больше хвалит царские времена, когда нации

цвели, как ослепительные астры. – Им, видите ли, нужны журналисты, а не мастера производственного обучения.

Идрисов не из тех, кто ждет манны небесной. Сумел убедить даже самого Ильдуса Сайфуллина в своих достоинствах, и на стол Аверкина легка записка, в которой значилась просьба принять его, Идрисова, в редакцию газеты “Эмет”. Прошло несколько дней, и в кабинет врывается Ильдус Сайфуллин. В сильном возбуждении.

– Не годится он в журналисты, – еле переводя дыхание, стучит по столу кулаком. – Не воспитан, грубит!

– Успокойтесь и толком объясните, о ком идет речь.

– Известно, о ком. Речь в данной ситуации может идти только об одном человеке. Об Идрисове, – треплет он себе волосы и умоляюще взирает на Аверкина. – Как я ошибся! Как я ошибся!

– Поздно. Он уже в деле, – старается разрядить обстановку Аверкин. – Вчера принес такой материал, которому может позавидовать любой журналист.

...Партийный форум открылся в тот день, когда много десятилетий назад образовался союз советских республик. Старейшие члены партии считали такое совпадение хорошим ознаменованием, а людям молодого поколения дата ни о чем не говорила.

Ораторы говорили одухотворенно, словно соскучились по временам, когда можно было открыть грудь во всю ширь. Стрелы вонзали с такой силой, будто перед ними стояли враги революции. История оставила нам уйму сюжетов, когда как в котле кипели страсти. В период великой французской революции специально устраивали банкеты, которые превращали в поле битвы мнений и страстей. Великая октябрьская оставила не менее трогательные картины, когда

сборища продолжались до утра – за это время ораторы успевали где-то в углу выспаться и спешили на трибуну, чтобы накалить обстановку до предела.

– Классовая борьба – это выдумка большевиков! – кричал во весь голос Айрат Идрисов. – Нам нужно примирение и согласие!

– Классовая борьба не создается по разумению людей, – оппонировал ему Георгий Обушинский. – Она рождается социальными условиями.

– Вон из нашей жизни диктатуру пролетариата! – рвал глотку Валерий Ким на митингах.

– Когда установится диктатура буржуазии, вы еще поймете цену диктатуры пролетариата! – старался убедить аудиторию Геннадий Ларьков, который любил заглядывать далеко вперед и не стеснялся оперировать философскими категориями.

Но в эпоху перестройки главную опасность представляли не открытые противники застойных времен, а люди, постоянно держащие нос по ветру. Они, как глухари, резко поворачивали головы то вправо, то влево. Эти люди в основном прошли большую партийную школу. Долголетний опыт обогатил их умением ориентироваться в самых сложных ситуациях.

Один из таких партийцев вышел на трибуну партийного форума и поднял правую руку. В голосе выработан тон, разящий любого, кто не понял смысла перестройки. Завидное место в лексиконе отведено руководящей иерархии – слова благодарности и хвалебные оды льются как отходы в помойную яму. Он готов поддерживать любое руководство, лишь бы оно не подозревало его самого в неблагонадежности.

Вадим Петрович чуть задумался. “Видимо, без таких

партийцев аппарат не в состоянии функционировать, – пришла к нему крамольная мысль. – Они являются опорой и надеждой в проведении линии власти. Трибуна им предоставлена, а в желании совершить экзекуции им нет равных”.

– Пока в обкоме сидят люди, не понявшие сути перестройки, никаких конкретных дел не может быть, – резюмирует оратор свою речь. – Мы на комиссии по национальному вопросу уже дважды рассматривали вопрос о выпуске газет, приняли конкретную программу и, нет сомнения, что в ближайшее время наши читатели увидят и татарскую, и чувашскую газеты. “Нет, без таких чиновников аппарат не может выполнить роль авангарда, – еще больше убеждал себя Аверкин. – Он нуждается в них так же, как человек в утреннем туалете или как естественная надобность сходить куда-нибудь”.

Вадим Петрович с нетерпением ждал появления курьера. Он ходил из угла в угол и о чем-то думал. В чуть открытую дверь врвались речи ораторов, которые его мало интересовали. Наконец-то! Аверкин сделал несколько шагов вперед и почти вырвал у него свежие номера газет.

– Чуть задержались, – оправдывался курьер, лицо которого горело от мороза.

– Очень вовремя приехали, – улыбнулся Аверкин. – Раздавайте!

Газета пошла по рядам, и весь зал стал похожим на морскую волну, который колыхался под шелестом первых номеров национальных газет.

ЭЙФОРИЯ

К вечеру у секретаря парткома Анатолия Алмакаева поднялась температура. Жена засуетилась. Каждый год с наступлением весенних паводков к нему пристает болезнь. На сей раз, поняла жена, резкий упадок сил связан не только с перепадами погоды: уж слишком нервными стали дни в последнее время.

Вчера к нему пришел главный агроном Галкин и кинул партийный билет на стол.

– Не могу находиться в партии, у которой столько изъянов, что века не хватит, чтобы отмыться, – объяснил он причину ухода. – А как критикуют? Будто мне на голову льют грязь из ведра.

– Значит, уходишь в оппозицию, – не глядя на него, выдавил из себя Алмакаев.

– Какая там оппозиция? Хочу просто спокойно жить.

– Мы с тобой не рядовые члены партии. Нас избрали в состав парткома, а мы...

– Все уходят. Читал во вчерашней районной газете, что творится в высших эшелонах власти? Тузы выбрасывают партбилеты, а я человек маленький.

Алмакаев не ответил. Дверь захлопнулась. Секретарь понял – Новоуспенская парторганизация на одного человека стала меньше. “Теперь очередь за остальными. Дурной пример заразителен”, – подумал с горечью Анатолий Александрович, машинально перебирая бумаги.

В дверь постучали. В кабинет ворвался Петр Едалин.

“Начинается, – подумал Алмакаев и сердито посмотрел

на тракториста. – Этот, конечно, рад, что начался отлив из партии. Сколько раз встряхивал его за пьянку, сколько выговоров влепил за нарушение партийной дисциплины. Неприязнь ко мне накопилась у него не за один день. Теперь и на его улицу пришел праздник”.

– Что с тобой, Анатолий Александрович? – хмыкнул удивленно Едалин и кинул шапку на стол. – Смотришь на меня, как на врага революции.

– Ну, говори, зачем пришел, – сухо спросил Алмакаев, не отводя хмурого взгляда от партбилета, выброшенного главным специалистом колхоза. Раздвинул ящик стола и стряхнул в него партбилет. Возненавидев в этот миг себя за то, что в свое время в торжественной обстановке вручил партбилет человеку, предавшему минуту назад партию, он возненавидел и партбилет, столько лет находившийся у груди, в которой билось сердце, покрытое ржавчиной. Он понял, что не все партийные билеты чисты, хотя заполнены красивым почерком.

...Едалин вынул из внутреннего кармана билет, и секретарю стало не по себе. Он готов был наброситься на него, как бросается зверь на свою добычу, но какая-то внутренняя сила удержала от необдуманного шага.

– Хочу вот заплатить взносы, – заговорил неуверенно рядовой коммунист, чувствуя неладное в поведении секретаря. – Второй месяц уже в долгу перед партией. Как-то неловко.

Алмакаев физически ощущал в этот миг гулко молотящее сердце, под которым словно разожгли костер. Сердце заплясало, и он не смог совладать собой – резко поднялся, подошел к Едалину и крепко обнял: “Спасибо, товарищ”. Едалин стоял, растерянно разведя руки, и не понимал, что происходит с лидером сельских коммунистов. Всегда твердый и непоколебимый, а тут что-то на него нашло.

В тот же вечер Алмакаев собрал коммунистов и доложил обстановку. Громких слов не сказал и не умолял, чтобы они шли против своей совести. Каждый сам себе волен – кому партия стала обузой, пусть покидает. Петр Едалин смотрел на него и ужасался – в лидере коммунистов бушует внутренняя борьба. Ему как никогда нужна поддержка. Моральная, конечно. Уход главного специалиста не так сильно волновал секретаря. Скатертью дорога! Но он мог стать примером для других членов партии, которые не шибко разбирались в марксизме, не выступали громко на собраниях. Как Галкин, бывало. Но были работягами. Что греха таить, – и дисциплину нарушали. За это и получали от партийного вожака нагоняй. Спуску не было. Сейчас они имеют полное право припомнить ему. Едалин это понимал.

– Партия нас подняла на ноги, обула, одела, дала нашим детям образование, – как-то вяло начал он свое выступление. – Мы еще не знаем, что ждет нас впереди. Быть может, окажемся, как в сказке, у разбитого корыта. А может, и разбогатеем, как капиталисты. Я в политике разбираюсь так себе и до сих пор не понял, что такое диктатура пролетариата, но твердо уверен, что партия нуждается сейчас в нашей поддержке.

Алмакаев смотрел на Едалина, и настроение его поднималось, как молоко на горящем огне. “Неужели это он, Петр Едалин, который слово к слову боялся присовокупить, а пришло время испытаний, раскрывается во всей величине. Нет, пока есть такие люди, партия не умрет”.

Выступали, будто решается судьба партии. Оно так и было. Люди интуитивно понимали, что настало время выбора. Два часа шло собрание, а страсти не утихали.

Молчали только два члена партии, – председатель местного хозяйства Владимир Кузовкин и директор школы Федор Шуплин.

– Предлагаю проголосовать за то, чтобы ни один член нашей ячейки не выходил из партии, – прозвучал голос Николая Страдымова. – Единство и еще раз единство!

Алмакаев уважал этого простого парня. За ум, трудолюбие, честность. Партийные поручения выполнял с большой ответственностью. Лишен амбиций и чванства. Секретарю были понятны его чувства, но он перебил:

– Нельзя этого делать, Николай. Хотя существует партийная дисциплина и устав, но в нынешних условиях никого не можем опоясать партийной проволокой. Пусть судьей им будет совесть – быть в партии или нет.

Решений не приняли. Быть может, в первый раз за многие годы разговор остался разговором. Никого не обязывали, но каждый внутренне понимал, что нужно единство. Слово о единстве прозвучало с такой силой, что никакие протокольные записи не могли его заменить.

В районе тем временем готовились к отчетно-выборной конференции. Борьба за первое кресло была жесткой и бескомпромиссной. Оба кандидата не внушали доверия у членов партии. Нынешний лидер Иван Каширин скомпрометировал себя поездкой по социалистическим странам. Говаривали, что путешествовал он за счет государственных средств. Привез даже барахла, а отчет не представил. Скандал вылился за рамки обыденных понятий о чести и достоинстве, и лишь вмешательство высшей власти поставило политический барометр на стрелку “спокойно”. Второй кандидат Илья Якубов держался самоуверенно и чинно и считал себя вполне созревшим для крупных дел. Работая партийным контролером,

проявлял черты характера, присущие людям лишь с твердой позицией. Буква устава сидела в нем так глубоко, что часто не замечал душу человека.

Конференция готовилась в обстановке бурного движения масс. Каждый день приносил новые сведения о тех, кто покидал партию. За полгода число членов партии в районе сократилось почти в два раза.

Однажды Юрий Волгин собрал местных партийных вожakov и поставил вопрос – кого они хотят видеть на посту секретаря райкома партии. После недолгого молчания встал Алмакаев и сказал:

– Я не знаю, кто может претендовать на должность первого, а вот идеологом надо пригласить Аверкина.

В тот же день Аверкин сидел в кабинете первого секретаря обкома партии.

– Тебя приглашают в район, – начал он без каких-либо предисловий. – Дело ты знаешь, а поддержка со стороны коммунистов обеспечена.

– В трудное время вы командуете меня туда, – вымолвил Аверкин протяжно и получил краткий ответ:

– Доверием коммунистов надо гордиться, если ты настоящий коммунист.

Район встретил его бурным митингом медицинских работников, которые собрались на стадионе. Лозунги требовали немедленного изменения отношения к здравоохранению. Клеймили позором районное руководство, которое пользуется обширными привилегиями, а о народе не думает.

Аверкин присутствовал на митинге один. Отказ от участия районного руководства объяснить не мог и в душе не разделял позицию соратников по работе. “В трудное время надо быть с народом, а они сидят в

кабинетах и смотрят из окон, что творится на площадях и стадионах”. А страсти накалены до предела. Люди в белых халатах на фоне зеленого футбольного поля и голубого неба, по которому плыли курчавые облака, лозунги и транспаранты представляли красивое зрелище. Сценария не было. Выступали без бумажек. Кромсали с пафосом, едко, выразительно, не стесняясь в выражениях. По беговой дорожке, чуть шатаясь, прогуливали молодые парни и не без сарказма взирали на партийного чиновника. Сзади него на трибунах сидели женщины и старухи, злостный шепот которых не мог не раздражать Аверкина. “Нисколько о народе не думают, – язвила женщина средних лет. – Гнать их надо в шею!” “Сами уйдут, когда повесят им на шею веревку!”, – вторила ей старуха сипловатым голосом. “Говорят, у них по пять любовниц на голову!” “Ха-ха! Надо их погрузить в вагон и отправить к туркам!”.

Дружный смех сидящих на скамейке был ответом или поддержкой, – черт-де знает! – выходки кого-то из старух. Аверкин резко обернулся и был не рад, что совершил необдуманый шаг, – в глазах старух он прочитал ярость и ненависть.

Стадион загудел с неистовой силой. “Стоит ли слушать партократа – все равно он ничего путного не скажет?!” “Пусть болтает – может поумнеет!”

Аверкин повертел в руке кепку и произнес:
– Товарищи!

Он почувствовал, что в голосе появилась какая-то примесь. Что это – нервное напряжение или страх? В тот миг он еще не представлял масштабов приближающейся грозы и думал, что эйфория человеческих страстей спадет и жизнь вернется в свое обычное русло. Стадион ворчал, кричал, неистовствовал, иронизировал и глумился. “Мы тебе

не товарищ!” “Твои товарищи спрятались в окопах!”.

– Товарищи! – произнес он с жаром и умилением, вложив в это слово свою душу, и стадион притих.– Товарищи! Откуда нам знать – плохо мы живем или хорошо? Нет сомнения, что люди всегда мечтают о лучшей жизни и недовольны тем, что имеют. Но нельзя же так жестоко издеваться над теми, кто стоит у руля.

Он стал перечислять, сколько больниц, школ, детских садов построено только за последние годы, сколько новоселий справлено и какие меры принимаются для решения жилищной проблемы. Но цифры людьми не воспринимаются. Он понял, что его слова не доходят до ума и сердца людей, стоящих лицом к лицу с ним – партийным чиновником. Он проклинал себя в этот миг и терзал себя на куски за то, что согласился с предложением вернуться в райком, но было поздно – сегодня получил первое крещение и знал, что это только начало.

Вчера состоялась партийная конференция. Дуэль на пост первого секретаря выиграл Иван Каширин, но нынче он отказался от встречи с людьми, которые впервые за годы советской власти вышли на улицу с протестом. Не явился на митинг Илья Якубов, который на партийном форуме держал яркую речь о своей преданности партии. “Я обещаю, что не только я, но и мои дети, и мои внуки будут коммунистами, служить делу ленинской партии без остатка”,– изливался он своим красноречием.

Якубов был героем лишь в идеальных условиях. Когда ясны цели и определены задачи, он проявлял недюжинные способности и изворотливости. Снимал три шкуры, если найдет в действиях члена партии отступление хоть на

йоту от азбуки партийного устава. Власть давала ему силу и вдохновение, а без власти он тонул как в болоте. Аверкин ждал его на митинге, как боевого товарища по партии, но...тщетно. “Лишь единство спасет нас от распада,— думал он, покидая стадион.— Я не вижу солидарности в партийном доме”. Симптом отчужденности, стремление бросить дело партии на произвол судьбы в то время, когда обстановка требовала единения, толкали Аверкина на грустные раздумья. “Это ж равносильно предательству,— не мог освободиться он от назойливой мысли.— Если придет время выбора, они покинут корабль, как крысы”.

Аверкин старался выглядеть объективным. Казнил себя за то, что не мог освободиться от коварных мыслей, которые могут привязаться только к больному человеку. “Нет, это лишь простое совпадение, вымысел партийного чиновника, привыкшего рассуждать принципиальными категориями”,— успокаивал он себя, ускоряя движение к партийному дому.

Новый идеолог района считал, что главная задача в современных условиях заключается в усилении связи с массами. Но как ее усилишь, если доверие теряется с каждым днем и люди отказываются от встреч? Утраченное не вернешь, но Аверкин не мог понять, когда и с какого момента появилась трещина. Ежедневно снаряжал он свой уазик в поход в населенные пункты, где аппаратчики встречались с трудовыми коллективами. Диалог был сложным и нелицеприятным и порою достигал критического состояния. Воспитатели детского сада одного крупного села громко захлопнули двери перед визитерами, в рыбацком колхозе все кабинеты оказались запертыми, а в Кротовке агитаторов встретили лозунгом “Партократы! Освободите дорогу!” Добрые

намерения партийцев все больше отдалялись от людей. Кризис охватил все стороны жизни. И его не замечали лишь близорукие политики.

Кумир российских демократов Борис Ельцин набирал очки не по дням, а по часам. Партийная номенклатура валом поднялась против его действий. Но усилия партийной элиты напоминали сильный удар кулаком по воздуху. Воздух содрогался, но не более. Свобода дышала легко, а плюрализм проникал во все поры жизни.

Хотя март считается весенним месяцем, показал еще свои права – поиграл шальными морозами и каскадом порывистых ветров. Наступил апрель, и обочины дорог и косогоры покрылись блестящим настом. Снег на полях почернел. Солнце поднималось все выше, и под его мягкими лучами начали набухать почки у прибрежного тальника.

Аверкин сел за стол. Рука потянулась к боковому ящику, в котором лежала красная папка. Вынув ее, развязал тесемочки и достал чистый лист бумаги. “Нужно или не нужно?”, – задавал вопрос и долго сидел без движения, держа шариковую ручку двумя пальцами. Ходил по комнате из угла в угол и снова садился. Газета – сила. Единственное средство для связи с массами. Единственное и действенное! Другие средства информации ему недоступны. А газеты сегодня читают даже ленивые люди. “Нужно!”, – произнес он твердым голосом и вывел первые строки. “Он говорил правильные вещи. Критиковал административную систему, непоследовательность курса перестройки. Выступал за обновление КПСС, но никогда – против социалистического выбора и ленинского учения”. Это – о Ельцине. “Двуликость его видна простым глазом, и

народ должен знать о нем правду. Ленин был для него образцом! Вспомним 1988 год. Ельцин отвечает на вопросы журналиста.

– Есть ли у вас идеал?

– Идеала выше, чем Ленин, не представляю”.

Какое кощунство! Неужели народ не поймет, что из себя представляет человек, в котором живет двойная мораль? Аверкин размышляет о судьбе перестройки, о том, что нет безграничной демократии и свободы. Статья получилась большой и острой. В конце он добавил: “Вспомним нашумевший визит Б.Н.Ельцина в США. Американская роскошь вскружила ему голову и он, бия себя в грудь, заявил о своей полной неприязни к коммунизму. Там он оставил после себя неприятное впечатление, образ беспринципного человека, у которого полностью отсутствуют патриотизм и преданность своей стране и народу”.

Не ожидал Аверкин, что статья увидит свет. Она вышла на второй странице на всю страницу. С крупным заголовком “Такой ли президент нужен России?” Мнение партийного чиновника о редакторе газеты “Красная стрела” резко изменилось. Нет, Александр Ромбов – не трус и не конъюнктурщик, а истинный партиец. Он не прячет свою голову под крыло, как страус, а проявляет характер, не боится последствий и ведет коммунистическую линию.

Статья вызвала легкий шок в стане противников. Аверкин не знал, сколько звонков, писем и угроз получила редакция. Но его самого без внимания не оставили. Писали из разных городов и деревень. Гневно! Осуждающе! Одна женщина прислала второе письмо – уже после победы Бориса Ельцина на выборах. “Ну что, тов. Идеолог КПСС, кто оказался прав в нашем споре?”

(надеюсь, письмо мое вы получили). Какой президент был нужен трудовому народу России? И какой был нужен аппарату КПСС? Народ трудовой дал внушительный ответ, – писала женщина, и Аверкин представлял, какие возвышенные чувства переживает она в эти минуты. – И чем больше идеологи КПСС, партийная пресса, радио, телевидение обливали (чем, я думаю, понятно) Ельцина до последнего дня перед выборами, тем больше народ переходил на его сторону и отворачивался от вашего кандидата, “обладающего высокими моральными качествами”. Вернее сказать, трудовой народ и не был никогда повернут к нему, так как он ничего для народа не сделал. И как не старались все вы агитировать против Ельцина, искажая всю его деятельность, народ видел, что делает для него Ельцин. И двенадцатого июня сказал свое слово. Я была уверена, что Ельцин победит, но чтоб с таким разрывом будет победа над Рыжковым, не предполагала. Отличная победа!!! А как “точно” оправдались ваши слова: “Почва из-под ног “демократов” уходит. Доверие масс теряется...”. Горе политики! Когда вы поймете все, что происходит в стране??? И сделаете правильные выводы???”

Президентские выборы стали острым сигналом в партийные кабинеты. Хотя райкомы партии считали себя во власти, авторитет их падал, как стрелка барометра в плохую погоду. Аппаратчики больше занимались подсчетом потерь в своих рядах. Якубов видел в оттоке членов очищение от неустойчивых элементов. “Чем больше приспособленцев покинут партийный корабль, тем крепче будет партия”, – твердил он на аппаратных совещаниях и осторожно закрывал за собой дверь своего кабинета.

НАКАНУНЕ

Утро выдалось пасмурным, но рыбалку не отложили. В условленном месте Равиль подобрал друга, и машина взяла курс к Анненковскому пруду. Вадим Петрович молчал, словно осенние тучи давили на его настроение. Равиль любил болтать за рулем, рассказывал всякие небылицы, а другу это не нравилось - шофер, что часовой, находится на посту. Поэтому Аверкин никогда не поддерживал разговора, боялся, что он может стать причиной несчастного случая. Но друг был уверен, что два дела развивают в водителе и внимательность, и осторожность.

– Слушай, – начал осторожно Равиль, как только свернули с большака на проселочную дорогу. – Что творится с нашей партией? Кажется, она изжила себя, а верхушка просто обнаглела.

Он ждал реакции, но друг молчал.

– Что молчишь? – прибавил Равиль газу, и машина взревела с новой силой.

– Слушаю тебя, – промычал Вадим и посмотрел на восток.

Небо лениво очищалось от туч, и первые солнечные лучи ударили в смотровое стекло.

– Меня, конечно, можно и не слушать. Радио и телевидение – вот где информация. Оказывается, мы ничего не знали о нашей партии. Гордились ею, а она вон какие дела творила.

– Какие дела она творила? – настороженно спросил Вадим.

– Казнила. Казнила чужих и ... своих не жалела. Даже Ленин, говорят, отдавал приказы.

Переехали Елизаветинский овраг, и машина круто свернула налево. Вдоль лесопосадки дорога похожа на асфальт – гладкая, ровная.

– Знаешь что, – Равиль сделал паузу, собираясь с мыслями. – Я тоже решил выйти из партии.

Вадиму показалось, что он не понял друга.

– Повтори, пожалуйста, еще раз, – попросил он его, чуть подавшись вперед.

– Хочу выйти из партии, – выдавил Равиль из себя и переключил машину на вторую скорость.

– Ты это серьезно? – задрожал голос Вадима, словно его слова попали в жернова.

– Почему бы и нет. Все бегут. Слово с тонущего корабля.

– С тонущего корабля бегут не мужественные люди, а крысы, у которых преданность к партии висела лишь на кончике языка.

– Пусть буду крысой, но я не хочу разделить трагедии, разыгравшиеся по воле той партии, в рядах которой состою.

– Есть партия, ее история, и есть идеи, ради которых боролись коммунисты. Гладкой дороги никогда не было. Верхушка покрыла себя позором, но многомиллионная партия тут ни при чем. Коммунисты первыми шли на виселицы, первыми поднимались в атаку...

– Все это – красивые слова.

– Слова, говоришь? Останови машину! – почти крикнул Вадим и накинул на спину рюкзак.

Равиль будто не услышал решительного голоса и крепко держался за руль машины.

– Останови! Не то я...

Он открыл дверцу машины, и свежий ветер ворвался в кабину. Равиль нажал на тормоз, и машина резко остановилась, подняв густую дорожную пыль.

– Да что ты, Вадим, я, может, пошутил, – стал оправдываться Равиль, и по его лицу пробежала чуть заметная дрожь.

– С такими вещами не шутят. Когда друг становится предателем – труднее не бывает.

– Сразу уж предатель. Даю слово – из партии не выйду, – извинительно произнес он, когда стали подъезжать к пруду.

– Конечно, у каждого свой выбор, – как бы самому себе сказал Вадим Петрович..– Слово давать не нужно. Я тебе не судья. Погорячился. Просто стало больно от неожиданности. Давай сегодня об этом не будем.

– Не будем, – воспрянул духом Равиль и не глядя вытянул руку через сиденье.

Аверкин искренне пожал ее и бросил рюкзак на прежнее место.

Рыбалка оказалась удачной. Вадим вытащил семь приличных карпов, а у Равиля оказалась их целая дюжина. Для хорошего настроения были все основания, но оно все же было омрачено вызовом (именно так считал Аверкин), который выбросил друг. “Может быть, дело совсем не в друге, – размышлял Вадим Петрович. – Время настало другое. Смутное, тревожное. Каждый ищет выход”.

Вадима Петровича тоже одолевали сомнения. Он много думал и передумывал, но покинуть партию в

трудную минуту не приходило в голову. Считал, нет – был уверен, что подобный шаг равносителен предательству и не вписывался ни в какие моральные рамки.

– Какое сегодня число? – спросил он, когда машина остановилась около коттеджа, который друг получил два года назад.

– Восемнадцатое августа, – тихо ответил Равиль, а потом протяжно добавил, – 1991 года.

Сауна и уха, приготовленная добродушной Нурией, окончательно расслабили тело Аверкина. Не успел лечь в постель, веки мгновенно сомкнулись и он очутился в далекой сибирской избушке с небольшими окнами на восток...

Хмурые стены деревянного домика, потолок почти над головой, а за окнами бушует неугомонная сибирская весна.

– За что вас сослали на каторгу? – спросил Василий Петрович, и тусклый свет от лучины озарил его исхудавшее лицо.

– За попытку государственного переворота, – промолвил лениво Вадим Петрович и глубоко вздохнул – как и вас, декабристов.

–Знаю, знаю, – улыбнулся декабрист и дружески похлопал по плечу Аверкина. – История крутится вокруг своей оси, и нет силы, чтобы ее остановить.

Вошла Камилла и, поставив самовар на дубовый стол, встала рядом с мужем. В комнате стало уютней, будто раздвинулись стены. Большие карие глаза излучают тепло. Густые волосы аккуратно подобраны в виток, локоны веером вьются на румяных щеках. На плечах – тонкая пуховая шаль, подаренная матерью Ивашева - Верой Александровной перед отъездом в

далекий путь. На проводы собралось тогда все село. Первой подошла прощаться она, Вера Александровна, благословила и накинула на Камиллу белый пуховый платок. Камилла упала на колени.

Вера Александровна наклонилась и легким движением рук прикоснулась до ее плеч.

– Доченька, встань. В дни суровых испытаний мы почувствовали твою благосклонность к нашему дому.

Камилла подняла глаза, полные горячих слез, протянула тоненькие руки, и они очутились в теплых морщинистых руках Веры Александровны.

– Сибирь – суровый край, – тихо произнесла она прощальные слова, когда невеста оказалась перед ней во весь рост. – Пусть он будет для тебя талисманом, пусть согревает твою душу.

...Легкий стук чайной ложки оторвал ее от воспоминаний.

– О, какой ароматный чай! – воскликнул Вадим Петрович после того, как сделал глоток из жестяной кружки.

– Сибирский край богат лечебными травами не меньше, чем родные места. Интересно, чем дышит сейчас ундоровская земля?

– Вы, видимо, не знаете, что на вашей родине ежегодно проводятся ивашевские дни.

– Неужели потомки нас не забыли? – засверкала слезинка в глазах Василия Петровича, и он незаметно смахнул ее кончиком пальца. – Моя родина... Там началась наша любовь с Камиллой. Любопытно узнать, как проходят, как вы соизволили сказать, ивашевские дни, где, быть может, есть место и нашим, с Камиллой, именам. Расскажите, любезный друг.

– В летний день, когда лучи солнца озаряют

верхушки вековых деревьев, народ собирается на праздник. В парке, который назван вашим именем, с утра до вечера не утихают песни и пляски, звучит музыка, изливаются гармошки, вспоминают вас, о ваших близких друзьях и товарищах. Люди отдают дань уважения тем, кто в далекие времена выступил против самодержавия и тирании.

Умор – Кому принадлежит пальма первенства близких моему сердцу праздников?

Умор – Ивашевские праздники – плод усилий многих, но особо хочу отметить известного краеведа Александра Блохинцева и энтузиаста Ивана Севостьянова. Добрых слов заслуживает Мира Савич, которая является неутомимым пропагандистом идей первых революционеров России. Ни один праздник не обходится без ее возвышенного слова о декабристах. Кстати, в селе открыт музей, который назван вашим именем.. Таких музеев нет ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге, а в Ундорах усилиями местного ценителя подвига декабристов Анатолия Куликова он стал центром воспитания молодого поколения.

Умор – До нас дошли слухи, будто демократы ненавидят декабристов. Один из их вдохновителей Анатолий Собчак обвинил нас в том, что мы породили Ленина. Хотя господин Собчак произнес свои слова с сарказмом, мы горды тем, что декабристам дана высокая оценка даже теми, кто нас ненавидит. Верно, мы разбудили Герцена, а Герцен всколыхнул разночинцев. А там все пошло по цепочке. Чем дальше, тем ярче и шире пламя. Ленин осуществил то, о чем мы мечтали. Он оказался покруче Петра Великого и на кровавые действия врагов отвечал, образно говоря, тройным огнем. Из глубины эпохи мы особенно

отчетливо видели неравную борьбу и восхищались победами нового общества. Нам еще дороже и ближе стали пророческие слова Пушкина – взойдет она, звезда пленительного счастья!

– Собчаки приходят и уходят, оставляя за собой грязное пятно, а ваш подвиг не померкнет никогда, ибо вы совершили его во имя народа, во имя великих нравственных ценностей.

– Они обвиняют нас в кровопролитии, но придет время – и оно скоро наступит – когда снаряды демократов польют улицы столицы кровью. Они расправятся с инакомыслящими с демократической разнузданностью, которая несравнима ни с жертвами октябрьской революции, ни с выстрелами на Сенатской площади. Но пройдет немного времени, и к власти вернуться коммунисты, не те, кто предал идеалы добра и справедливости. Мы были первыми, но как хочется быть последними в битве за счастье обездоленных и обманутых людей.

Когда разгневанный народ

Обман вождей поймет,

Зажгу последнюю свечу, –

Последним быть хочу.

“Все хотят быть первыми, – как бы про себя рассуждал Ивашев. – А ведь не менее важно, а может быть, в сто крат важней быть последним. Тайга. Непроходимые леса. Жгучий мороз – птицы на лету падают. Группа первопроходцев неумолимо идет вперед. Израсходованы все припасы, исчирканы все спички и осталась лишь одна, которая хранится в твоём кармане. И она поможет... выжить”.

Наступила пауза, которую осторожно нарушил Аверкин:

– Я много читал о декабристах, о генерале Ивашеве и вашей семье, а вот про вашу любовь...

Лицо Василия Петровича покрылось румянцем. Он посмотрел на Камиллу, которая внимательно слушала собеседников, и Аверкин понял, что затронул самую сокровенную струну. Форточка резко отворилась, и в душную комнату ворвался свежий весенний ветер с ароматом лесных трав и щебетаньем птиц. Василий Петрович подошел к окну и, глядя на молодые березовые ветки, которые качались при свете луны, начал свой рассказ.

“ Был теплый весенний денек. Я, молодой офицер, окончив военное училище, возвращаюсь в родные пенаты. В Симбирске меня уже ожидал кучер Гаврилыч с тройкой резвых лошадей. Позади остались знакомые селения Подгородная Каменка, Протопоповка, Полдомасово, Татарская Беденьга, Дубравка. Тройка спустилась в Коровинский овраг, и я попросил кучера сделать небольшую остановку. Освежив лицо родниковой водой, свалился в густую сочную траву и закрыл глаза. Разноязычный птичий хор и ароматный запах полевых цветов опьянили чувства, и я мгновенно задремал. Неожиданно вдалеке появилась яркая звезда, которая приближалась ко мне со скоростью света. Чем ближе, тем ярче. Расправила крылья, и передо мной появилась мадонна с удивительно зелеными глазами.

– Камилла? – с чувством произнес я от изумления и сделал попытку приподняться.

– Я не Камилла, я Полина, – улыбнулась красавица и широко расправила крылья.

– Откуда ты, красавица?

– Я издалека, и вернусь сюда через двести лет.

Тебя ждут тяжкие испытания. Не откажись от своих убеждений и не сделай рокового шага. Верная подруга облегчит твою участь, и вы найдете в ней негасимую любовь.

Она сделала взмах широкими крыльями и стала удаляться в небесную высь.

– Куда ты, красавица? Останься еще на минутку!

Она взмахнула могучими крыльями еще раз, и красные стрелы устремились на меня с необычной силой. Я проснулся в жутком состоянии. Небо покрылось темными тучами. Быстро вскочил и, нахлобучив фуражку, побежал к тройке. Гаврилыч сидел, откинув голову назад, и тихо сопел. Сверкнула молния, раздался первый весенний гром. Стали падать крупные капли дождя.

– В путь, Гаврилыч! – крикнул я торопливо и вскочил в кибитку.

Дождь усилился и скоро лил так, будто из небесной выси кто-то поливал землю из ведра. Подул сильный ветер, и все вокруг закрутилось, завертелось в неистовом вихре“.

Василий Петрович встал спиной к окну, скрестил руки и посмотрел на Камиллу. Глаза их встретились, и Камилла ответила ему еле заметной улыбкой, в которой таилась, быть может, вся красота женской природы.

“Мой короткий отпуск подходил к концу, и я стал собираться на новое место службы, – продолжал Василий Петрович рассказ и подошел к столу. – Накануне отъезда вспомнил детские годы, уединение в тиши вековых деревьев, где рождались первые стихи и пришел попрощаться с безвозвратно ушедшим детством в тихий уголок обширного отцовского имения.

Я наслаждался видами дикой поляны, окруженной со всех сторон густыми зарослями. И вдруг заметил девушку, беспечно собирающую цветы. Я притаился словно охотник и стал наблюдать, как ее тонкие пальцы срывают еще не окрепшие цветы. Она двигалась на коленях медленно и, когда протянула руку, чтобы сорвать анютины глазки, увидела перед собой блестящие сапоги со шпорами и застыла в оцепенении, боясь поднять глаза на таинственного незнакомца.

– Для кого собирает цветы, мадемуазель? – улыбнулся я, но она осталась в полной неподвижности. Потом внезапно подняла голову, и я увидел темные, как спелая вишня, глаза. Наши взгляды встретились, и по моей спине словно провели саблей. Улыбка исчезла с моего лица. Рванулся было за ней, но она, сделав несколько решительных шагов, быстро скрылась в густых зарослях. Я пошел следом, слегка пошатываясь, словно после гусарского веселья”.

Василий Петрович сел на стул, откинул голову назад, и Камилла мягко положила руку на его седеющие волосы.

“С того памятного дня прошло пять лет, и я в далеких сибирских рудниках, стоя перед маленьким окошком своей камеры, по крупницам вспоминал милые моему сердцу картины. Они еще больше раздирали мою душу перед решающим шагом, который решил предпринять. Сговорился с местным жителем-беглецом, который обещал вытащить меня с каторги и провести до китайской стены. Тын уже подпилен, и место для выхода подготовлено. По выходе из острога мы должны отправиться в ближайший лес, где, по словам беглого, находилось подземное жилье, в котором мы должны скрываться пока не прекратятся поиски.

Подобные случаи мне были известны. Все они заканчивались трагически для тех, кто соблазнился на свободу. Но я не видел иного выхода. Зашел ко мне Басаргин, который как-то узнал о моих замыслах. Всю ночь отговаривал меня отказаться от необдуманного шага. “Крах неминуем”, – твердил он басом, медленно шагая из угла в угол. Расстались холодно. Басаргин пригрозил даже сообщить коменданту, если я не откажусь от крамольной мысли.

Ночь провел на ногах. К утру свалился на дощатые нары, съежился весь в комок и сомкнул веки. В голове зашумело от запаха луговых трав, стены душной камеры раздвинулись, и я увидел перед собой, как и пять лет назад, красавицу с изумрудными глазами.

– Полинушка! Дорогая! – обрадовался я новой встрече и устало улыбнулся. – Как ты меня нашла?

– Ты не забыл моего совета? – строго спросила Полина. – Не сделай рокового шага и не отршись от своего счастья!

– Полина! Не уходи! Прошу тебя – не уходи!

Но Полина, как сиреневый туман, быстро растворилась. Я сделал резкое движение, и звон кандалов разбудил меня от чудного сна, который когда-то уже видел. Раскрыл глаза в приятном ощущении и увидел Басаргина, стоящего с неизменной трубкой.

– Кого ты жалобно окликал? – спросил он с улыбкой на устах и вынул трубку изо рта.

– Мне приснился чудный сон, друг мой бесценный, – улыбнулся я и, чуть приподнявшись, уперся на подлокотники. – Сейчас я его тебе...

И тут неожиданно скрипнула дверь, и на пороге появился унтер-офицер.

– Позвольте доложить, господин Ивашев, – выпалил скороговоркой усатый офицер с мягким акцентом. – Вас требуют к себе комендант.

В камере воцарилась тишина. Я внимательно посмотрел на друга. “Неужели предал? – вкралась в мою душу дурная мысль. – Не может быть!”

Басаргин стоял неподвижно, на его лице не дрогнул ни один мускул. Он, видимо, не меньше, чем я был удивлен внезапным визитом офицера. Спокойствие друга успокоило меня, и я с искренним чувством произнес:

– Прости меня, друг Басаргин, в минутном подозрении. Но что это значит? Не понимаю.

Комендант Лепарский ждал меня в просторном кабинете за широким столом, покрытым зеленым сукном. Когда-то он служил вместе с моим отцом в суворовской армии. Оба были в чинах генералы, оба заслужили похвалы и награды. Но служебные обязанности коменданта не позволяли ему раскрыть своих искренних чувств ко мне.

Лепарский вышел из-за стола, держа в левой руке почтовый конверт с таинственным содержанием. Отдал, не сказав ни слова, и отошел в сторону. Я вынул из уже открытого конверта лист, развернул его и прочитал первые слова: “Дорогие мои...” Это было письмо матери Камиллы к моим родителям. Она писала о любви, которую питала ко мне Камилла. “Дочь моя не раскрыла бы своей тайны, кабы Базиля не постигло горе”. Каждая строка пронизана глубокими чувствами, от которых становилось мне теплей. Только вчера я вспоминал Камиллу. С тех пор, как встретились в саду, мы часто ходили с ней на луга, в лес, на остров, где водилось много диких ягод. Два года подряд я провел

отпуск в имении отца и признался родителям в любви к милой француженке. Тогда в доме поднялся гвалт – признание мое свело всю семью с ума. Когда приехал отдыхать летом 1825 года, семьи Ледантью в Ундорах не оказалось – они уехали в Санкт-Петербург. Не трудно было догадаться, что причиной отъезда был “бунт” в доме моего отца.

Тихий кашель коменданта вернул меня к действительности. Я быстро стал читать письмо. “Эта несчастная молодая девушка любит Базиля, ему принадлежали первые ее грезы, бессознательно для нее самой, но тогда его положение, его богатство не допускало даже мысли о том, чтобы когда-либо стать его женой, – читал я дальше, и слезы застилали глаза. – Если забота и нежность моей дочери могут хоть сколько-нибудь утешить несчастного юношу, мое сердце будет радоваться сквозь слезу разлуки. Я сумела бы даже от лучшего друга скрыть тайну дочери, если бы можно было заподозрить, что я добиваюсь положения в обществе или богатства. Но она хочет лишь разделить его оковы”.

Я оторвался от письма и произнес вслух последнюю строку: “Она хочет лишь разделить его оковы”. Мое чувство вспыхнуло с новой силой. Я смахнул слезу и, гремя кандалами, вышел от коменданта.

Письмо обрадовало и Басаргина, который каждый день навевывал меня и настойчиво требовал положительного ответа. Его суждения, доводы, искренность словно железный пресс давили на мои чувства. Я как птица в клетке боролся с сомнениями, от которых не мог освободиться. Разум и чувство. Чувство и разум. Чему отдать предпочтение? Будет ли

счастлива со мной Камилла? Чем я в состоянии вознаградить за жертву, которую она готова принести? Не будет ли она потом раскаиваться в своем поступке?

Когда луч утреннего солнца проник в крошечное окошко и осветил мое лицо, я раскрыл глаза и почувствовал, как исчезла усталость, будто в тело влили живительную струю. И тут вдруг вспомнил сон, смысл которого понял только сейчас. Подошел к окну, приоткрыл форточку и тихо произнес:

– Спасибо тебе, Полина, за добрый совет и за добрую душу“.

...“Спасибо тебе, Полина”, – повторил Вадим Петрович за Василием Петровичем и... открыл глаза. Резко стянул с себя одеяло и, словно скошенный, снова повалился в постель: “Какой удивительный сон! Однако ж, что он может предвещать? Встреча с самим легендарным декабристом, чье имя для меня давно стало символом чистоты и самопожертвования за правое дело. Со многими знаменитостями приходилось встречаться во сне, но с Василием Петровичем и Камиллой... это удивительно”.

Аверкин посмотрел на настенные часы – без четверти пять. “Пора идти на дорогу”, – сказал себе вслух и, вскочив, сделал несколько движений.

Нурия уже приготовила завтрак.

– Что-то ты слишком возбужден, – украдкой посмотрела она на гостя.

– Не могу успокоиться. Сон приснился, но мне кажется, все было наяву. Чудный сон! К сожалению, нет времени рассказывать.

– Потом забудешь...

– Такие сны не забываются

ПЕРЕВОРОТ

Вадим Петрович сошел с автобуса и направился к зданию райкома партии. Аллея встретила его загадочной тишиной, которую изредка нарушали птичьи голоса. На узкой тропинке встретила молодая женщина и, широко улыбнувшись, воскликнула:

– Ну что, капут вашему Горбачеву?!

Вадим Петрович остановился, хотел что-то спросить, но женщина быстро исчезла за поворотом, причитая: “Капут! Капут! Капут!”. На душе стало тревожно. Аверкин ускорил шаг, поднялся на площадку и дернул на себя стеклянную дверь в железных рамах. В фойе звучал голос диктора центрального телевидения.

“Соотечественники! Граждане Советского Союза! В этот критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся к вам! Над нашей Великой Родиной нависла роковая опасность! – звучал глуховатый бас. – Давно пора сказать людям правду: если не принять срочных мер по стабилизации экономики, то в самом недалеком времени неизбежен голод и новый виток обнищания... Только безответственные люди могут уповать на некую помощь из-за границы”.

Аверкин прошел в кабинет и включил приемник. “Идет наступление на права трудящихся. Права на труд, образование, здравоохранение, жилье, отдых поставлены под вопрос. Даже элементарная личная безопасность людей все больше и больше оказывается под угрозой.

Преступность быстро растет, организуется и политизируется. Страна погружается в пучину насилия и беззакония”.

Аверкин не отходил от приемника. Сотрудники заходили в кабинет, молча слушали голос диктора и молча покидали кабинет. Он ждал, когда наступит пауза и диктор огласит обращение Центрального Комитета. Но ЦК молчал. Зашла секретарша и положила на стол бумагу. “Прошу принять меры в поддержку ГКЧП. Б.Лекарский”.

Прочитал. Задумался.

“Это , не документ, – подумал он и отложил бумагу в сторону. – Почему молчит ЦК?”. Позвонил в обком – ни один телефон не отвечает. Положил перед собой лист и вывел первые строки: “Райком партии обращается к населению района с просьбой оказать поддержку Государственному комитету. Партийным организациям на местах создавать...”

Взял лист в руки, смял так, что захрустело в суставах. Выбросил в урну. “Почему молчит ЦК? – не выходит из головы избитое выражение.– Почему?”

Вошла заведующая идеологическим отделом:

– Какие будут указания?

Ответ последовал не сразу. Аверкин подошел к портрету Ленина. Остановился. Глаза чуть прищурены – думай, думай, думай!

– Соберите на два часа членов бюро.

Радио в который уже повторяет обращение. Прозвучало даже заявление председателя Верховного Совета Лукьянова Анатолия Ивановича. Молчит лишь ЦК.

– Что будем делать?

Для членов партийного бюро вопрос не является неожиданным. Но они молчат.

Аверкин раскрыл папку и достал подготовленный проект.

“Заявление районного комитета КПСС, – прочитал он первые слова и обошел взглядом членов бюро. – Райком партии считает необходимым поддержать действия ГКЧП, направленные на сохранение СССР и стабилизацию страны. Партийным ячейкам рекомендуется организовать митинги и собрания в трудовых коллективах. Райком партии обращается к населению района сохранить спокойствие, пресекать любые действия, направленные на нарушение общественного порядка”.

Наступила пауза. Аверкин ждал реакции.

– Кто желает высказаться? – снова обошел членов бюро взглядом и отложил бумагу на край стола.

– Имеются какие-либо указания из обкома партии?

– Из обкома имеется телефонограмма Лекарского. Просят поддержать. Но молчит почему-то ЦК, хотя доступ в радиоэфир ему, по-моему, не заказан.

– Мне кажется, нельзя торопиться с принятием какого-либо документа. Никто не знает, чем все это кончится. Лучше – подождать.

Директор цементного завода как всегда спокоен и тверд в своих суждениях. Но они не совсем по душе секретарю райкома. Выжидательная политика – не партийная позиция. Что означает “Лучше подождать”? Мы все коммунисты и хорошо понимаем, чем кончится, если будем наблюдать со стороны. Но Аверкина выбивает из равновесия один момент – молчит центральный орган партии.

Директора завода поддерживают другие райкомовцы. Вадим Петрович не настаивает на своей позиции и даже не ставит вопрос на голосование.

На второй день он выехал в Большие Ключищи. В

сельском клубе собрались не только коммунисты. Речи пламенные, резкие. Напоминают революционные времена.

– Законность действий Госкомитета неоспорима! – громким голосом отстаивает свою позицию учитель школы Иван Михайлович Бодров. – Очень важно, что они использовали удачный момент для пресечения коварных замыслов тех сил, которые стремятся раздробить нашу страну!

Аверкин не вмешивается в дискуссию. Ему необходимо почувствовать атмосферу, выслушать мысли тех, кто представляет народную массу. Но в конце он все же просит слова и настаивает на том, чтобы вопрос о поддержке на голосование не поставили.

– Почему мы должны занимать нейтралитет? Решается судьба страны, и мы не имеем права оставаться в стороне. История нам не простит!

Лес рук возвещает о поддержке комитетчиков. Аплодисменты оглушают зал.

В эти дни Аверкин побывал во многих трудовых коллективах. И везде народ выражал свою симпатию тем, кого потом окрестили путчистами. В райкоме он не появлялся, в обком не звонил.

Весть о поражении комитетчиков застала его на встрече с коммунистами села Зеленая Роща. Когда вышли из клуба, вечерние сумерки окутали окрест и ночь незаметно подкралась к окнам домов. Дубовый лес провожал его неистовым свистом. На асфальт падали крупные капли дождя.

Настроение было скверным. Аверкин сидел, уткнувшись в воротник, и старался ни о чем не думать. Но мысли, как воронья стая, приходили сами собой. “Надо ли было заварить кашу из-за трех дней? На что надеялись, когда началось противостояние? Почему выступили, не имея программу действий?”. Легкомыслию

комитетчиков трудно было найти оправдания. Но еще больше удивляла позиция ЦК КПСС. Аверкин испытывал такое чувство, будто его приковали к стулу, связали руки и ноги и наотмашь хлыщут по щекам.

Дома жены не оказалось. Видимо, ушла к внукам. Хорошо, что нет. Включил телевизор – народные депутаты ликовали. На переднем плане – сияющие лица Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова.

Утром следующего дня Вадим Петрович отправился в райком. Тучи низко проплывали над окраиной города. Ночью прошел сильный дождь. На обочине дороги стекались лужи. Ветер неистово теребил тент уазика.

В фойе его встретил молодой милиционер. Приземистый, молодой, щеголеватый. Приложил руку к козырьку. Аверкин никогда его не встречал, но сержант милиции, видимо, секретаря райкома знал.

– Ваш кабинет опечатан, – сказал он мягким тенором. – Пускать не велено.

– Чей приказ?

– По распоряжению Руцкого.

Крупная овчарка в унисон ему твякнула, дав понять, что наступили новые времена. Вадим Петрович попросил лист бумаги и четким почерком вывел: “Аверкин Вадим Петрович находится по адресу – Старомайнский район, село Прибрежное. Спросить Пастухова Федора Николаевича”.

– Если меня будут искать – вот мой адрес, – сказал он сержанту и положил ему на стол записку.

Жена собирала теплые вещи.

– Раз уж Хазарова сняли с работы, с тобой церемониться не станут, – сказала она тихо и просила Бога, чтобы он был к супругу милостив.

Вадим Петрович молчал. Ему нужно было время, чтобы понять перемены, происшедшие в эти дни.

Содержание

1. Друзья	6
2. Вибрация	27
3. Схватка	45
4. Шантаж	68
5. Крутые ступеньки	75
6. Ситуация	84
7. Кумир	95
8. Обида	113
9. У истоков возрождения	128
10. Эйфория	138
11. Накануне	149
12. Переворот	163

Александр Мишаади

Партократы

Технический редактор В. Ф. Ромашкин.

Корректор В. В. Кислинский.

Компьютерный набор В. А. Земсков, Е. А. Земсков.

Компьютерная верстка В. А. Ефимова.

Подписано в печать 19.04.2001. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 10,12.

Тираж 120. Заказ 1234. Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика.

ГУП «Облтипография «Печатный двор».

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, д.27.